

ИСТОКИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

№1(35)
2023г

Фиолетовое настроение.
Худ. Нина Сухорукова

С новой книгой!

В этот день в читальном зале библиотеки имени писателя Н.С.Устиновича в Нижнем Ингаше собрались на презентацию очередной книги тоже известного литератора-земляка Сергея Тимофеевича Прохорова, члена Союза писателей России, члена Международной федерации русскоязычных писателей, член-корреспондента Крымской литературной Академии...Собрались друзья, поклонники и почитатели его творчества, представители администрации Нижнеингашского района, общественных организаций, школьники, а также участники литературного объединения «Родничок» из города Иланский. Все они пришли, чтобы засвидетельствовать своё почтение, уважение и любовь к автору, разделить с ним радость от издания новой книги. *(Продолжение смотреть на 3-й странице обложки)*

№1(35)

ИСТОКИ

2023г

Литературно-художественный и публицистический журнал

Основан в 2005-м году

**Строительство храма-часовни Святителя Николая Чудотворца в Нижнем Ингаше
возле памятника погибшим ингашцам в горячих точках. Проводится строительство на
средства мецената Виктора Дмитриевича Итченко**

**Для нижеингашцев часовня будет местом вечного поминовения о воинах,
отдавших свои жизни за веру и Отечество.**

Фото Ларисы Захаровой

ББК 84
И 7- 111

«ИСТОКИ»
литературно-художественный
и публицистический журнал
2023 год. 172 стр.

Основатель и главный редактор
Прохоров Сергей Тимофеевич -
член Союза писателей России.

ОБЩЕСТВЕННО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Сдобняков Валерий Викторович - секретарь Союза писателей России, председатель правления Нижегородской писательской организации, редактор литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век». Нижний Новгород.

Ерёмин Николай Николаевич - член Союза российских писателей. Красноярск.

Корнилов Владимир Васильевич - член Союза писателей России. Братск.

Яшин Алексей Афанасьевич - член Союза писателей России, редактор литературного журнала «Приокские зори». Тула.

Прилуцкая Ольга Владимировна - член Союза писателей республики Крым, член-корреспондент Крымской литературной академии, редактор литературно-художественного журнала «Крым», историко-краеведческого и литературно-искусствоведческого журнала «Доля», главный редактор детского журнала «Долька». Симферополь.

**Валерий
СДОБНЯКОВ**
Нижний Новгород

*Валерий Викторович
Сдобняков - лауреат
литературных премий
города Нижнего
Новгорода (2004,
2007). Митрополитом
Волгоградским
и Камышинским
Германом "Во внимание
к подвижнической
деятельности по
воссозданию в России
христианского образа
жизни" награжден
дипломом Православного
Царицынского Александро-
Невского фестиваля СМИ.
Валерий Викторович - член
Союза писателей России
и Союза журналистов
России. Заместитель
председателя Исполкома
Международного
Сообщества
Писательских Союзов
под руководством Ю. В.
Бондарева. Председатель
Нижегородского
Правления Союза
писателей России.*

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ СЕРДЦА МОЕГО

**Ловля рыбы и случаи из жизни в пределах
старой нижегородской ярмарки**
(Отрывок из повести)

И всё-таки начну издалека.

Я с малолетства жил на берегах двух рек: Оки и Волги. Но, кроме этого, рядом, буквально окружая наши пятиэтажные дома, выстроенные из «советского» красного кирпича (хотя его цвет больше напоминал морковный), были широкие старые ярмарочные каналы, разрезанные насыпными дорогами на отдельные пруды. Кроме того, особо привлекали нас, местных мальчишек, два озера – Цыганка и Мещерское. Иными словами – вода была кругом. Потому хотел бы я того, или нет, но рыбалка совершенно естественно вошла в мою жизнь с тех пор, как сам себя помню.

Самым любимым местом мальчишеских забав было озеро Цыганка. Кто, когда и почему дал ему такое название – Бог весть. Наш квартал из четырёх домов, образующих внутри себя ровный двор-прямоугольник (в народе эти дома окрестили «хрущёвками»), отделяли от озера всего лишь территория Спасского Староярмарочного собора, в те времена использовавшегося как складское помещение, бывший дом причта, превращённый в большой жилой барак для не слишком удачливого и законопослушного люда, и одноколённый железнодорожный путь, от которого заросший травой склон спускался в некую низину, к берегу озера, по краю которого у самой воды росли могучие тополя.

У этих тополей в жаркие дни наша ребятня купалась, не зная отдыха, а по утрам и вечерам испытывала своё рыбацкое счастье, используя удочки, смастерённые из сухих ореховых прутьев, лески, поплавка из пробки, закупоривавшей когда-то бутылку с вином, и спички, что прижимала пробку к леске, небольшой гаечки вместо грузила и крючка, купленного в спортивном магазине на улице Луначарского, что недалеко от Московского вокзала.

Эти крючки продавались по десятку в тоненьких

прозрачных слюдяных пакетиках, и были самых разных размеров. Серьёзные, взрослые рыбаки выбирали их со знанием дела – для всякой рыбы свой размер крючка с острым колючим жалом. Мы чаще всего покупали самые дешёвые, маленькие, прозванные «заглотыши». На солидную рыбацкую удачу не претендовали, а окуни и ерши, если их вовремя подсесть, и с таких крючков не срывались.

С каким же нетерпением летним утром мы бежали на берег Цыганки, держа в одной руке эти неказистые приспособления для лова рыбы, в другой – верёвочку, обмотанную и крепко завязанную вокруг горлышка трёхлитровой стеклянной банки, с надеждой, что на этот раз уж точно удача окажется на нашей стороне.

По дороге останавливались у огородов.

Они были разбиты за старыми, с двух сторон ограждающими территорию соборасклада сараями, сколоченными из старых, почерневших от времени и непогод досок. Стены сараев кособочились, их подпирали столбами, и всё равно вид построек выдавал неприглядность и необустроенность жизни их хозяев. Там, за сараями и забором, ограждающим грядки и яблони с вишнями от непрошенных гостей, мы, ковыряясь в земле попавшими под руку палками, добывали червей. Помещали их в найденную по дороге ржавую жестяную консервную банку с наполовину отогнутой крышкой, с опасными для неосторожных пальцев рваными краями в виде вывернутых на внешнюю сторону острых металлических треугольников, оставленных при открытии консервным ножом и напоминающих зубы акулы. Присыпали откопанных червей влажной землёй и теперь уже без остановки спешили к берегу, заросшему осокой и особыми цветами, резко пахучими и растущими только в воде у края.

Тут были обжиты, утоптаны, расчищены от водорослей особые места, удобные для заброса лески. Желательно это делать подальше, но в то же время, чтобы поплавок находился не так далеко от листьев кувшинок, как бы в проруби, в лужице между образующими заводь водорослями.

Теперь, когда всё сделано правильно, остаётся только ждать поклёвки. Как же она в такие минуты желанна!

Чаще всего это случается не сразу, словно окуньки испытывают твоё терпение, твою усидчивость. Но вот пробковый поплавок слегка пошевелился, затем сильнее, но всё-таки легонько – словно его кто-то потеревил на пробу, потом и вовсе попытался уйти под воду и резко дёрнулся в сторону. Тут не упускай момента, подсекай.

Если сделаешь вовремя и удачно, наградой будет трепещущийся на крючке, на самом краю лески жёлто-полосатый окунёк – такой красивый, пёстрый, радужный.

Радостно снимать его, ощущая трепыхание живой скользкой рыбки в своей ладони. Потом суетливо подбегать к воде, наполнять ею – мутноватой у илистого берега, с кружками мелких зелёных водорослей, напоминающих собой новогодние конфетти, – принесённую трёхлитровую банку, опускать в неё пойманного окунька и какое-то время наблюдать за рыбкой, как она мечется за толстым синеватым стеклом, пока, наконец, не успокоится, не застынет на месте, словно всматриваясь через стекло на неизвестный, впервые открывшийся ей мир, и только осторожное шевеление плавников будет говорить о том, что окунёк жив.

Возвращаясь к брошенному в траву удилицу, насаживаешь на крючок свежего червяка и быстрее закидываешь поплавок в удачливое место с надеждой на продолжение поклёвки. Но это случается редко. Чаще всего приходится вновь ждать.

Но вот о чём я только сейчас подумал: не припомню, чтобы кто-то из мальчишек заранее, пока не поймал рыбу, набирал в банку воды. Конечно, мы тогда не думали о каких-то правилах или предрассудках – просто так само получалось. И правда, зачем готовить воду, пока ещё не известно, будет тебе удача в этот день или нет.

В озере Цыганка рыба ловилась хорошо. Её там обитало немало, и видами была разнообразна. В том числе и речными. Виной тому мощное весеннее наводнение. Когда случались разливы, озеро соединялось в единое водное пространство не только с куда большим по площади Мещерским озером, но и с Волгой.

Теперешним жителям микрорайона «Мещерское озеро» трудно представить, но паводок останавливался вширь только у высокой железнодорожной насыпи, идущей к Волжскому мосту. Тогда обитаемым островом являлся лишь асфальтовый завод, построенный на невысоком холмике, да голые, ещё не успевшие покрыться листвой кроны огромных старых тополей, видом корявых мощных ветвей напоминающих страшных существ, свободно парящих над бескрайней водной гладью.

Но заканчивалось половодье, озёра возвращались в свои исконные берега, и тогда всё пространство между ними становилось желтым-желто от распутившихся одуванчиков. Это было зрелище невероятной красоты, и ничто нас, мальчишек, не могло удержать, чтобы мы не отправились в эти луга.

Ещё не вся вода ушла, ещё широкие промоины были заполнены ею, отражающей движущиеся в высокоме небе белые облака, а мы смотрели с высоты железнодорожной насыпи, что за Староярмарочным собором в эту, казавшуюся сказочной даль, и грезил неведомыми путешествиями. Словно в этом жёлтом пространстве с голубыми крапинами большущих луж таилось что-то неведомое и непостижимое и оттого невероятно притягательное.

Если на Цыганку смотреть со стороны Староярмарочного собора, то слева озеро заканчивалось большими зарослями ивовых кустов, куда ходили старики резать лозу для плетения корзин. Справа берег был сух, и его как бы оберегала группа старых тополей – порубленных, побитых, с вколотыми в них металлическими скобами, но продолжающих упорно жить.

Чтобы перейти на другой берег озера, лучше всего его обойти с правой стороны, посуху. Правда, Цыганка с Мещеркой соединялась непонятной протокой, которую пересекала проложенная к асфальтовому заводу автомобильная дорога. Преодолевая протоку, приходилось разуваться и по песчаному дну идти вброд.

Протоку эту мы, дети, побаивались, потому что в ней водились чёрные и красные пиявки. Чёрные были толстыми и жирными, красные тонкими и чем-то напоминали мотылей, только в длину намного больше. Бывало, выходя на другой берег, мы уже находили на ноге присосавшуюся к ней чёрную пиявку. Снимать её с кожи было не больно, но неприятно и гадливо. Пиявка упруго шевелилась, сворачивалась в кольцо, и тогда казалось, что она хочет укусить за палец. Бросив пиявку обратно в воду интересно было наблюдать, как она моментально расправлялась, вытягивалась и волнообразной лентой скрывалась в глубине.

Ходили мы на противоположный берег только купаться – около асфальтового завода образовался природный песчаный пляж. Однако недалеко, немного подальше, где на берегу росла ещё одна группа старых тополей, было и удобное место для рыбной ловли. В основном там почему-то клевали караси.

Но однажды мы с двумя приятелями ближе к вечеру пошли к тому месту потаскать небольшой бредешок. В основном вся вода у берега с этой затопляемой стороны Цыганки густо заросла водорослями, болотными цветами, оттого дно вязко удерживало ступни. Быстро темнело. Мы уже собирались идти домой, как вдруг в сетке среди вытянутых нами на берег тёмно-зелёных прядей водорослей суетливо зашевелилось что-то чёрное, продолговатое. Оно заползало, стараясь скрыться в траве. Поначалу мы испугались – змеи! Но потом бросились ловить руками расплзающуюся в разные стороны добычу. Это оказались выюны. За тот вечер

мы их поймали довольно много. Тёмные, скользкие, бесчешуйчатые, издающие попискивающие звуки, они ползали в ведре, словно громадные черви.

Вспомнил я этот улов только потому, что ни до нас, ни после я никогда не то чтобы не видел, но и не слышал, чтобы кому-то ещё попадались в озере эти рыбы.

Однако чаще всего мы ловили, конечно, с берега, на удочку. Добывать рыбу бреднем была прерогатива взрослых, среди которых время от времени появлялись просто профессионалы.

В той самой протоке у асфальтового завода, о которой я упоминал, в основном добычей занимались одни и те же мужчина и женщина – вернее всего, семейная пара. В специальных прорезиненных костюмах химзащиты они смело входили в глубокие места, перегораживали русло крупноячеистой сетью и затем с шумом ударяя палками по прибрежным зарослям с разных сторон загоняли рыбу в расставленную ловушку.

Вынимая сеть из воды, выпутывая из ячеек крупных отливающих золотом и почти круглых по своей форме красных карасей, они всегда были недовольны уловом, морщась, бросали рыбу на изумрудно поблескивающую влагой траву, при этом приговаривая: «Разве это добыча!». Мальчишек такое отношение к крупным карасям возмущало. Нам самим никогда не приходилось ловить подобные экземпляры. Мы и завидовали профессионалам, и в душе недолюбливали – как конкурентов.

Промышляла эта пара и по берегам Цыганки. Как-то в ненастный серый день я в одиночестве пришёл к озеру. Было воскресенье, но пустынно и только «профессионалы» возились у ближних топей со своей снастью. Вдоль противоположного берега шла подгулявшая в честь выходного дня компания из пятиэтажного дома, что стоял напротив моего.

Мужчины и женщины направлялись в сторону асфальтового завода. Далее их путь должен был лежать к броду через протоку. Но вот от этой компании отделился один из мужчин и вошёл в воду. С берега ему кричали, чтобы не плыл, а пошёл с ними. Но не настойчиво, а так, со смехом. Мужчина ответил, что он быстрее переплывёт, чем они обойдут озеро вдоль берега. Женщины, весело переговариваясь, отправились своей дорогой.

Я скупающе сидел высоко на склоне ближе к железнодорожному полотну, сразу за собором, где трава росла наиболее густо, стелилась шелковистым ковром, и невольно наблюдал за происходящим.

Мужчина уже переплыл середину озера, когда вдруг замер на воде, опустив в неё лицо. Облысевшая голова и плечи безжизненно покачивались на невысоких волнах. Слабый ветерок пасмурного дня не торопился прибить к берегу омертвевшее тело.

Прошло довольно много времени, прежде чем, обойдя озеро, остальная компания озабоченно приблизилась к нам. Рыбаки боязливо обошли утопленника сетью и так притянули к берегу. Я не стал к нему подходить ближе, чтобы рассмотреть. В детстве мёртвое тело всегда вызывает неосознанный страх. К тому же, когда на твоих глазах всего несколько минут назад человек был ещё жив.

Да и узнал я этого мужчину. Он держал злую собаку породы бульдог по кличке Найда. Когда её выпускал гулять во двор, мы, детвора, разбегались по квартирам. Собака с лаем бросалась на случайных прохожих, бегала по кварталу без поводка и намордника, грызла перила детских горок, рылась в песочницах, таскала в слюнявой пасте игрушки, которые от неё не успевали спрятать.

Родители пытались договориться с владельцем Найды, как-то его устыдить, уговорить, чтобы придерживал собаку, но он неизменно на это отвечал, что ему бульдог «намного дороже всех ваших детей», и продолжалась вольная жизнь этой собаки в пространстве между четырёх наших домов – как в собственном вольере.

Теперь хозяин собаки лежал в воде, уткнувшись мёртвым посиневшим лицом в прибрежные камыши. Не помню криков, плача, суеты вокруг тела. Может быть, это были малознакомые ему люди. Впрочем, я почти сразу ушёл домой. Говорю же – боялся покойников. А только после этого случая и Найда с нашего двора куда-то исчезла.

Вообще, озеро, несущее в своём названии нечто мистическое, вполне его оправдывало. Не раз мне приходилось видеть, как на его берег из воды вынимали утопленных новорождённых младенцев. Это страшное зрелище. Потому, только заведя возбуждённое скопище людей, я обходил это место стороной. Но от досужих пересудов куда денешься, и потому ужасная весть всегда тем или иным способом достигала моих ушей.

Недалеко от Цыганки, за свалкой, ближе к порту на Стрелке, около некогда величественного собора Александра Невского, а в моё детство огромного склада объединения «Горькийрыба», был странный жилой посёлок, состоящий из каких-то крохотных засыпушек, развалюх, сколоченных на скорую руку.

Подобные дома оказались жизненным прибежищем не для одного поколения отцов и детей. Что и говорить, нравы в этом месте царили нешуточные. Обитал в развалюхах контингент соответствующий, между одной и другой тюрьмой недолго в нем задерживающийся. Потому и грешили во всех криминальных случаях на жителей Стрелки, хотя на самом деле всё могло быть далеко не так, и злодейство совершалось где-то в другом, внешне вполне благополучном месте.

И всё-таки, несмотря на столь зловещие события, порой происходящие на берегу озера, Цыганка была почти центром всей нашей детской жизни. Особенно той, что всегда оставалась сокрытой от родительских глаз.

Здесь мы учились самостоятельно плавать. Здесь на разожжённых кострах в консервных банках плавил свинец, добытый из старых автомобильных аккумуляторов, чтобы затем его залить в выдавленные в земле формы кастетов или грузилов для доноков (они были нужны для ловли рыбы на Оке и Волге). Здесь узнавали мир птиц и рыб, цветов и деревьев, добра и зла.

Иными словами, здесь мы входили в самостоятельную жизнь, и вхождение это почти всегда было непростым. Порок и доброта немыслимо переплетались на наших глазах в нечто естественное, что должно было нас сопровождать всю дальнейшую жизнь. Избавиться от этого, невольно приобретённого в детстве опыта, в дальнейшей жизни было невероятно сложно.

Именно на берегу Цыганки я впервые испытал, что это такое – ночная рыбалка.

Не верилось, что родители на неёпустят, но это чудо произошло. И вот мы, ватага мальчишек, зажигаем на берегу костёр, поначалу дурачимся, задираем друг друга, рассказываем под дружный хохот всякие глупости, но в скором времени утомлённо затихаем, устраиваемся поплотнее к пламени, а оно уже спадает, костёр догорает, потому что никому не хочется в наступившей темноте искать для него дрова, и потому начинаем смотреть в небо.

Оно чудесно – усыпано звёздами (для городского мальчишки увидеть такое небо – неожиданное откровение), и только изредка их закрывают тёмные тени движущихся облаков. Некоторые из нас засыпают прямо тут на земле. Им непременно готовят какой-то подвох. В группе всегда найдётся любитель напакостить.

Незаметно проходит ночь. Наступает раннее размытое серостью утро, но уже никому не хочется ловить рыбу. Поплавки заброшенных с вечера удочек давно прибило к траве и камышам. Поднявшийся ранний ветерок теребит их безжизненно, отстранённо. Видно, что ни у кого ни одной поклёвки не было. Но главное произошло

– самостоятельно, вне дома проведена ночь. Это рождает в душе неповторимое чувство взросления.

Я сматываю свою удочку и ухожу с берега, поднимаюсь на железнодорожную насыпь. Сюда в тупик загнан состав из пассажирских вагонов. Вагоны старые, внутри них деревянные сиденья, и под потолком для освещения – специальные ниши, закрывающиеся стеклянными дверками. В этих нишах огарки парафиновых свечей.

Иногда мы находим вагоны с незакрытой дверью и забираемся в них. Тут особый, ни с чем несравнимый запах. Если залезть на верхнюю полку, то можно дотянуться до фонаря, открыть закопчённую дверку и взять свечку. Но сейчас в это раннее утро вагоны меня не интересуют.

Я подлезаю под них у самых колёс. Из бухт тянет запахом машинного масла – таким знакомым для меня, потому что, когда состав трогается, а ждать покуда его весь протянут, не хочется, я выбирал движущийся вагон, на взгляд более удобный, чтобы под ним как можно быстрее пролезть (в чём это удобство заключалось, чем один вагон для меня отличался от другого, я теперь сказать не берусь), нырнул под набравший скорости состав у передних колёс, и пока задние колёса вагона доходили до того места, где я только что стоял, успевал выскочить на другой стороне рельсов. Но запах успевшего разогреться от начавшегося движения колёс машинного масла словно навсегда впитался в мою память.

Сейчас вагоны спали, и я без всякого труда и опасения пролез под ними.

Я не пошёл по тропинке между огородами и домами к Староярмарочному собору, а направился по более широкой дороге, между огородами и забором своей школы, в которой к тому времени уже учился. Летом школа выглядела неживой. Трёхэтажная, выстроенная из белого силикатного кирпича, в те далёкие годы она считалась самой новой в нашей округе. В ней с первого по восьмой класс учились все дети с Сибирских пристаней и Стрелки, Ярмарки и улицы Советской, домов Германия и Медведей, Мельничного и Коммунстроя... Со всех ближайших бараков, в которых и жить-то, казалось, было невозможно – один туалет на огромные коридоры, крохотные комнатухи без окон, в которых весь день для освещения горят электрические лампочки, где стенки, отгораживающие одну квартиру от другой, сколочены из горбыля и листов фанеры.

От школы, мимо старого, добротного деревянного дома с садом вышел к паперти бывшего собора. Оттуда наискосок прошёл в наш квартал, к своему дому.

В квартире встретила, открывая входную дверь, заспанная мама:

– Что, нарыбачился?

Ответив неопределённо, невятно, я раздеваюсь и ложусь на своё место на диване. Засыпаю сразу. И мне видится вновь ранняя гладь утреннего озера, прибитый к осоке поплавок, остывшие угли давно потухшего костра...

Но это летом...

ЗЕМНЫЕ ЗАБОТЫ НИКОЛАЯ ЕРЁМИНА

В Красноярске живёт тонкий, думающий поэт-лирик Николай Ерёмин.

Об этом мне хочется сообщить тем, кто не знает, не читал его.

Увы, я тоже прежде не читал и познакомился с ним через книжку «Земные заботы», она у него четвёртая, вышла в местном издательстве и вряд ли попадёт на всесоюзный книжный рынок.

А жаль.

Не так часто встретишь ныне в поэзии столь высокий спрос к человеку, какой негромко, но твердо, настойчиво предъявляет ему Ерёмин.

О чём ты мечтал, человек?

И что в твоей жизни сбылось?

Ты вышел под мартовский снег,

На сердце – тревога и злость.

Беспечно снежинки летят –

И год, и десяток, и век...

Чего твои дети хотят?

Ты выслушал их, человек?

Николай Ерёмин умеет прислушиваться к человеку, ему дан талант на это. Проявляется он прежде всего в познании себя, в прислушивании к собственной душе.

«Гляжу то в небо я, то в воду –

В бездонное житьё-бытьё...

И чувствую свою свободу,

И рабство чувствую своё».

К такому самоощущению приводит опыт жизни, общение с природой... Сюжет мысли вызрел из знаменитого державинского: «Я царь, я раб, я червь, я бог»

А что такое свобода?

О ней хорошо рассуждать, говорить возвышенные слова.

«Но едва приоткрылась мне суть –

Нерешительно замер у входа.

За спиною спешащие вслед, -

Они недоумевают, подталкивают, спрашивают:

- Неужели войти не хотите?»

Философски-психологический этюд, напоминающий о том, как иногда человеческие представления не соотносятся с сутью многих явлений.

В притчевых сюжетах у Ерёмина мораль почти обнажена, но сами сюжеты не лишены поэтической тонкости.

А вот это воззвание к совести, звучащее на эмоциональных верхах, обращено и к себе, и к собратям по перу, да, собственно, и к каждому человеку:

В день, когда невозможно стоять,

В ночь, когда невозможно лежать,

В год, когда невозможно бежать,

В век, когда невозможно дышать,

Что ты хочешь, писатель, сказать?

Что ты хочешь, поэт, прокричать?

В час, когда невозможно смолчать?

В миг, когда невозможно солгать?

Не забывайте, люди, в каком тревожном и жестоком мире мы живём, не забывайте о вашей гражданской ответственности.

В общежитейском плане мне показалось, Ерёмина очень волнуют отношения между людьми. И если от первого лица он может высказаться прямо: «Я стал прощать чужие недостатки...», то загадку чужой души не спешит раскрывать.

Вот рассказ о человеке, который

«С неба звёзд не хватает,

Тихо делает дело своё»,

То есть, живёт как-то скучновато, встречи с ним «ничего...не значат», и всё же:

«Но когда я смеюсь или плачу,

Мне всегда не хватает его»

В чём же привлекательная сила этого человека? В том, видимо, что в душе его угадывается скрытое от внешних взоров богатство.

Ту же недосказанность, ту же полураскрытую загадку мы находим в стихотворении «И каждый раз, когда я приезжаю...»

Приезды к другу на речку Лиственку нужны тому и другому

(...И другу моему со мною легче,

И мне легко – я здесь необходим!..)

Лёгкий романтический флёр покрывает какие-то события в прошлом, которые не прошли для них бесследно...

Николай Ерёмин прошёл «школу» Тютчева. Из современных поэтов ему ближе других Твардовский с его поздней лирикой и Василий Казанцев.

Прочитирую стихотворение, чтобы напомнить о «школе» и вместе с тем приоткрыть мироощущение поэта:

Всё уходящее прекрасно:

Весна, и юность, и любовь...

Я верю, верю ежечасно,

Что лучшее вернётся вновь.

Жить не могу без этой веры,

Покуда птицы в небесах,

Покуда пульс вздымает вены,

Покуда мысль и свет в глазах,

Покуда есть перо и лира

И для тебя, и для меня –

Я ощущаю свежесть мира

И радость будущего дня.

Мне понравились стихи Ерёмина о любви прежде всего тем, что редко и мало удаётся поэтам, - поэзией любви, приносящей счастье.

В лирическом романе Ерёмина есть свои будни и праздники и есть загадки.

Ты – небесная, ты – земная,

Мне с тобою смутно вдвоём.

Ничего о тебе я не знаю,

Но – догадываюсь обо всём.

Загадочность любви, её многоликость даже в последней глубине слова как раз и приманивает к себе художников всех времён.

И уж когда человек оказывается бессилён, может быть, перед последней загадкой любви, ему остаётся только верить.

Я верю, милая, я верю

В твою любовь и доброту.
Я слепоту и немоту –
Сожгу и по ветру развею!
Я верю, милая, я верю.

В книжке новых стихотворений объёмом почти в четыре авторских листа редко кому удаётся выдержать достоинство слова, чувства, мысли.

Ерёмин выдерживает.

Очень бы хотелось и ещё цитировать стихи Николая Ерёмина – те, в которых явственно проступают чистота и благородство человеческой души, человеческих отношений, но рецензия подходит к концу, и мне остаётся сказать, что знакомство с «Земными заботами» оставляет след в душе.

Александр МИХАЙЛОВ

«Литературная Газета»

23 ноября 1983 г

НЕОБХОДИМЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Этот номер ЛГ подарил мне Роман Солнцев в заполярном городе Норильске, Куда нас пригласили почитать свои стихи Эдик Нонин, Юра Бариев, Серёга Лузан и Елена Ягумова.

Статью Ал. Михайлова мы читали вслух, любуясь сполохами Полярного Сияния

Ал. Михайлов – над Норильском – ал –
Северным Сияньем полыхал
Так, что я с тех пор его статью,
Как поэму, сорок лет пою –
И в ответ Сиянием сам-друг
Полыхает мне Полярный Круг...

Николай ЕРЁМИН

26 ИЮЛЯ НИКОЛАЮ ЕРЁМИНУ 80 ЛЕТ

От имени всех авторов и читателей этого номера журнала поздравляю члена ОБЩЕСТВЕННО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА журнала, его постоянного автора и доброго друга и соратника, Николая Николаевича ЕРЁМИНА с его очередной вехой пройденного пути и желаю не сбавлять творческого интузиазма.

Новых лет, дорогой друг и новых книг и номеров альманаха «Миражисты»

Сергей ПРОХОРОВ

редактор журнала «Истоки»

Николай ЕРЁМИН

Красноярск

*ЕРЁМИН Николай
Николаевич родился 26
июля 1943 года
в городе Свободном,
Амурской области.
Окончил Медицинский
институт в Красноярске
и Литературный им.
А.М.Горького в Москве.
Член СП СССР с 1981
г. и Союза российских
писателей с 1991г,
Русского ПЕН-центра,
Издal собрание
сочинений в шести
томах и поэтический
трёхтомник «Небо в
алмазах» Н.Н.Ерёмин
- лауреат премии
«Хинган». Дипломант
конкурса «Песенное
слово» им. Н.А.Некрасова.
Награждён ПОЧЁТНОЙ
ГРАМОТОЙ министерства
культуры РФ (Приказ
№806-вн от 06.11.2012
подписал В.Р. Мединский).
Этой подборкой в
ИСТОКАХ он отмечает
своё 80-летие*

ИЗ НОВОЙ КНИГИ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Константину КЕДРОВУ
Над Землёй – поэтический пепел.
Млечный путь бесконечен и светел.
Звёзд стихи не сгорая горят –
Удивительный звукоряд...

День болезненно входит в меня...
Вновь я болен заботами дня...
И вздыхает подружка-душа:
- Ах, как ночь была хороша!

Вечность – день... А бессмертие – ночь...
С этим я согласиться не прочь...
Как ещё разгадать мне сумею
Две загадки – про жизни про смерть.

Мне хочется тебя поцеловать –
Когда-нибудь – О! – где-нибудь, опять...
Зовут к тебе над бездной бытия
Мечта и память грешная моя...

Увы, насильно мил не будешь...
Всё бесконечней этот миг,
В котором - нет, не позабудешь,
Чего хотел, но не достиг..

СПАМ

Опять ко мне письмо пришло – «Без темы»
Фонемы немые... И глухи морфемы...
Но, Интернет, безгласностью храним,
Зачем твой матерится аноним?

- Не ругайся, мама мия,
Что пишу стихи плохие...
Не ругай! Что за дела?
Ты ж меня ведь родила!

Опять мороз дерёт по коже
От слёз, возникших между нами...
Мы все травмированы, Боже,
Твоими грешными словами...

Не унывай, душа моя, не надо!
Иная нас ждала с тобой награда...
И, может, ждёт, унынью вопреки...
А мы с тобой – в печали... Чудаки!

Одна таинственная страсть
Вела её ко мне:
Влюбиться - и навек пропасть,
Чтоб встретиться во сне

...

ЦАРСКИЙ ДВОР

Царь молчит...Безмолвствует царевна...
Шутит шут, к губам прижав печать:
- Тем, кто говорит неоткровенно,
Лучше же, конечно, помолчать!

Ты подарила мне улыбку,
Навеки совершив ошибку:
Пустившийся в обратный путь,
Я не могу её вернуть...

Пролог...Диалог...Эпилог...
Роман покоряет усадьбу...
И автор, читавший, как бог,
Всех-всех приглашает на свадьбу...

Ещё не стих, ещё не песня,
Но пробуждается уже, -
И с каждым днём всё интересней
Звучит мелодия в душе...

- Остановись, мгновенье! Ты – прекрасно.–
Вскричал поэт, с восторгом глядя ввысь.
И понял вдруг: желание ужасно...
И прошептал: - Мгновение, продлись!

Всегда - в системе координат -
Я всем Поэтам и друг, и брат...
А ПОэтессам в надеждах их
Я - принц, и рыцарь, и жених!

Были очень близки наши души:
Сколько правды в словах – столько фальши...
Но твоя – и правдивей и лучше
Оттого, что всё дальше и дальше...

Все, кто жил под влиянием санкций,
Изоляций и спецопераций,
Выживая, увы, из ума, -
Просто выжить хотели, эх-ма!

Я смог пространство покорить,
Понять, что – истинно, что - ложно...
Однако время повторить
Мне было просто невозможно...

ЧТО НУЖНО

«Быстрая, безболезненная смерть –
что ещё нужно для счастья?»
Максим Цариков

В безбожном небе – лётчик, точно дьявол,
Кричит: - Кого хочу – разворочу! –
Разрывы...Тут и там – за ямой яма...
А я оглох от грома – и молчу...

Я разделил
Сиамских близнецов –
И стал для них отцом,
В конце концов...

Была любовь...Теперь – лишь сны о ней,
Ах, вновь и вновь – тревожней и нежней...
Туда, туда – во сне и наяву,
Я день и ночь плыву, плыву, плыву...

Бумага...Авторучка и отвага...
Желанье прыгнуть выше головы...
Увы, секрет поэзии, бедняга,
Так и не смог ты воплотить, увы...

Прошли года...Я понял: ты одна
Была в меня, как кошка, влюблена...
И вновь во сне, увы - чур меня, чур! —
Я слышу «Мяу-мяу» и «Мурр-мурр...»

Как ветер в парусах,
Я пел, увы и ах...
О, ветер в голове,
Неведомый молве!

Облакам, плывущим к морю,
улыбнуться...
Берег детства — незабытая страна...
Ах, как хочется на родину вернуться!
Только с кем теперь, далёкая, она?..

Стихи... Стихами... О стихах...
Чу! Гефсиманский сад зачах —
И вмиг покинули его
Поэты - все до одного...

СТАРОСТЬ

Однозвучно хрустит
Позвоночник...
А дорога моя
Всё длинней...

Не думать о еде,
О горе, о беде...
...О, счастье! - Жить всегда,
Как воздух и вода...

Поэзия снова
Всегда и везде —
Последнее слово
На Страшном суде...

Никого — до самого порога,
Я не встретил...— Быть или не быть? —
Кто мне скажет?... Не с кем, кроме Бога,
Нынче по душам поговорить!

Не случайно понял я одно лишь,
И с тех пор в душе такая тишь:
Никого ни в чём не переспоришь
И, увы, ни в чём не убедишь...

Пусть всё, как было, так и будет:
Под утро солнышко разбудит...
А вечером уложит спать...
В обнимку - сон - ах! - благодать...

Стихи — лекарство от тоски
До самой гробовой доски!
Поэты—это доктора...
Лекарства есть? Гип-гип, уррра!

Я бродил по Риму, по Афинам...
Плавал в Дельфы — как дельфин с дельфином...
...Вновь во снах брожу, плыву, летаю -
Даль объять безбрежную мечтаю...

Шекспир сказал: - Как пахнут липы!
Не правда ль, хорошо вокруг...
А вы ноктюрн сыграть смогли бы
На флейте Гамлета, мой друг?

Коснись меня! Хоть взглядом, хоть рукою...
Я всё равно тебя побеспокою...
И сам коснусь воспоминаньем взгляда...
Не говори: «Не надо...» Надо! Надо!

И вновь я рад, что наступило утро
В стране идиотизма и абсурда...
...А кто не рад, что всё ещё живёт,
Тот просто абсурдист и идиот.

Молитвенный процесс —
Божественный гипноз...
Зачем Христос воскрес?
Хорошенький вопрос!

Счастье - встретиться и не прощаться,
И прогнать из души страх и стыд...
И заплакать, и вдруг рассмеяться -
Над собой и тобою — навзрыд...

В душе моей раздался ропот:
- Мне очень жаль, что ты - не робот,
Не Ангел и, увы, не Бог,
Стать только грешником и смог...

Есть стихи – прочтёшь и спрячешь,
Не покажешь никому...
А потом всю ночь проплачешь,
Неизвестно почему...

В глазах детей – и страх, и слякоть:
Безумствуют отец и мать...
В России разучились плакать...
В России можно лишь рыдать...

Все на мне замыкаются темы:
Молодой, грудь горой...Как ни странно,
Стал я главным героем поэмы...
А хотел стать героем романа...

Вождам казалось:
будет коммунизм!
А оказалось –
блуд и терроризм...

Жена неуправляема...
Страна неуправляема...
А мы летим на Марс...
Помилуй, Боже, нас!

- Ну, продолжим эксперимент:
Сколько лет ты протянешь, поэт,
Без любви, без еды, без питья?
- Что ты, Господи?... Воля Твоя!

Под тополем, возле сугроба, курят юнцы...
Воробьи щебечут: - прощай, зима!
И старик собирает вытаивающие шприцы
Одноразовые...И чуть слышно шепчет: - Эх, ма...

Кто сказал, я спрашиваю вас:
«Раньше было лучше, чем сейчас!»
Сколько можно думать и молчать?
Или не хотите отвечать?

Пришла свобода. Вопль и боль отчаянья
Приходится мне слышать тут и там...
Пока свобода воли и молчания,
Увы, за ней ступает по пятам...

Вся жизнь – немой безумный ремикс...
Но, чтобы сохранить меня,
Любовь моя – как птица Феникс,
Поёт из пепла и огня...

Любовь, конечно, - бесконечна!
Бесплотно-человечно-вечна,
Она - среди друзей-подруг...
А всё конечное – вокруг.

- Мой друг, о чём твоя тоска?
- О том, что раздавил жука...
Совсем случайно! Бедный жук...-
Сказал – и разрыдался вдруг...

Неверующий, верю я: вполне
Возможно, что в лучах рассвета
Другая жизнь, обещанная мне
Гадалкой, – ждёт, за горизонтом где-то...

- На всё – случайность и судьба...
Что лучше – водка или виски? –
Спросил в коротенькой записке
Поэт, повесивший себя...

МОЛИТВА

Вокруг – тюремная Россия...
В душе – российская тюрьма...
Приди, спаси меня, Мессия!
Где задержался Ты? Эх, ма...

И вновь - прикольный понедельник!
Я весь – в делах ...Пашу – как вол...
А ведь, по сути, я – бездельник,
И в этом – тайный мой прикол.

АНТИБЛОК

- Узнаю тебя, смерть,
Отрицаю –
И молитвой,
и тенью креста!

- Нет, я – не идиот,
Я – патриот!
А ты есть кто?
- Я? – просто дед Пыхто.

В душе темнеет и светает...
Привычно время перемен...
Незнание не освобождает...
А знание продлевает плен...

Солнце – наше сердце.
Истина проста:
Мы – единовверцы,
Снятые с креста...

Белые стихи
Чёрные стихи
Сольные стихи
Вольные стихи

Видишь? – всюду девы, точно Евы, ишь –
Рышут - ищут райские места...
Боже, как счастливыми их сделаешь?
А несчастными – пожалуйста!

Перевел с английского Офеня
«Гамлета» на русский: свет и тьма...
Научил Офелию по фене
Ботать – и она сошла с ума...

Всюду в мире – закрытые темы
И запреты секретной системы...
Тут ли, там – на пути в мир иной –
Нет свободной, увы, ни одной...

Я боялся высоты...
Я боялся глубины...
Я боялся красоты...
Ты! Во всём виновна ты...

Хотел кричать – а получался шёпот...
Хотел молчать – а извлекался крик...
О, жизненный парадоксальный опыт,
В котором каждый век – как будто миг...

По ТВК – дурные вести
Распространяют страх и стыд:
- Театр сгорел с Шекспиром вместе!
- Железный занавес – висит...

И, починаясь биоритму,
Я вновь по Солнцу: – день + ночь -
Живу опять - за рифмой рифму
Ищу, чтоб вечность превозмочь...

- Осторожно!
Чакры закрываются...
Следующая остановка –
Кундалини!

гКрасноярск

**Юрий
АЛЕКСАНДРОВ**
Домодедово.
Московская область

*Дипломант
Всероссийского
литературного конкурса
ЛИТКОН в честь 200-летия
Ф.М. Достоевского в двух
номинациях: ПРОЗА и
ПОЭЗИЯ.*

*Дипломант Открытого
Московского областного
литературного конкурса
«Звёздное перо – 2022»
имени Георгия Кольцова
в номинации «Свободная
проза».*

*С 1989 по 1991 годы
публиковался в газетах
«Рыбак Литвы» и «Моряк
Литвы» (г.Клайпеда
Литовская ССР).*

*В 1999 году в городской
газете «Клайпеда»
г.Клайпеда (Литва) была
опубликована подборка
моих мини-рассказов под
общим названием «Байки
штурмана».*

*Печатался в альманахах
«Причал», «45-я параллель»,
в литературном журнале
«Истоки».*

ВЕРНОЙ ДОРОГОЙ

В октябре 1989-ого были мы в Фредериксхавне в Дании, достаточно крупном компактном морском порту, находящемся в заштатном городишке с населением тысяч в пятнадцать, который за двести лет до нашего прибытия, в переводе на русский удовлетворялся названием «плоский пляж».

Тихий, благоразумный, благоразмеренный, семейный городок, соединённый паромным переходом с трезвым по «сухому закону» шведским Гётеборгом. Круглогодично по выходным тихий частично превращался прямо таки в «Город греха» Фрэнка Миллера, заполняясь неуёмными, бестормозными, радостными без краёв и нормы шведскими соседями, валявшимися, криво напиленными дровами, уже через пару часов после их паромного прибытия, ВЕЗДЕ – в питейниках, в парке-кладбище, в скверах, на скамейках и под ними, сидящими в немыслимых позах на полу в уличных телефонных будках и на бордюрах, без перерыва орущими, поющими в одиночестве, парами, квартетами, квинтетами и целыми сводными оркестрами, и одновременно пьющими, пьющими, пьющими... Возмущённые подобным фредериксхавнцы, вынужденно оказавшиеся по своим делам или по работе в тех же общественных местах, с благодарными улыбками шарахались, молча и галантно «слаломировали» между дорогих невыносимых пришельцев. Так как эти пришельцы – «гости», которые с лихвой пополняли местную казну, и потому были «милы» сердцам горожан и неприкасаемыми для полиции.

Мы же пришли в Фредериксхавн, для установки на нашем пароходе в рыбцеху уникального по тем временам оборудования для очистки и поштучной заморозке вылавливаемой под Шпицбергом креветки. Такая креветка в пакетах по два с половиной кэга теперь продается у нас практически в любом супермаркете. Тогда же это было экзотикой. И виделось происками нечистой или чистой силы: с одной стороны волшебного ящика закладывался вылов, а с другой выходили голенькие «червячки», такие куколки-тушечки, которые показавшись на подиуме на несколько секунд, пропадали в морозильном шкафу и через несколько минут, уже одетые в глазурь, были готовы паковаться.

Выходя из Клайпеды два члена нашего экипажа – реф- и электро- механики (два приятеля, соседствующие и по дому, и по каюте, жёны которых – две сестры) взяли с собой тайно, т.к. были ограничения на вывоз, ящик водки «Столичная». Тогда «Столичная» для любого иностранца была самым почитаемым и снюновыделяющим

презентом. А для нас, в прямом смысле слова – жидкой валютой.

В первые два дня после захода в порт-городок, в дальнейшем понятый нами и полюбоившийся, наши новоявленные «контрабандисты» проводили разведку – ходили по магазинам, барам – искали тайного покупателя своей по сути нелегалщины. «Тайного» по тому, что ограничения были не только на вывоз из СССР, но и на ввоз подобного продукта в любую европейскую страну.

Кстати, в СССР в семидесятых и восьмидесятых годах ушедшего, мало по малу забываемого, уже ставшего ИСТОРИЕЙ для изучения и анализа учеными мужами, и главами в школьных и университетских учебниках, века, были ограничения и на вывоз спиртного, и на его ввоз – один литр крепкого на одного человека.

Конец восьмидесятых двадцатого века. Помнит кто? Ну, кто-то помнит!

В магазинах уже практически ничего не было – в дефиците почти ВСЁ. Но кое-где кое для кого всё же было ВСЁ. Для остальных по талонам с ежемесячными нормами были основные продукты и средства личной и общей санитарии: мыло, стиральный порошок, зубная паста и схожее. Всему остальному необходимому и бесталонному находили более или менее приемлемые замены. Так, например, вполне успешно, туалетную бумагу изобретательно заменяли свежими известными, правдивыми, гудящими и призывными газетами. О другой же гигиенической экзотике тогда мало кто знал, чем был неосознанно счастлив. Так как зависть к тому, что у кого-то есть то, что нигде и ни за какие коврижки не поиметь, плохое чувство, вредное даже, как для физического, так и для нравственно-психологического здоровья.

И, конечно же, было в дефиците универсальное средство платежа за всё во всём Советском свете – водка. Она тоже была по талонам.

Владение неиспользованными талонами не спасало. Спасти могли свободное количество денег и наличие соответствующих поставленной задаче – достать то, чего нигде нет – связей. Причём иметь нужно было и связи, и деньги одновременно: отсутствие одного из слагаемых не позволяло решить уравнение – утоление товарного голода. Когда же и если чего-то из этих двух проходных условий не хватало, тогда на помощь приходила она – живая ОЧЕРЕДЬ.

Очередь!

Наши люди, которые постарше, испытали в те времена на себе её убедительно-твёрдый, надёжный, а случалось необузданно-бешенный характер. Те же, кто помоложе – знают об этом по наследуемым рассказам-байкам близких, по газетным подшивкам, фильмам и вполне понятным им анекдотам.

Западный обыватель знать не знает, ведать не ведаёт, да просто таки не понимает, не прочувствовал ещё и пока на себе, какое это чудо – очередь. Какое это несчастье и, одновременно, радость – принуждённое общение в ней. Не примерил ещё её природную всепогодную стихийность и непредсказуемую предсказуемость, приносящую удачу или поразительный «пролёт», душевные и физические негу и скорбь, её откровения и тайны, её неписанные законы и традиции, завещанные предками, даже некую семейственность. Очередь сближала и спланивала, и в тоже время разделяла и провоцировала. Очередь была другом и врагом, спасением и омутом.

Очередь это живой, трепетный и трепещущий организм. Состоящий из уставших, взволнованных, испуганных, нервных, растрёпанных, растерянных, одетых во что попало, часто не к месту и не по погоде, отпросившихся с работы «на пол часика» и поэтому постоянно с поклоном вытягивающих вниз и вперед руку, укорачивая тем самым рукав, чтобы посмотреть на часы, удивиться тому, что те резко стали спешить, подгоняя и отвлекая от очередных событий и переключек её самой, очереди, составляющих – очередников. Очередь могла быть, как очной, бурлящей на улице и в магазине, закипающей при любой, даже низко отрицательной температуре, так и заочной, локально возбуждённой дома в кругу семьи.

Бездефицитным и бесталонным была только одна всеми востребованная вещь – время. И вот его, время, страждущие искатели, из-за не нахождения неизвестного им искомого, легко страчивали на разведку всего, что нужно и не очень: на походы, хоть за три моря, на стенливое стояние за этим неизвестным, лишь бы дефицитным, в волнительных и волнующих цепочках-очередях, всегда шумных, а иногда и драчливых. С намершем из активистов-предводителей,

которых никто никогда не выбирал и не назначал – таких самозванцев-самовыдвиженцев. Они руководили очередным порядком: обуздывали вопиющих, на корню пресекали неурядство. А ещё: составляли списки, писали номерки на ладонях и запястьях у всех этих пёстрых, разновозрастных и разноразмерных, разрозненных и одновременно связанных между собой своими желаниями и данными кому-то обещаниями, часто неправильно посчитанных членов-звеньев. Эти звенья вместе составляли цепь-вереницу – разноформенную, кружасьую и крутящуюся, дефрактирующую по законам физики все вдруг возникающие на пути препятствия. Такая вереница, допуская чужаков в свой временный строй только с конца хвоста, становила тех своими, почти родными. Эти активисты-предводители, воплощаясь вождями на час-два-три, а бывало, что и на сутки-двое, наслаждаясь и упиваясь своим негласным, но действенным статусом, кроме этой моральной манны – власти над толпой, всегда гарантированно получали то, ради чего это стихийное временное народное движение возникало – твёрдый материальный гешефт – дефицит.

Ну а вот то, что касалось водочной контрабанды, то в начале последующих 90-х все подобные ограничения на вывоз были сняты. Поэтому на излёте 80-х ни таможня, ни погранцы на «шалости» по вывозу инициативными гражданами сверх лимита обогащающих их жидкостей внимания практически не обращали. Так что можно с чистой совестью сказать, что наши ребята, да и другие такие же, были своего рода первопроходцами, подвижниками, в прямом значении этих слов. Как Пётр Первый они прорубали в стенах Европы и Мира двери, в воротах устраивали полноростовые лазюцы, а имевшиеся притворы и калитки просто так сносили с петель.

И вот в одном из типовых фредериксхавнских баров с собственным лицом и типично-исключительной харизмой, как и у прочих других таких же заведений, наши Миклухо-Маклаи нашли ответный элемент – пазл сошёлся: изъяснившись на пальцах, у них сразу приняли весь ящик «Столичной» в обмен на местные дензнаки – датские кроны.

Простояв в порту под монтажом оборудования около недели, а пришли мы на полтора месяца, приятели решили что-то отметить – то ли чей-то юбилей, то ли успешность и лёгкость прокрученной сделки, то ли что-то другое, но тоже – очень важное событие. И так как они, наученные дефицитной жизнью, запасливо, прямо таки по-хозяйски, оставили у себя заначку – ещё одну бутылку водки, то проблем с банкетом не стало.

Выпив все слёзы радости на двоих, они поняли, что этого мало. Но больше у них не было. Так вот. Ни шепча самим себе укоры и ни ропща, они не нашли ничего лучшего, как сойти с борта судна на берег, дошататься до ближайшего магазина, благо такой был сразу же за воротами порта, купить там еще, чтобы, продолжив праздник, с честью и несомненной гордостью довести того до логического победного конца. Так и сделали. И всё бы ничего. Вот только тот свой прелестный дефицит высочайшей пробы они сдали в бар по 10 датских крон за семисотграммовую бутылку, а купили в супермаркете датский тридцативосьмиградусный дешевый противный акавит по 15 крон за поллитровку.

Утром весь экипаж, узнав о таком «бизнесе», пересчитав градусы в гаммы, а граммы в датские кроны и рубли, недоумённо сочувствовал в глаза и удивлённо-снисходительно улыбался в затылок новоявленным ротшильд-рокфеллерам.

И если бы этим всё закончилось, то оно, может быть, было бы ещё ничего. Но впереди нас ждало початое полторамесячье, которое по плану мы опростили до полной сухости и проводили столь же достойно, однако с лучшей рентабельностью – уже через месяц нас ожидал годовой многотрудный и драматичный промысловый рейс у тяжёлых и коварных льдов Шпицбергена.

Пётр СВИСТУНОВ

Химки,
Московская область

*Свистунов Пётр
Вячеславович –член
Московского областного
отделения СМЛ СПР.
Участник фестиваля
Таврида-2019, финалист
премии «Русские рифмы/
Русское слово» в 2019 г.,
участник Совецания молодых
литераторов Подмосквья и
ЦФО «Посадский экспресс»
и финалист Всероссийского
литературного фестиваля
«Солнечный круг» им.
Л.И.Ошанина в 2022 г.
Победитель конкурса «Золотой
микрофон» в номинации
«Авторское слово», финалист
«Чемпионата Дыши Поэзией».
Печатался в журналах
«Приокские зори», «Истоки»,
«Бийский вестник», альманахе
«Арина НН», а так же
в рамках коллективных
подборок участников
Литературной студии
Юрия Полякова – в
«Литературной газете» и
«Литературной России».*

ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ РОССИЮ?

Хочешь увидеть Россию? Скорее садись в электричку,
Следи из окна, как сменяется город равниной лесов,
Как с ветки на ветку порхают дрозды и синички,
Как всё замирает в звучании их голосов.

Хочешь увидеть Россию? В поход отправляйся немедля,
В палатке ночуй на обочине сельских дорог,
Смотри вновь и вновь на полночное звёздное небо,
И почувствуй, что с неба в ответ улыбается Бог.

Хочешь увидеть Россию? Пройдись в незнакомом райцентре
По уютным дворам между старых кирпичных домов,
Где даже качели – и те трансцендентны,
Где счастье качаться задумчиво много часов.

Хочешь увидеть Россию? Езжай на Байкал автостопом,
Болтая с попутчиком каждым о том и о сём,
Или на лошадь садись и скачи по равнине галопом –
Важно, чтоб было, что вспомнить потом.

Хочешь увидеть Россию? Она есть во всём понемногу:
В северной хвое, в желтеющей южной траве.
Хочешь увидеть Россию – скорей отправляйся в дорогу,
Но не оставайся годами в Москве.

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ XXI ВЕКА

Я вижу только добрые глаза
Над синевой медицинской маски.
Кто ты такая? Кто тебя послал,
Быть может, фея из волшебной сказки?

Кто ты такая, девушка в метро,
Наташа, Вика, а быть может, Берта?
Ты смотришь мне внимательно в нутро
Через для нас запретные два метра.

Что говорит о человеке взгляд?
Такое, что нельзя сказать словами.
И, кажется, мы много лет подряд
Знакомы и являемся друзьями.

И знаю я, что как ни паникуй,
Но вируса любви я стану жертвой –
И шлю тебе воздушный поцелуй
Через для нас запретные два метра.

ПО ЗАКОНАМ МЕНДЕЛЯ

Пусть жизнь раздаёт нам пендели,
Пусть мир сотрясёт до основ...
Мы все по законам Менделя
Дети своих отцов.

Желая быть волей крепким
В эпоху крутых перемен,
Я верю – от славных предков
Мне нужный достался ген.

Я чувствую – силой цельной
В час трудный во мне восстаёт
И прадед, что пал под Ельней,
И дед, что творил луноход.

Мне в том сомневаться не надо –
В нелёгкие наши дни
Смогу я пройти преграды,
Как их проходили они.

Пусть жизнь раздаёт нам пендели,
Но если дойти до основ –
Мы все по законам Менделя
Дети своих отцов.

ДЯДЯ МИША

Дядя Миша был по жизни мазохистом.
Нет, он был не из тех, кто любит, когда его тело
Болит и ноет, лёжа расхристанно
Под ударами кожаных и резиновых изделий.
Не питал он слабости к дамам,
жестоким к близким.
Взгляды на них кидал настороженные, косые.
Но по жизни дядя Миша был мазохистом –
Он болел за «Спартак» и работал на
«Почте России».

БАЛЛАДА О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫГОРАНИИ

Дело было в январе,
В ночь великой стужи.
Каждый метр во дворе
Снегом был завьюжен.

Выпал снег – и нет следов
Боли и предательства.
Только слышен у домов
Был поток ругательств.

Проклиная всех детей
Трёхэтажным матом,
Шёл меж тусклых фонарей
Дед Мороз поддатый.

И кричал в седую ночь
От негодованья:
«Мне давно уже не в мочь
Исполнять желанья!»

Я давно уже устал
Быть на побегушках,
В ночь одну под ёлки класть
Тысячи игрушек!»

Он ругался и просил,
Плача до икоты,
Чтоб Господь освободил
Деда от работы.

Запись в книжке трудовой
Называл проклятой.
Дед готов был за покой
Всю отдать зарплату.

Но не слышен был ответ –
Промолчало небо.
По земле тянулся след
От метаний Деда.

Дело было в январе.
Утро приближалось.
На погасшем фонаре
Тело за

**Екатерина
ДАНКОВА**
Нижний Ингаш

*Екатерина Сергеевна
Данкова по профессии
журналист - много лет
работала редактором
в районной, собкором в
краевых газетах.*

*Уйдя на пенсию
занялась личным
творчеством: написала
и издала две книги:*

*сборник стихов и
рассказов «Мне нишу
предоставило село»
и роман «Время
разбрасывать камни».
готова к изданию новая
книга*

*«Родова. История
семьи», отрывок
из которой автор
предлагает читателям
журнала.*

РОДОВА. ИСТОРИЯ СЕМЬИ

(Отрывок из книги)

Семейное гнездо на выселках

Спустя двенадцать лет после того, как Ольга Павловна стала опекать своих братьев и сестер после гибели родителей, в Соколовку в 1946 году вернулась с войны младшая из сестер Тресковских Татьяна Павловна, наша будущая мать, с мужем, нашим будущим отцом. Наш

Сергей Константинович Данков, наш - мой, моей сестры Шуры и моих братьев Сергея и Геннадия отец - не был сибиряком и явно не думал, что может когда-нибудь им стать. Приезд молодой семьи в Соколовку был вынужденным: после демобилизации наш отец вместе со своей беременной женой приехал на ее родину, в село Соколовку Нижнеингашского района Красноярского края. И для этого были свои причины.

Дело в том, что отец был тяжело ранен, и по контузии его, кадрового офицера, демобилизовали. До Подмосковья и Москвы, где жили его родственники, или до Тамбова, своей родины, отец свою глубоко беременную жену просто бы не довез, поэтому и было решено на первых порах добраться до Соколовки, а там уже решать, что делать дальше. Эшелон на станции Ингашская не должен был останавливаться, но мой отец упросил машинистов, видимо, путем уплаты самой ходовой русской валюты всех времен и политических режимов - спирта, и машинисты приостановили поезд на короткое время. Выгрузили багаж, это был деревянный сундук с пожитками молодой семьи, а потом мать спрыгнула из вагона, будучи уже крепко на сносях.

В результате, пока отец нанял в Ингаше подводу, пока доехали до Соколовки по немыслимым дорогам того времени, у моей матери начались схватки. Когда приехали в Соколовку, Николаю, как самому молодому, пришлось бежать за фельдшерницей, и утром 17 августа родилась крикливая, не особенно красивая девочка, с большой головой и с таким же большим любопытством к жизни и ко всему, что в этой жизни происходит, - автор этих строк, на данный момент семидесяти с лишним лет.

Так в избушке на дальней улице Соколовки волей случая собрались люди с сиротской судьбой.

Ольга Павловна, отказавшаяся от личного счастья во имя спасения своих младших братьев и сестер.

Николай Павлович, младший ребенок в семье Тресковских, к тому времени молодой неженатый парень, у которого, к сожалению, была неоформленная инвалидность с детства – у него с момента рождения отсутствовал один глаз.

Татьяна Павловна, наша будущая мать, практически девчонкой взятая на войну и на войне же нашедшая свою судьбу.

Сергей Константинович Данков, наш отец, бывший кадровый офицер, в недавнем прошлом мальчик из интеллигентной семьи, на тот момент глуховатый из-за контузии.

Им всем досталась не только сиротская доля. Им досталась война. И будущее их в те дни не сильно просматривалось. Честно говоря, оно не просматривалось вообще. Но все вместе, сообща, упорным трудом и стойкостью, они, наши дорогие родные, второе поколение нашей родовой после переселенцев Тресковских, это будущее творили как могли.

И сотворили.

... Когда я думаю о них, моих дорогих близких, оказавшихся в то время и в том месте, поражает их сила духа, умение терпеть и работать, жить и, в конечном счете, не просто выжить, несмотря ни на что, а создать в дальней деревне посреди Сибири семейное гнездо, ставшее продолжением нашей родовой, начало которой положили старшие Тресковские.

Голод...

А время было - тяжелее не придумаешь. Самое главное - август, как и все лето 1946 года, был голодным. Голод 1946 - 1947 гг. в отличие от предыдущих советских голодов 1921 - 1922 и 1932 - 1933 гг., охватил не только деревню, крестьянство, как это было раньше, но и горожан - рабочий класс, интеллигенцию. Причиной этого голода была огромная, катастрофическая засуха 1946 г. во всех зерновых районах страны, в том числе и в Сибири.

Коснулось это и наших родных. В тот год, по воспоминаниям Ольги Павловны, не уродилась даже картошка, выдалась по размерам чуть больше горошины. Была, правда, какая-никакая огорожина, и как-то перебивались. Ходили в тайгу, собирали ягоды, копали корни съедобных сибирских растений. Не было ни молока, ни мяса, не хватало хлеба. В семье теперь была кормящая мать, двое молодых мужиков, которым была нужна еда. Что-то привезли с собой из армии, но эти припасы быстро закончились. Тетка по-прежнему работала в колхозе дояркой и по-прежнему воровала молоко, привязывая бутылку молока к поясу. Хотя как сказать – воровала. Брала свое заработанное, потому что кроме «палочек»-трудодней люди в колхозе практически ничего не получали, только в конце года давали зерно из урожая.

Хорошо помню рассказ родителей об одном ужасающем случае из тех лет.

В конце августа 1946 года издох от чумки поросенок, на которого возлагались большие надежды, и женщины поросенка закопали. Но какое счастье, что закопали неглубоко! Отец выкопал этого поросенка, порезал на куски, засолил и несколько дней делал жаркое. Женщины были в ужасе, но мужики – мой отец с Николаем Тресковским - ели, и ничего плохого, к счастью, с ними не случилось.

Помогало ли людям государство?

Ни Боже мой!

Более того, установку советского правительства на проведение продразверстки, то есть на прямое изъятие продуктов, особенно зерна, такое катастрофическое положение даже не поколебало. Вот что написано в одной из публикаций по этому вопросу: «Даже тем республикам и областям, которые подверглись губительному воздействию стихии, размеры обязательных поставок зерна в 1946 г. были увеличены. В закрытом Постановлении Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июля 1946 г. «О хлебозаготовках»

подчеркивалось, что «установленный план должен быть выполнен при любых условиях» (Козлов С.С. О некоторых особенностях правового обеспечения аграрных реформ в послевоенный период в СССР // История государства и права. 2009. №16. С. 39).

Да разве так было только у нас...Проблемы голода и вообще сельского хозяйства решались чисто советскими методами – мобилизация, запреты, наказания.

Первые воспоминания о первом доме

Удивительная вещь – человеческая память, особенно детская! Вот, казалось бы, такую тяжелую жизнь пришлось одолеть людям в первые послевоенные годы, но детство в избушке на дальней улице встает перед моей памятью, как светлая и теплая картина. Вроде и прожили мы здесь совсем немного, но мои первые воспоминания об этом времени по-прежнему яркие и живые. Вот уж, действительно, память как консервная банка, все запечатывает на многие годы.

Так вот, мне совсем немного лет, я пытаюсь дотянуться до стола, покрытого белой простыней, мне хочется рассмотреть поближе завлекательные вещицы на этом столе. Это складное зеркало, отцовский офицерский ремень и бритва – опасная бритва, сверкающая и красивая. Ярko светит солнце в маленькие окна, в комнате много света.

Если выйти из дома, то попадешь на крылечко из двух больших досок, и сразу к тебе подбежит собачка Жучка, черненькая, с белыми пятнами на мордочке.

Сплю я с тетей Ольгой в прихожей комнате на большой кровати под фиолетовым ватным одеялом. Кровать стоит сразу за русской печкой, широкой и теплой. В комнате одно окошко, около него стоит самодельный диванчик, на котором ночует мой молодой дядька – Николай Павлович. В другой комнате обитают мои отец и мать. Это там стоит стол с завлекательными штучками, которые я пытаюсь разглядеть, привстав на цыпочки.

Детство всегда - время радости и интереса к жизни. Мне там, в этом крошечном домике, было хорошо. Поэтому, наверно, я любила там бывать и тогда, когда мы уже жили в дедовом доме, а в маленькой избушке на дальней улице поселилась молодая семья Николая Павловича Тресковского.

Кроме того, сама эта улица была особенная – она была односторонней: с одной стороны стояли дома, а с другой, через дорогу – поле, за полем березовые околки. Летом отсюда было невозможно уйти из-за красоты этой полевой, особенно под вечер, когда садилось солнце, и посеvy ячменя или овса приобретали цвет, сливающийся с цветом неба – небо темнело, а поле светлело, и казалось, что то ли поле уходит в небо, то ли небо опускается на поле!

А попозже, когда солнце садилось, в хлебах начинали верещать какие-то птички. Я всегда была невеликим знатоком живой природы, не могла тогда и не могу сейчас сказать, какие это были птички, просто когда они начинали петь на разные голоса, мне казалось, что это поет само поле.

Кроме того, в конце улицы жили мои подруги – семья Корсун, в которой было пятеро девочек: Нина, Валя, Катя, Галя и Таня. Их матерью была Маруся Ковелева, или Фомова, как эта степень родства называлась в нашей семье, то есть ее отцом был Фома Ковель, родной брат нашей бабушки Ганны. Отец их работал в МТС банщиком. Жили бедно, как и все соколовцы в то время, но в их доме всегда было чисто, хотя зимой очень холодно, и поэтому без конца топилась печка.

... А если долго идти по этой улице, войти в лес, пройти сколько-то – и можно было попасть в Медвежий Лог, где тебя обязательно съест медведь. Как пить дать – съест! Это была пугалка для нас, детей, а на самом деле по этой дороге можно было попасть в Успенку, очень хорошую, очень красивую и чистенькую деревню. Хорошей Успенка мне кажется, наверно, еще и потому, что когда мы с отцом, директором

МТС, ездили по полям и приезжали в Успенку, нас там всегда кормили. Люди здесь были исключительно гостеприимными. А бригадиром тракторной бригады от Малиновской МТС в Успенке тогда работал Иван Кириллович Лысенко.

МТС и колхоз: рабочие и колхозники

Работа в МТС ценилась исключительно высоко, как большое везение, потому что рабочие МТС были государственными служащими, имеющими паспорта и зарплаты, трудовой стаж и право на пенсию, оплачиваемые отпуска. Всего этого не имели колхозники, труд которых оплачивался системой трудодней. Трудодень - это была такая мера учета труда в советских колхозах, начиная с 1930-х годов и заканчивая 1966 годом, когда была введена денежная оплата труда. Каждому колхознику надо было выработать определенное количество трудодней, иначе могли повысить сельхозналог.

Во время войны даже были введены меры уголовной ответственности для трудоспособных колхозников за невыполнение ими без уважительных причин минимума трудодней: колхозники привлекались к уголовной ответственности и в судебном порядке карались исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до шести месяцев с удержанием до 25% трудодней в пользу колхоза.

Уехать куда-нибудь на заработки можно было только по оргнабору (то есть по набору, организованному государством), который объявляли время от времени. А по своему желанию уехать крестьяне не могли: в сельской местности у людей долгое время вообще отсутствовали паспорта. Крестьяне, а после проведения коллективизации - колхозники и остальные жители сел и деревень были привязаны к своему месту жительства, не могли свободно выбрать другое место жительства и уехать, к примеру, в город.

Это было практически полукрепостное право.

И только в 1968-1974 годах на основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривалась паспортизация всего взрослого населения страны, в том числе и сельского, чего до тех пор не было.

Уже когда эта глава была написана, я нашла в записках своего отца, которые он вел в то время, такие цифры: в колхозе «Заветы Ильича» - это деревня Ошарово - в 1956 году колхозникам на трудодень было выдано по 1,7 кг зерна и 1 руб. денег. Посчитаем: если колхозник отработал 300 дней в году и заработал, соответственно, 300 трудодней, то получил за работу примерно полтонны зерна и 300 рублей денег. Что такое 300 рублей в то время, могу пояснить, опять же из своих воспоминаний: когда в 1957 году председатель соколовского колхоза Ширяев свозил свою семью в Москву, они затратили на эту поездку 10.000 рублей. Все в деревне были в шоке - как можно на пустяки тратить такие огромные деньги! А колхозник за год получал 300 рублей и мог тратить в месяц примерно по 25 рублей. Когда мы в 1958 году уезжали из Соколовки, наша тетя Ольга устроилась в сельсовет техничкой и получала 5 рублей. Это считалось хорошей зарплатой, потому что ее давали ежемесячно, в отличие от колхозников, которые получали заработанное один раз в год.

Луговые полянки за огородами

Меня всегда удивляло, каким образом между двумя сельскими улицами Соколовки, точнее - за огородами домов, которые стояли на этих улицах, образовались полянки, заросшие луговой травой. Где больше полянка, где меньше. Был даже такой значительный прогал, на котором сельчане - уже в пору МТС - устроили небольшенький стадион, и на этом стадионе сел однажды вертолет, прилетевший с

агитационными целями: с него разбрасывались листовки.

По этим полянкам были протоптаны тропки, и по одной из таких тропинок я часто бегала из своего дома в наш старый дом на дальней улице, где в то время - уже после нас – жил со своей семьей дядя Коля, Николай Павлович Тресковский.

Оказалось, что полянки – это бывшие части огородов, которые были отрезаны как «излишки» практически у всех сельчан. Дело в том, что 19 сентября 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение - ограничить земельные размеры и численность скота приусадебного хозяйства колхозников до уставных норм, задавить его налогами и натуральными поставками, доведя до уровня «личного подсобного». А в случае нарушений порядка - пригрозить владельцам исключением из колхоза и лишением приусадебного хозяйства. И уже к началу 1947 г. у «захватчиков» было отобрано и передано общественному хозяйству 4,7 миллиона гектаров земель. (Данные из той же статьи).

В высокие инстанции вслед за этим последовал поток писем от людей, доведенных до отчаяния условиями жизни и несправедливым отношением к себе. Но все было напрасно, изъятые участки людям не вернули никогда.

Часть огорода была отрезана и у нас, и в конце картофельной «плантации» в сорок соток стояло десять соток отрезанной земли. А ведь она явно не была лишней. Наша семья постепенно становилась большой: четверо детей, трое взрослых - тетя Ольга жила с нами. Держали скот – корову, свиней, овец, гусей, кур, которым требовался корм.

Самое подлое – что отрезанная земля пустовала, становилась целиной.

Но что удивительно! Я прекрасно помню кусок отрезанной земли на нашем огороде – там не росла дурная трава, какую мы сейчас видим на бывших колхозных полях и даже на своих приусадебных участках, если их вовремя не прополоть. На «обрезках» росло то, что называется луговина – разнотравье, подорожник, который мы звали «солдатиками», какая-то травка с белыми шапками суховатых, скромных цветов, клевер, иногда кустики полыни.

И стоял над этим лужком сумасшедший, пряный, милый наш деревенский запах.

И было ощущение чистоты – потому что не было пыли и копоти, вездесущего нашего нынешнего горя.

И стрекотали под летним солнцем в траве кузнечики, прекращавшие звучать только когда идешь по траве, а они от твоих ног врассыпную. В ту пору в нашей деревне эти милые насекомые не назывались кузнечиками – они были скачки и скакуны.

«Обрезание»...

Самое невероятное, что политика «обрезания» продолжалась еще долгое время. В чем был смысл таких решений, никто не понимал тогда, и до сих пор никто, наверно, не понимает. Скорее всего, власть просто такими методами доказывала свою власть. Решения ради решений, репрессии ради репрессий, изъятия ради изъятий.

Чтобы жизнь медом не казалась.

Чтобы все боялись.

Даже во времена Хрущева, то есть в начале 60-х годов XX века, обрезали землю вплоть до самых окон. Обрезали всем – колхозникам, врачам, учителям, служащим. В рабочих поселках запрещалось держать коров, считалось, что поселок не должен выглядеть как деревня. Коровы якобы позорили облик рабочего класса и интеллигенции. Но гегемону, как и сельскому учителю, хотелось есть самому и кормить своих детей. Поэтому коров, как и свиней, на которых держалось питание в стране сплошного дефицита, старались всеми правдами и неправдами сохранять.

Мы тогда уже жили в Нижнем Ингаше, райцентре. Помню, как мать просила нас, детей, чтобы мы не брякнули лишнего, когда к нам придут руководящие люди

переписывать домашнее хозяйство. А для семьи, где было четверо детей-подростков и двое взрослых, нельзя было держать мало скотины: мы все хотели есть, а магазинах уже вовсю бушевал дефицит всего. Не хватало даже хлеба, а очередь за ним приходилось занимать с пяти-шести часов утра. Хлеб был кукурузный, и я до сих пор помню его вкус – он был как опилки, буквально никакой, а когда черствел, даже чуть-чуть, есть его было невозможно, он не поддавался зубам.

Правда, в 1959 году был отменен налог на коров и свиней, находящихся в собственности крестьян, а с 1958 года прекращалась обязательная сдача продукции с личного подсобного хозяйства. Я помню, как сдавалась эта продукция, когда мы жили в Соколовке.

Отец ехал в Нижний Ингаш, закупал в райпо - по знакомству, естественно - ящик сливочного масла, привозил его домой, а на следующий день мать тащила это масло на молоканку, на сдачу государству как налог.

Когда резали свиней, по закону надо было сдавать государству шкуры. А что такое свиная туша без шкуры? Это прямое надругательство, например, над салом. Потому что какое же соленое сало без шкурки, опаленной соломой! Да и вообще попробуй сними свиную шкуру, чтобы ее не повредить. А надо было сдавать шкуру, снятую буквально как чулок.

Когда по первым морозам начинался забой свиней, в деревню приезжали заготовители и милиционеры, караулили, у кого во дворе дымится солома и идет запах от осмаливаемой туши. Но люди ко всему принаравливаются, вот и тащили туши на санках в глубь тайги, где лес непроезжий, и там смолили и разделявали.

Я сейчас думаю: ну кто, кто надоумил нашу власть так эффективно, так успешно, так результативно прививать людям ненависть к занятию сельским хозяйством? Как будто кто-то из вражеской Америки долгие-долгие годы уничтожал главное для сельского хозяйства – привычку русского человека работать на земле, любовь к этой самой земле.

Уроки аграрной политики на примере одной семьи

Сразу должна предупредить вот о чем. Я не сильна в политике. Наверно, как и большинство женщин, предпочитающих заниматься своей работой и своей семьей. Бурная и сложная история нашей страны мне никогда не виделась непостижимой – на каждом этапе я, как и все, осознавала, как и для чего там, «наверху», принимаются решения, осуществляются реформы. Были и великие свершения у нашей страны, мы всегда, во все времена, как и сейчас, гордимся Великой победой над фашизмом в 1945 году и не перестанем гордиться подвигом народа. Но когда смотришь на развитие определенной сферы жизни с позиций долгой жизни, когда видишь и осознаешь, как эта сфера развивалась и к чему пришла – появляется возможность подвести некоторые итоги. Вот такое время пришло и для меня, о чем пишу с горечью и – опять же! – с надеждой на лучшее.

Мой дед Павел Яковлевич Тресковский, переселенец из Белоруссии, и его семья – сыновья и дочери - душу и жизнь бы отдали за свободный труд на своей собственной земле. Да, собственно, и отдали.

Второе поколение – их дети – уже просто выживали. В сельском хозяйстве осталась одна наша тетя Ольга, вынужденно воровавшая колхозное молоко, чтобы выжить самой и сиротам – ее братьям и сестрам. Потом в сельском хозяйстве работал наш отец, но и его с семьей согнали с той земли, к которой он прикипел – МТС ликвидировали в 1958 году.

Никогда не забуду, как в 90-е годы, когда началась перестройка, мечтала получить обратно пять десятин (около 5 гектаров) земли, которой владела семья Тресковских до

раскулачки, моя мать Татьяна Павловна Данкова (Тресковская). Зачем ей нужны были эти десятины – тогда было непонятно, мы и с сорока сотками около дома справлялись с трудом. Сейчас-то я понимаю: ей нужно было добиться справедливости, вернуть то, чем они жили, ради чего ее родители и деды отчаялись на переселение в Сибирь, на огромный труд и, как оказалось, на огромные несчастья.

Третье поколение – мы, дети Данковых и внуки Тресковских, уже все «смотрели на сторону», тем более, что имели право получить паспорта и выбрать профессию, не связанную с землей. Правда, моя сестра и братья долгое время работали в организациях, связанных с обслуживанием сельского хозяйства, а также, пока позволяло здоровье, держали домашний скот, огороды же у нас и до сих пор.

Четвертое и пятое поколения уже и не смотрят в сторону сельского труда. Что такое любовь к земле, которую ценишь по высокой нравственной цене, уважаешь труд на ней, – это все для них незнакомое и ненужное. Хотя огороды по-прежнему у наших детей и внуков в чести.

Теперь ситуацию государство выправляет, и надо сказать, совсем не безуспешно, это наглядно видно. В стране наконец-то нет проблем с продуктами питания, с зерном, молоком и мясом. А ведь все это благополучие могло быть и раньше. Но история не знает сослагательного наклонения, этому каждому известно. Поэтому как вышло – так и вышло.

... Заставляю себя выкинуть следующие строки, но не буду. Дело в том, что я уверена: если припрет, если будет жизненно необходимо, все эти поколения, которые отошли от земли и предпочли работе на ней другие занятия, смогут вернуться к тяжелой, грязной, не всегда благодарной крестьянской деятельности. Мы иной раз и не догадываемся, что способны совершить в решающие минуты и дни жизни, как это в свое трудное время совершили наши предыдущие родные. Они-то думали, что делают простое, единственно возможное дело. А сделали нечто невероятное, невозможное, замечательное – то, что дает силу и надежду следующим поколениям.

Корни свое все равно окажут! Так что будем жить дальше.

Михаил
СМИРНОВ

Салават

*Смирнов Михаил Иванович,
родился в городе Салавате 27
сентября 1958 г..*

*Лауреат ряда
литературных премий,
в том числе Лауреат
Международной премии
«Филантроп»;*

*Лауреат Международного
конкурса детской и
юношеской художественной
и научно-популярной
литературы им.*

А.Н. Толстого;

*Лауреат международного
литературного конкурса на
соискание премии им. А. И.*

Куприна;

*Лауреат Международного
конкурса Национальной
литературной премии
«Золотое перо Руси» и мн. др.*

Печатался:

«Литературная газета»,

«Литературная Россия»,

«День литературы»,

«Молодая гвардия»,

«Литера», «Работница»,

«Сибирские огни» и многих

других литературных

изданиях..

Палата №...

Усевшись на подоконник, Юрка смотрел на улицу и вздыхал. За окном весна. Ветер доносит звонкие голоса девчат. Заразы, нашли место, где прогуливаться, будто других улиц в городе нет. Обязательно нужно сюда прийти, на край города и шляться почти до утра. И улица-то так себе — коротенькая. Одним концом упирается во дворец спорта, а другим концом в забор за перекрёстком, а за этим забором городской морг. По одной стороне улицы корпуса больничного городка, а напротив длиннющий высоченный забор парка отдыха. Не улица, а короткий отрезок жизни: спорт, отдых, палата, а в конце пути морг дожидается. Хорошее место! И девчонки повадились прогуливаться тут. Странные желания... Ну, ходите вы по городу, а ещё лучше в парке, там аллеек, как паутины в углу, так, нет, их сюда тянет. Весна. И девки разнагишались после долгой зимы. Правда, не совсем, а напялили на себя короткие юбочки и всякие кофточки да футболки и неторопливо прогуливаются под окнами, действуют на нервы больным. Здесь и так-то тошнёхонько сидеть в больничной палате, дышать этим воздухом и слушать бесконечные больничные рассказы, а в окно выплянешь, там такой букет, аж глаза разбегаются, сразу хочется к какому-нибудь цветочку прислониться или в пчёлку превратиться и заняться опылением.

Чертыхнувшись, Юрка сплонул. Заложил руки за голову и покосился. В палате восемь кроватей и на всех молодёжь. Сам напросился сюда. Не палата, где с простудой лежат и с радикулитом, а здесь собрались одни сумасшедшие. По-другому не скажешь. В первый день, когда Юрку очень срочно положили в больницу с подозрением на воспаление лёгких, температура не спадала и дохал, как собака, так мать выражалась, он дождался, пока оформили документы, кое-как уговорил врача, чтобы не к старикам попасть, а к молодым, взял направление и поднялся на этаж. Разыскал палату. Открыл дверь. Зашёл и остановился, не зная, куда бы вещи положить да место занять. Почти все кровати были заняты.

— Здрасьте, — сказал Юрка и взглядом обвёл палату. — А куда...

— Эй, новенький, да? — донеслось из угла. — А с чем попал? Тоже с яичком, да?

— С чем? — запнулся Юрка и взглянул на бумажку,

открыл дверь, посмотрел на номер, думая, ошибся палатой. — С каким яичком?

— Со своим, конечно, — лохматый парень раскорячился, медленно сполз и, опустив трико, показал. — Вот с таким, как у меня. Такое, да?

Нервно слотнув, когда увидел нечто сине-красно-зелёное, Юрка невольно дотронулся до трико. В палате расхохотались. Здоровенный парень, который лежал возле окна, уселся на кровати, обнажив мощные руки в многочисленных тагуировках, а на груди было два облака с ангелами на них и которые на цепях держали здоровенный крест — это Юрка сразу заметил.

— С чем попал? — уперев руки в бока, от чего стал ещё здоровее, сказал парень. — Что лепились говорят? — и хмуро взглянул на Юрку.

— Кто говорит? — Юрка загнулся, задумчиво пошлёпал губами, потом прочитал по бумажке. — А, эти... врачи, которые... В общем, воспаление подозревают... Кашляю я...

— А, ерунда! — махнул рукой тот, что с яйцом. — Вот я попал надолго. Слышь, как звать-то? Ага, Юркой... Юрок, стало быть. Вот, значит, Юрок, иду вечером с танцев, где мы играем на площадке. Девку подцепил. Падкие на нас, музыкантов. Да, лабаю помаленьку. В общем, девушку подхватили и пошёл провожать её. Поднялись на этаж, а в квартиру не пустила. А я и не очень-то просился. Люблю экстрим. Возле хаты охи-вздохи-чмоки-чпоки, а потом, когда она зашла, я побежал по лестнице. И представь, Юрок, только дверь подъездную открыл, мне, как врезали промеж ног в темноте, что я того... В общем, очнулся под утро. Смотрю, никого нет. Кое-как поднялся, до дома добрался, и спать завалился. Не впервой быют. Уже привык. А у меня ещё привычка есть — утром резко вскакиваю и сразу начинаю делать зарядку. И того, Юрок... Вскочил, как заорал! И снова брыкнулся на кровать. Мать залетает. Перепугалась. Ничего не поймёт. А мне же стыдно говорить! Рукой потрогал... Не поверишь, Юрок, как у страуса, не меньше, а может и поболее. В общем, мать вызвала скорую. Приехали, плянули, чуть не попадали. Мне плакать, а они смеются. И того, в общем... На носилки меня и сюда приволокли. Вот уже второй месяц загораю. Что? Почему сюда? Так ведь тоже воспаление. У вас кашель и радикулиты, а у меня яичко. Да какая разница, что болит? Всё равно, всем уколы в одно и то же место делают — в задницу, — и опять улёгся, заложив руки за голову и, задумчиво глубокомысленно сказал. — Береги яички, Юрок. Они ещё пригодятся.

Раздался хохот. Парень в тагуировках, сидевший на кровати, закатился, гулко хлопая ладонью по стене.

— Слышь, Юрок, — громко смеясь, сказал тагуированный. — Он каждому рассказывает, как ему врезали. Всем, кто в палату заходит. Напарника для себя ищет. Может и найдёт... — и замолчал, оплянувшись.

Распахнулась дверь. В палату заскочила медсестра. Красивая. Ноги от плеч. В белом коротковатом халате, пуговка расстёгнута и была видна высокая грудь. Из-под колпака светлые волосы до плеч. Большие глаза, лёгкий румянец, ярко накрашенные губы, а в уголке родинка виднеется. Красивая — мимо не пройдёшь, не оплянувшись! Она медленно осмотрела всех, задержала взгляд на Юрке и ткнула пальцем.

— Туда, — резко сказала она, показывая на кровать. — Твоё место, пока не выпишут или не выпонят, — и опять взглянула на других. — Если будете шуметь, напишу докладную. Ишь, веселятся. Тоже мне, больные называются. Всех в шею и за ворота с красной полосой на больничном! — и развернувшись, демонстративно вильнула задом и захлопнула дверь.

— Это... — вслед протянул руку тагуированный и чертыхнулся. — Тыфу, ты! Залетит, с умной мысли собьёт и убегает, зараза белобрысая!

— Э, ничего в бабах не понимаешь, — пробормотал парень в очках и почмокал толстенными губищами. — Такая красотулька, скажу тебе... Так бы и прижался к ней, — и, заложив руки за голову,

мечтательно уставился в потолок.

— Красивая, но стервозная, — подняв палец, опять глубокомысленно сказал татуированный парень. — Ты уже прижимался к ней в ординаторской, когда она спать завалилась. Где оказался? Вот, на пол сбросила и по роже врезала. Нечего ночами по медсёстрам шляться! С такой стервой ни один нормальный мужик не уживётся. . .

— Поэтому и стервозная, что не может найти подходящего мужика, — сказал очкарик. — А я бы нашёл к ней подход, будь побольше времени, — и причмокнул, опять мечтательно прикрыв глаза, потом повернулся к Юрке и ткнул. — А что стоишь-то? Иди, занимай кровать. Меня Володькой зовут, а вон того, кто с яичком — это Сашка-музыкант, а синий — это Петька — недавно освобождился, а вон тот, что с книжкой и в красном трико — Андрюха. Остальные на улице. В общем, вся жратва на общий стол. Всем помогаем, кто в нашей палате, а кто не в нашей — пусть мимо гуляют. Всё, располагайся.

Так Юрка попал в палату, где одни считали их весёлыми, другие придурками, некоторые сумасшедшими, для врачей — все были больные, ну, а для медсестёр — головная боль. И очень сильная, круглосуточная.

Утром, после подъёма, едва успели умыться, в палате появился врач. Останавливаясь возле каждой кровати, внимательно выслушивал жалобы, что-то записывал в карточки, кивал головой, назначал лечение и присаживался возле другого больного. Чуть дольше задержался возле Володьки, пощупал спину, посмотрел ногу, которую тот волочил за собой из-за радикулита, велел ходить на физиотерапию и погрозил пальцем, когда Вовка стал отпрашиваться домой. Потом подошёл к Сашке-музыканту, оттянул широченные трусы, задумавшись, долго смотрел на страусиное яичко, хотел было потрогать, но передумал, пробурчал, что будут решать, что с ним делать и вышел, хлопнув дверью.

— Всё, мужики, можно разбегаться, — потирая руки, сказал Володька, и облизнулся. — Слышь, вечером меня прикроете, а?

— Мужики в поле пашут, — сказал татуированный и запнулся, оглянувшись.

— Я те прикрою! — распахнулась дверь и на пороге появилась эта красивая медсестра. — Сегодня моё дежурство. Каждый час буду проверять тебя. Понял? Сейчас будет пятиминутка. Скажу, что ты каждый день убегаешь домой да скажу, как ночью приставал. Пусть примут меры. Ну, а вы что разлеплись? — она осмотрела всех. — Живо на завтрак! Будет манная каша и хлеб с маслом. Потом на уколы. Все! Так, новенький, — она ткнула пальцем в Юрку. — Возьмёшь направление на посту, сбегаешь в поликлинику и пройдёшь врачей. Список есть. Чтобы до обеда всё успел подписать. Что говоришь? Ошибаешься. Врачи принимают в кабинетах, а не в вашей палате. Понятно?

— Танечка, Танюшечка, — заворковал Володька, потом сморщился и, волоча ногу, направился к ней. — Танюшенька, может, сделаешь укольник в палате? Долго стоять в процедурку. А здесь я готов отдаться с головы до ног и обратно в твои ласковые и нежные руки, — и причмокнул губищами.

— Самец-красавец по кличке Рекс, — не удержался, хмыкнул татуированный.

— Не притворяйся, Матвеев, — вздёрнула бровки-стрелочки Татьяна. — Я видела, как ты по улице бегаешь. Всё врачу расскажу на пятиминутке, всё. И уколы буду делать тебе в последнюю очередь.

— Ну да, ну да, — ухмыляясь, пробормотал татуированный и погладил ангелов на плечах. — Все разойдутся, а вы значит, того. . . — и хохотнул.

— Ну да, — недолго думая, сказала медсестра и кивнула. — И ты того. . . тоже в последнюю очередь. Есть ещё желающие? — она обвела взглядом палату. — Ишь, коты мартовские! — и медленно вышла под завистливые вздохи больных. — Ох, дождётесь!

В процедурку была очередь. Никто не хотел заходить. Юрку пропустили первым. Юрка обрадовался, но сильно удивился. Никогда не думал, что такие вежливые, такие приветливые больные в отделении, что даже в очереди не пришлось стоять. Наверное, как новичка пропустили — первым.

Распахнув дверь, Юрка быстро прошмыгнул в процедурку и лишь там понял, почему все столпились возле кабинета и не заходили. Возле стола, где лежала куча шприцев и ряды пузырьков и ампул, стояла медсестра, а рядом несколько студенток из медучилища. Практику проходят. Юрка хотел было выскочить, но не успел. Грозный окрик медсестры остановил его. Загравленно поглядывая на практиканток, он медленно подошёл к столу, стащил штаны и замер, ожидая экзекуцию. Практикантки, делая уколы дрожащими руками, чуть было в обморок не падали. Юрке было больно. Очень. Едва сдерживаясь, чтобы не заматериться, с трудом дождался конца экзекуции и, поддёрнув трико, захромав на обе ноги, медленно открыл дверь и не сдержался, обозвал медсестру и практиканток — коновалками. Больные, столпившись возле кабинета, расступились, с состраданием посмотрели вслед, но остались на месте. Никто не хотел заходить.

После уколов практиканток, Юрка покандылял в поликлинику, до обеда мотался по кабинетам и, вернувшись, до вечера маялся от безделья, не зная, чем заняться. Потом спустился на улицу. Дождался мать, немного посидел с ней на лавочке, провожая взглядом девчонок, которые вышли на прогулку. Вздохнув, подхватил пакет, в котором мать принесла десяток небольших котлеток размером с ладонь, пирожки с картошкой, с луком и яйцом, с капустой и ещё с чем-то, довольно-таки маленький кусочек колбасы, да немного конфет к чаю, Юрка поднялся в палату. Оставил горсточку конфеток для себя, а остальное отдал на общий стол. Так было принято, все едят одинаково.

— Эй, девки, айда к нам! — донёсся чей-то громкий крик. — Мы такое покажем. . .

— Идите на фиг, — раздался звонкий смех. — Вы другим показали. Лечитесь, трипперные!

— Шалавы!

— Сами дураки!

И снова звонкий смех.

— Девчонки, к нам, идите к нам, мы не заразные, — опять донёсся громкий голос. — Мы очень хорошие. С нами будет весело!

— Слышь, хороший, — с улицы раздался грубый голос, — я вижу, что у тебя одна рука в гипсе, да? Попробуй, ещё раз позови моих девчонок, я тебе вторую сломаю. Вот уж будет весело! Понят?

Тишина. Никто не хотел рисковать.

— Ребят, ребят, — проплаывая окончания слов, заторопился Володька Матвеев. — Ну, что, прикроете, а? Я Танечке глазки построил. Полдня потратил на неё. На посту сидел. А знаете, наша медсестра ничего, скажу вам, когда один на один разговариваешь. Долго клинья к ней подбивал. Даже обнял её, а она не против, сама прижималась, а у неё, ребят, вот тут, — Володька показал на грудь. — Вот так торчат, да такие. . . прям, ух! Сейчас смотаюсь домой, а когда вернусь, думаю, после отбоя к нашей медсестричке зарулю. Она же одна дежурит. Скучно. Вот я и поразвлекаю. Ребят, в общем, сегодня устрою бордельеро. Санька, а ты, если медсестра залянет, говори, что я где-то здесь, или ко мне кто-нибудь пришёл. Чую, наша Танечка неровно дышит ко мне. А пока прикройте, мне ещё свою жену надо проведать. Соскучилась. . .

— Слышь, самец-красавец, — сказал тагуированный. — Сначала радикулит вылечить, а то вторую ногу начнёшь таскать за собой. Ты уже разок подкапывал к медсестре. Чуть живой остался, когда скинула тебя с кушетки. Опять решил нарваться? Вовка, из-за тебя одна беда в палате. Ты гуляешь, а попадает всем. Сиди и никуда не бегай, придурок!

— А что сразу. . . — поправил очки Матвеев. — Не могу в палате сидеть. Лучше домой смотаюсь. Жена ждёт. Я обещал прийти. Прикройте, а?

— Отвали! — буркнул Сашка-музыкант. — Мне бы твои проблемы, — оттянул резинку, заглянул и вздохнул. — Вот лежу и думаю, а если не вылечат? Тогда резать придётся. Врач говорил, будто воспаление перешло на второе яичко, — и повернулся. — Мужики, а правда, кому отрезают, у того

голос меняется — тонким становится, а?

— Да, правда, — закивал башкой тагуированный. — Тоненький, писклявый. Забыл, как его называют — этот голос. А потом мужик медленно превращается в бабу. Не вру! Что-то в организме происходит. А голос изменится — это точно!

— Фальцет будет, — завздыхал Сашка-музыкант и опять заглянул под трико. — Мужики, а я же в рок-группе играю и пою. А как я буду петь, если голос станет писклявым? Меня же засмеют, из группы выгонят!

— Тю, — небрежно махнув рукой, протянул тагуированный. — В оперу пойдёшь. Там верещат, словно режут. Я по телеку видел. Знаменитым станешь. Такую капусту начнёшь заколачивать — мама не горюй!

— В оперу старухи ходят, а к нам девки молодые, — не унимался Сашка. — Я что, должен бабок до дома провожать и с ними чмоки-чпоки?

— Бабки — тоже люди, тоже мужиков хотят, особенно, молодых, как ты, — поучительным голосом сказал тагуированный. — Не только станешь знаменитым, но и востребованным... У бабок! — и расхохотался.

— Трепло! — обидевшись, буркнул Сашка. — Мужики, берегите яички! Они ещё вам пригодятся. А вслед за ним по палате разнёсся громкий хохот.

— Ой, забыл... — Володька шлёпнул себя по лбу. — Санька, тебя в процедурке ждут. Сегодня практикантки. Иди. Говорят, клин клином вышибают...

— Хочешь сказать, по второму яичку врежут, да? — заохал Сашка-музыкант, сползая с кровати и, раскорячившись, направился к двери. — Ничего себе, нашли лечение — клин клином... — и, услышав, как заржали ребята, он захлопнул дверь.

Вслед за ним собрался Володька Матвеев. Сильно прихрамывая, выплянул из палаты, постоял, прислушиваясь, в конце коридора раздавался голос медсестры, а потом осторожно вышел и прошмыгнул на лестницу, и стал медленно спускаться.

— Ох, придурок, — буркнул тагуированный, когда за Володькой захлопнулась дверь и повернулся к Юрке. — Слышь, Юрок, он рассказывал, как в больницу угодил?

— Нет, — пожимая плечами, сказал Юрка. — Меня же не было в палате. Всё по врачам бегал. А что?

— Здесь всё отделение смеялось, когда Вовку Матвеева привезли, — сказал тагуированный, а потом хохотнул. — Свадьба была. А на следующий день, Вовка попадает в больницу с радикулитом. Когда спросили, как он умудрился заболеть, нет, чтобы соврать, а Матвеев правду сказал, что в первую брачную ночь занимался с женой камасутрой. Ну и того, на полпути заклинило... Жена не осилила, пришлось отца с матерью позвать, чтобы его стащить. Ох, дурак, хотя и с высшим образованием. Что говоришь, Юрок? У Матвеева институт за плечами, а такое чувство, словно дитё малое. Наверное, диплом купили...

— Где этот молодожен? — дверь распахнулась, в палату заглянула медсестра и кивком головы показала на кровать Володьки. — Опять домой сбежал?

Тагуированный посмотрел на часы. Взглянул на окно и пожал плечами.

— Танечка, видать, ты соскучилась по нему, — хохотнув, сказал он. — Глянь, сколько времени. Все на улице. Мы слышали, кто-то кричал ему. Наверное, родичи или жена пришла, а может знакомые. У него словно в проходном дворе, все идут и идут, — и повернулся к Сашке-музыканту. — Санёк, ты не знаешь, где наш любитель женщин?

— Там, — помолчав, задумчиво сказал Сашка, опять оттянул трико и заглянул. — Слышь, Танька, а если яички отрежут, у меня дети будут или нет?

— Дурак, — фыркнула она, поправляя халат. — Я же женщина. Нашёл, кому задавать такие вопросы.

— Ты медсестра, а не баба, — ткнув пальцем, сказал Сашка. — Поэтому и спросил.

— Дурак, — опять повторила Татьяна. — Какие могут быть дети, если отрежуг? Можно в гареме работать или в опере, арии будешь петь. . .

— Опять опера! — взвыл Сашка и замахал руками. — Издеваешься надо мной, да? Ты, Танька, не медсестра, а помощница смерти. Уйди с глаз долой!

— Кого прогоняешь, а? — уперев руки в бока, сказала Татьяна, не замечая, что распахнулся короткий халат, а в палате сразу наступила тишина, и все больные замолкли, уставившись на стройные загорелые ноги. — Ну-ка, где ваш друг? Быстро признались! Иначе, докладную напишу на всех, что скрываете уходы.

— Тань, Танька, чего взялась? — заторопился татуированный и исподтишка показал Сашке огромный крепкий кулак. — Мы же шутим. Да не бери в голову, а бери в рот. . . Тыфу ты, заговорился!

Татьяна взбеленилась. Фыркнула, погрозила кулачком. Хотела что-то сказать, но махнула рукой и, выскочив, помчалась в кабинет, писать докладную.

— Всё, братцы, попали под раздачу, — вздохнув, пробормотал Сашка-музыкант, продолжая заглядывать в трико. — Сейчас столько напридумывает, что нас с треском выгонят отсюда. Вам-то легче, а я, куда пойду с таким яичком, — и обиженно забормотал под нос.

— Не бойсь, Саня, — небрежно отмахнулся татуированный. — Пусть пишет. Тебя из больницы не выгонят. Сам же сказал, что воспаление на второе яичко перешло. Значит, лепилы будут резать. Ага, точно. . . Слышь, Санёк, врач не говорил, одно удалят или оба? Я бы оба отрезал, так надёжнее. . .

— Вот и отрезай свои, а мои не трогай, — ткнув пальцем, завопил Сашка-музыкант, встряхивая огромной нечёсаной гривой. — У тебя уже есть дети, значит, яички не нужны. Так проживёшь. . .

За окном раздался протяжный крик. Юрка поднялся с кровати. Подошёл к окну. Уселся на подоконник. Выглянул. Под окнами прогуливались девчонки. Красивые. В коротеньких юбочках, в капроне, а под кофточками и футболками волнующе выделялись не бугорки и не бугры, а что-то этакое, от чего дух захватывало. Нервно слотнув, Юрка тоскливо посмотрел на них. С завистью проводил взглядом парня, который догнал двух девчонок, о чём-то пошептался и, развернувшись, они отправились в парк, где было много укромных уголочков.

— Эх, — вздохнул Юрка, продолжая выглядывать в окно. — Эх, я тут сижу, а они там. . .

— Кто? — пробубнил Сашка-музыкант, раскорячившись на кровати. — Кого увидел?

— Такие девки ходят, аж. . . ух. . . — Юрка развёл руками. — Слов не хватает. Откуда они берутся, а? Зимой встретятся и плянуть не на что, а сейчас. . . Всё на виду, всё при них. Распустились цветочки. Так бы и прижался, опылил. . .

— Ага, — перебивая, забубнил Сашка и опять оттянул трико, заглядывая. — Я вот тоже прижался к одной, а потом получил по яичкам. А сейчас валяюсь и мне наплевать на всех девок. Ни капельки не тянет. Правда! Почему, а? Видать, плохи мои дела. Забыл сказать. . . Мать приходила, говорит, что в городе уже несколько случаев произошло, как со мной. Видать, кто-то охотится на мужиков, — и снова повторил. — Мужики, берегите яички! Они ещё пригодятся.

И хохот, от которого, казалось бы, зазвенели стёкла в рамах. Следом донеслись быстрые шаги. Распахнулась дверь и на пороге появилась взбешённая медсестра.

— Так, опять веселятся, — всплеснула руками она. — Между прочим, я написала докладную. Всех включила. Завтра придут врачи. Отдам. Пусть читают, чем занимаетесь, а потом решают, но такие больные не нужны в нашем отделении. А то собрали сборную команду. Вон, пусть переводят к другим.

— К каким — другим? — недовольно заворчал Саня. — Ты же знаешь, что меня нельзя кантовать.

— Тебя на каталке отвезут. . . — сказала медсестра.

— Ага, Саня, вперёд ногами в морг повезут. Здесь рядышком, который за забором. . . — сооротив серьёзную мину, сказал татуированный. — Я даже помогу — отправлю тебя в последний путь. Что ни сделаешь ради хорошего друга. . .

— Отстань, — забубнил Сашка-музыкант. — Вам шуточки, а мне. . . — и опять оттянув трико, заглянул. — Точно отрежут, как пить дать.

— Что сказал врач на обходе? — кивнув, сказала медсестра.

— Взглянул и молча ушёл, — пожал плечами Сашка. — Даже не потрогал. . .

— Странно, что не потрогал. Обычно, он яички не пропускает, всегда щупает, — задумалась медсестра. — Скорее всего, что-то не понравилось. Как бы тебя. . .

— Ага, ещё и ты издеваешься! — нахмурился Сашка. — Замучили!

— Это что такое? — повысила голос медсестра. — Ишь, раскричался. . . С вами по-хорошему, а вы. . . Так, где Матвеев? — она посмотрела по сторонам. — Утром докладная будет на столе заведующего. Совсем обнаглели!

Татуированный метнулся к окну. Долго смотрел. Там, вдоль забора сидели, стояли, а некоторые больные лежали на молодой травке, а рядом с ними были многочисленные родственники, друзья, знакомые и сослуживцы. И вся эта огромная толпа гудела, жужжала, что-то выкрикивала, толкалась, одни разговаривали, другие смеялись, третьи жевали, а некоторые, самые отчаянные, что ли, пускали по кругу бутылку или стаканчики — ещё немного и запоют, а то и в пляс пустятся, судя по тому, с какой скоростью оттуда вылетали пустые бутылки. Потом подозвал медсестру и ткнул пальцем.

— Что ругаешься, Танечка? Глянь, сколько народищу возле больницы. А Вовка. . . Вон же сидит. Видишь?

— Где? — приподнялась на цыпочках медсестра и наклонилась через подоконник. — Где Матвеев? — и протяжно закричала. — Матвеев, в палату!

— Да не туда смотришь, — заторопился татуированный и стал махать рукой. — Вон там Володька. Вон толпа стоит, а рядышком кустик, а за ним Матвеев сидит. Странно, мы лёжа на кроватях видим всё и даже более того, а ты ничего не замечаешь, — и повторил, подмигивая парням. — Странно... Да, братва лихая?

Короткий халатик задрался, едва она наклонилась. Все кто был в палате, невольно взглянули на оголившиеся ноги чуть ли не до пояса и завздохали. Весна, ничего не поделаешь. Животные инстинкты просыпаются. Даже Сашка-музыкант повернулся, взглянув на обтянутый зад и розовый загар стройных ног.

— Эх, Танька, если бы я не болел, — Сашка пригладил разлохмаченную шевелюру. — Да уж, мимо бы не прошёл, а сейчас даром не нужна. Правда! А вот нашим мужикам. . . Слышь, уйди отсюда, не доводи до греха. Хоть больные, но всё же люди. Выставила, в темноте не промахнёшься.

Медсестра отскочила от подоконника. Торопливо одёрнула халатик, прикрывая ноги. Вспыхнула, аж пунцовая стала и, погрозив пальцем, помчалась к двери. Вскочила. Опять вернулась, запыхтела, снова погрозила, а потом ткнула пальцем в кровать.

— Покрываете Матвеева? Передайте, что после отбоя на клизму. Завтра рентген. Я буду его ждать. А вы готовьтесь на ковёр к заведующему. Пусть выписывают, а тебя, — она показала на Сашку-музыканта, — самолично отвезу на каталке. Бесстыжий!

И, хлопнув дверью, аж осыпалась шпукатурка, она помчалась по коридору.

— Теперь точно — выгонят, — тоскливо сказал Сашка, привычно оттянул трико и, заглянув, нахмурился.

— Сам виноват, — не удержался татуированный и намахнулся. — Кто тебя за язык тянул, что у неё

халат задрался? Лежали бы и молчали, а теперь... — и он махнул рукой. — Врезать бы тебе по второму яйцу, чтобы заверещал! А ещё этот самец-красавец, Володька... Замучил! Всю плешь проели из-за него. Они потеряли, а мы отвечаем. Он по бабам бегает, а с нас спрашивают. Ничего, когда появится, враз отучу, как домой сматываться — зуб даю.

Володька появился после отбоя. Скрипнула дверь, медленно приоткрылась, и в палату заглянул Володька Матвеев. Зашёл. Заулыбался. Жмурился, словно кот мартовский.

— Ну, чего щеришься, а? — неожиданно освирипел татуированный. — Твоя медсестра замучила нас: где Матвеев, где Матвеев... А потом сказала, чтобы ты в ванную комнату пришёл. Слышь, Вован, быстрее беги, снимай штаны и ложись на кушетку. Тебе клизму назначили. А мы скажем, что ты давно вернулся и ждёшь её, — и он замолчал, уставившись в потолок.

Володька нервно слотнул и осмотрел палату. Все лежали на кроватях, одни читали, другие о чём-то разговаривали и громко хохотали, и никто не обращал на него внимания. Даже Саня притих, не ворчал, а сунул руку в трико и ковырялся там, или что-то искал — непонятно... Матвеев перевёл взгляд на татуированного.

— Что, правда, искала? — затравленно оглянулся на дверь Володька.

— Конечно! — воскликнул татуированный и ткнул пальцем. — Вон, у братвы спроси, ежели мне не веришь. Не успел смотаться, а она уже стала искать, чуть ли не под кровати заглядывала. Каждый час заскакивала, всю кровь выпила, зараза. Беги, говорю, а то сейчас зайдёт и заблажит на все отделение. Сильно ругалась, очень сильно. Что стоишь? Беги!

Распахнув дверь, Володька, охая, покандылял в конец коридора, где в ванной комнате всегда делали клизмы. Следом за ним, крадучись, к дверям подбежал татуированный, посмотрел в щелку, фыркнул и, вернувшись, покрутился в коридоре, почёсывая затылок и, услышав голос медсестры, позвал её в палату.

— Танька, слышь, — едва она открыла дверь, загоропился татуированный. — Володька пришёл...

— Ты позвал, чтобы это сообщить? — усмехнувшись, сказала медсестра и оглянулась. — Где же Матвеев?

— Это... — татуированный оглянулся на ребя, потом махнул рукой. — Знаешь, что-то непонятное с Матвеевым творится...

— Как — непонятное? — качнула головой медсестра и наморщила лоб. — Объясни...

— Это... — опять сказал татуированный. — Видашь, головушка закуковала...

— Говори, что с ним, — нетерпеливо сказала Татьяна. — И без тюремных привычек. Где Матвеев?

— Это... — опять сказал татуированный и махнул. — Он пришёл. Ходил по палате, ходил, что-то бормотал, руками махал, и всё про баб... тьфу ты, про женщин говорил, словно подзывал... Мы думали, что поддатый вернулся, но запаха не было... Он покрутился, а потом ушёл в ванную. Я за ним побежал, а там... — и он замолчал, округлив глаза.

— Что — там? — насторожилась медсестра. — Что тянешь-то?

— Это... В натуре... — татуированный наморщил лоб, помолчал, а потом выдал. — Я в щелку заглянул, а Матвеев снял штаны и ходит, а сам улыбается, что-то бормочет и лапчонками водит, водит... Танька, у него башню снесло. Точно, говорю! Я таких на зоне видел. У нас срок мотали. Это маньяки. Настоящие! Сама же замечала, как он к бабам... тьфу ты, к женщинам пристаёт. На себе же испытала, когда он ночью в ординаторскую забрёл и рядышком с тобой на кушетку привалился, когда ты спала, чтобы того самого тебя... Забыла? Володька — маньяк. В натуре говорю! Надо что-то делать, иначе, всем труба... — и он покачал головой.

Не дослушав, медсестра понеслась в ванную комнату. Все, кто был в палате, столпились возле дверей, наблюдая, что будет. Лишь Саня продолжал лежать на кровати, оттягивал трико, заглядывал и

недовольно бормотал.

Вовка Матвеев топтался в ванной комнате, смотрел на кушетку, на которой висилась горка тазиков, два-три ведра и почему-то лежала швабра. Как будут делать клизму — он не понимал. Услышав скрип двери, Володька повернулся и, заметив медсестру, засмутился и заулыбался, стараясь прикрыться ладошкой, а другой рукой пытался дотянуться до спущенных штанов.

— Танечка, а я жду... — сказал он, зашлёпал толстыми губами, словно хотел поцеловать медсестру и потянул к ней руку.

— Ох, ты, правда, что маньяк! — уворачиваясь, закричала Татьяна, заметив широкую улыбку, шальной притягивающий взгляд, спущенные штаны, а между ног... и, понимая, что никто не придёт на помощь, и ей придётся самой обезоружить маньяка, чтобы спасти больных в отделении, она, решившись, как её учили на курсах самообороны, коленкой розовой от загара, врезала ему промеж ног. — Ну всё, маньяк, добегался.

По коридору разнёсся протяжный крик, но не медсестры, а Вовки Матвеева. И он, скрючившись, едва передвигая ноги, медленно побрёл в сторону палаты, держась за стенку. Всё желание отбито. Напрочь! Следом выскочила медсестра и втепила ему запрещину. Вовка взвыл тонким голосом, но скорость не прибавил.

— Ох, ты, даже голос изменился, — удивлённо покачивая головой, протяжно сказал татуированный. — Видать, сразу в нокаут... Нет, в гарем отправила, — и расхохотался.

А Сашка-музыкант, услышав, тонкий поросячий визг Володьки Матвеева, задумчиво взглянул на всех и, подняв палец вверх, глубокомысленно произнёс:

— Ну вот, я же предупреждал. Берегите яички, мужики, берегите! Они ещё пригодятся.

И по отделению прокатился громкий истерический хохот.

Вскоре заскрипела дверь и приоткрылась. Появился Володька. Скрючившись, кое-как добрался до кровати, повалился на матрац и сказал... нет, тоненьким голосом прошептал:

— Ну ничего себе, сделали клизму...

По отделению снова разнёсся оглушительный хохот.

Вечерело...

**Татьяна
СОЛОДКОВА**
Нижний Ингаш

*Татьяна Солодкова
в прошлом работник
культуры, в настоящем
пенсионер. Пишет стихи
и прозу.*

ШУКШИНСКАЯ БАРЫШНЯ

- Ты знаешь, наша дочь решила поступать в цирковое училище?

- И что? В семье уже есть юристы, лесотехники, почтальоны и педагоги. Пусть пробует, все-равно не поступит: какая из нее воздушная гимнастка?

Родители на кухне обсуждают мое будущее, а я равнодушно ковыряю штукатурку пальцем у косяка в комнате, как будто меня это не касается. Воздушная гимнастка? Я же высоты боюсь.... Они не знают, что я уже ловко жонглирую тремя яблоками, неплохо владею навыками пантомимы и с учителем физкультуры подготовили пластический этюд, в который не вошли кувырки и перевороты, т.к. я с ума сводила всех, кто пытался меня этому научить. Воздушная гимнастка.... Еще чего! Мной будут "заполнять перерыв", как поет Алла Пугачева. А повезет, так будут заполнять все перерывы!

Трико расшито блестками, волосы убраны под пластмассовую чашечку на макушке, чешки предварительно выстираны. Члены приемной комиссии доброжелательно улыбаются... Что им не понравилось в моем выступлении, до сих пор остается загадкой: я не уронила ни одного яблока, подпевала себе под нос во время выполнения пластического этюда и уже громко пела "Утомленное солнце нежно с морем прощалось", когда пантомимой изображала тонущую отдыхающую в волнах Черного моря.

В перерыве, между просмотрами, ко мне подошел один из членов жюри.

- Деточка, забудь про цирк, это не твое.

И начал мне объяснять, чем цирковые отличаются от простых людей.

- У тебя тяжелый таз (да, да, он так и сказал - таз) Это пока ты девочка, девушка, он тебе не мешает, а пройдет десять лет...

И посоветовал поступать в институт

культуры, где его бывший однокурсник набирает группу для будущего дипломного спектакля по рассказам Василия Шукшина.

- Посмотри на себя :ты же готовая шукшинская барышня!

И опять мне напомнил про мой тяжелый таз.

Потом я, вместе с цыганами, добиралась до Самары в трюме парохода. Заодно выучила песню с припевом “Ай, нэ, нэ, нэ, нэ...” , при этом щелкала языком, пальцами, потряхивала плечами. Получалось плохо, тряслись не только плечи, но и все туловище, но было весело.

Позже были вступительные экзамены, которые я с легкостью сдала. А когда поняла, что точно буду принята, закрепила свой успех тем, что прошла перед комиссией со словами:

- Ну, где вы еще найдете такую доярку Нюрку с тяжелым тазом?

До выпускного спектакля было далеко ,а по семейным обстоятельствам мне пришлось перевестись в другой институт и другой город. А там о Шукшине и не помышляли. Руководитель курса ,назовем его Учитель, обожал иностранные постановки и в спектакле мне светила только роль девицы легкого поведения. Я махнула рукой : ну, девица, так девица...

И все же, однажды мне повезло. На дверях аудитории я прочитала, что одному из заочников для диплома требуется массовка в спектакль по рассказам Шукшина. Это был шанс и я не могла его упустить!

На репетиции нужно было изображать подвыпившую компанию деревенских простаков ,попавших в городской ресторан. На переднем плане, за столиками, мы пили воображаемое вино, шепотом разговаривали, чёкались несуществующими бокалами, беззвучно смеялись. Одним словом, массовка!

- Стоп!- вдруг произносит Учитель, который был режиссером на всех постановках у заочников.

- Мы ставим Шукшина?

- Да, - теряется заочник.

- Тогда почему эта девушка (показывает пальцем на меня) хохочет ,задирая ноги так, что я вижу на ней бальзаковские панталоны? Вы так представляете шукшинскую барышню? Почему у нее грудь ходит ходуном и вот-вот вывалится в вырез платья? Где вы у Шукшина видели таких вульгарных девок? Пересадите ее за последний столик, так, чтоб виден был только ее силуэт, а не это сытое и наглое лицо.

Меня пересаживают с переднего на задний план. В отчаянии ,я демонстративно падаю лицом в тарелку на столике.

- Вот-вот! Так и сиди... Мордой в салате...

- Лицом, - сопротивляюсь я.

- Лицо у твоей героини ,а довольная пьяная морда у тебя и она в салате.

Улыбаясь, потирает руки .Мизансцена получается замечательная, это вижу даже я со своего заднего плана.

Репетиция продолжается. У главных героев не получаются диалоги, время идет и у меня начинает затекать спина. На меня никто не обращает внимания и я потихоньку начинаю шевелиться. Вот правая рука потянулась к бутылочным фруктам, что лежат в вазочке.

Яблоко... Интересно, из чего оно сделано? Груша... По весу она как яблоко. А чтобы

жонглировать, надо чтобы предметы были одного объема и веса. Хм... А сколько весит вон та гроздь винограда? И вот в моих руках уже три предмета...

-Нет!-, раздается грозный окрик Учителя. Я снова плюхаюсь на стул, а ведь уже стояла во весь рост, не замечая происходящего.

-Нет, девочка! Ты и сегодня не будешь жонглировать, иначе.....И он глазами указывает мне на дверь.

Я снова ложусь “мордой в салат”, но при этом спрашиваю :

-А можно я буду хотя бы храпеть? Роль-то совсем без слов....

Мне разрешают тихонько храпеть, но так, чтобы не отвлекать внимание будущих зрителей от главных персонажей.

На этом можно было бы и закончить ,но...

Уже на последнем курсе ставили “Сирано де Бержерака” и я получила роль уличной танцовщицы, которая кочует с бродячими артистами цирка. Учитель тогда сказал:

- Не мешайте ей, пусть делает, что хочет : садится на шпагат, бьет в бубен, танцует и подбрасывает в воздух предметы. Пусть резвится. Возможно, это ее последняя роль, где она удовлетворит свои цирковые “хотелки” . Таз-то у нее, действительно, тяжеловат, ну, под широкой юбкой не видно... Не Джульетта, нет: шукшинская барышня.

СЕМЬ ЯБЛОК

В моем детстве не было гаджетов. Развлекались, как умели. Зимой катались на санках, а самые храбрые, на лыжах. Да не просто так, а с самой крутой горки, а потом еще несколько метров по замерзшей Волге. Летом- прятки и “резиночка. А вечером, сидя в густых зарослях амброзии, рассказывали страшные истории из серии “В одном черном-черном городе, на черной-черной улице, среди черных-черных домов горел черный-черный костер...” Иногда совершали безобидные набеги на соседские сады. Как известно, яблоки из чужого сада, вкуснее и слаще.

В тот вечер и мои родители, и взрослое население поселка было в клубе. Там показывали очередную “Анжелику”. Чужие сады призывно манили, но... Меня, уже в который раз, мои приятели отказывались брать с собой “пошариться” в этих садах, оставленных без присмотра. Причиной отказа было белое платье в горошек с легкомысленными крылышками. У меня не было тельняшки, как у Веры. У меня не было штанов с заплаткой, как у Вовки. А кто лазит в чужой сад в платье? Я уже готова была зареветь, но мне предложили постоять на шухере и свистнуть два раза, если что-то пойдет не по плану. Я кивнула, встала под единственный горевший фонарь на перекрестке двух дорог и начала осмысливать происходящее. Лучше бы я этого не делала! До меня вдруг дошло, что я же не умею свистеть.... Мысли закружились: ”Всё! Это конец! Провал, позор и насмешки.... Что делать?”

В конце улицы показалась стая бездомных собак, которых я боялась до обморока. Немного подумав, приняла решение, что если уж погибать, то погибать надо достойно, поэтому громко запела : ”По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...” Собаки, до этого не обращавшие на меня внимания, остановились. Но мой жалкий вид, отсутствие палки и громкое пение сделали своё дело: собаки свернули в переулок. Я перевела дух и вовремя: на горке показались фигуры моих родителей, возвращающихся из кино. Следом шли другие люди... Мама только развела руками, а папа, как будто не поняв, что видит свою родную дочь, спросил: ”Таня, это ты?” Я

кивнула и шепотом произнесла: ”Надо свистнуть...” Папа свистнул и я, готовая от стыда провалиться сквозь землю, добавила: ”Два раза... свистнуть... пожалуйста!”

Утром мама обнаружила под окном на огромном листе лопуха семь яблок сорта Пепин шафранный. Она принесла их, положила на стол и сказала: ” Вот, отец, полюбуися, это ее, честно заработанная доля! Семь штук! “ Папа ответил :”Неплохое начало”.

Я лежала, укрывшись одеялом с головой и не понимала, почему меня не ругают, почему говорят шепотом, почему смеются? Через много лет папа признался: яблоки сорта Пепин шафранный были только в нашем собственном саду...

**Евгений
ХАРИТОНОВ**

Белгород

*Харитонов Евгений
Николаевич Член
союза Белгородских
литераторов.Лауреат
Всероссийских и
Международных
литературных
конкурсов.*

*Публиковался в
журналах: «Берега»,
«Александръ», «Таврия
литературная», «Звезда
Востока», «Бийский
Вестник», «Краснодар
литературный», «Пять
Стихий», «Северо-
Муйские огни», «Наша
Молодежь», «Literra»,
«Белая скала»,
«Сибирский Парнас»,
«Причал», «Ротонда»,
«Рассвет» и т.д.*

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

СВЯЩЕННАЯ БИТВА

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Кто ж знал, что Победу весны сорок пятого
Добыть в этот раз нам придётся самим.

Изрыты окопами тихие просеки,
В пригорки корнями вросли блиндажи.
А рядом, в низине, виднеются носики
Тюльпанов¹, готовых прорвать рубежи!

В землянках ночами, томясь от бессонницы,
Вновь пишут солдаты своим матерям
О том, что Россия врагам не поклонится,
Что смерть не указчица русским парням.

К груди прижимая нательные крестики,
Пойдут поутру штурмовать города.
Ах, только бы мамам слова «пропал без вести»
На почте прочесть не пришлось никогда.

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Но в битве священной с врагами заклетыми,
Как деды и прадеды, вновь Победим!

¹«Тюльпан» — советский 240-мм самоходный миномёт.

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОЧЬ

Петухи заре пропели.
В будке дремлет старый пёс,
Как ребёнок в колыбели.
Из какой-то тёмной щели
Тени высунули нос.

Эти тени, словно души
Тех, кому уж не помочь.
Что ж вы лезете наружу?
Кто-то рвёт соседа груши.
Пёс сопит. Деревня. Ночь.

ПТАХА

О чём поёшь так грустно, птаха,
Присев под окнами на ель?
Уж не о том, что в Волновахе
Гнезда не свить тебе теперь?

О том, что некому в Попасной
Тебя с ладони угостить?
И мест в Херсоне безопасных
Отныне нет, чтоб погостить?

Такая боль в твоём вокале,
Что просто за душу берёт!
Любой, кто выжил в Соледаре,
Тебя, голубушка, поймёт.

Кто чудом спасся от осколков,
Кого вернул на землю врач,
Чей дом стал грудюю обломков –
Услышат в пенье горький плач.

Жаль, нет на свете троп окольных,
Где б нам не выдалось тужить.
Теперь и звоном колокольным
Твой птичий крик не заглушить!

Лети, родимая, по свету,
Неси печаль свою и грусть.
И кто б не слышал песню эту,
Пускай помолится за Русь.

В ИНЕЙ РЯЖЕННЫЕ ИВЫ

Птичьи гнёзда незаметно опустели.
Лесом сброшены осенние костюмы.
Вновь пушистые, крылатые метели
Украшают мир в серебряные дюны.

Реки шустрые уснули подо льдами,
Заглушив свои журчащие мотивы.
А над ними, не поладив с холодами,
Загрустили в иней ряженные ивы.

Обожгли своим дыханием морозы
Ив плакучих обескровленные веки.
И в кристаллики закованные слезы
Осветили обездвиженные реки.

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Всё чаще снится мне ночами,
Как суд вершить над палачами
В эпоху яростной войны,
Шагают русские сыны.

Над каждым свет струится Божий,
А под одеждою на коже
Ведёт их с верой в бой смертельный
Броня Господня – крест нательный.

И вновь, рассветом пробуждённый,
Смотрю на день новорождённый,
А в нём свои же вижу сны –
Идут в объятия войны
России верные сыны.

ОСЕННИЙ КОНЦЕРТ

Всё-таки смолкла звенящая музыка лета,
Жаль, не хватает на год у неё волшебства.
Кружится в танце с чарующей ноткой балета
В рыженьких юбках, гонимая ветром, листва.
Липкий туман меж домами повесил кулисы,
Видимо осень готовит вечерний концерт.
Окна облизнут дожди, пробежав по карнизам,
Будто бы марки, что клеят потом на конверт.

А поутру горизонт улыбнётся восходом
Сяржим румянцем на солнечных пышных щеках.
И задымится земля, как труба парохода,
Снова купаясь в упавших лучах-лепестках.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

По земле, где нет целых домов и мостов,
Мы идём в окружении чьих-то крестов.
Здесь с годами померк на табличках окрас,
Словно взгляды людей, не дождавшихся нас.

Вот парнишка лежит девятнадцати лет,
Годы жизни видны, фотография – нет.
Рядом с ним по бокам два убогих креста,
Слева мама, а справа... табличка пуста.

А на этой могиле, заросшей травой,
Улыбается с фото, совсем как живой,
Белокурый старик, сто морщинок на лбу,
Будто рад, что зашли на могилку к нему.

В те минуты и сам вспоминаешь отца...
Вновь могила и надпись: «Стоял до конца!»
Это брат наш погиб, выполняя приказ,
Жизнь отдав за меня, за тебя, за Донбасс!

Сердце вырваться хочет из крепкой груди,
Если взгляд, как нарочно, сумеет найти
Среди этих, кому-то угодных смертей,
Чуть заметные холмики павших детей.

В этот миг просыпается дикая злость,
Лезет к горлу, застряв поперёк, словно кость.
И за души детей про себя помолясь,
Мы шагаем вперёд сквозь метели и грязь

По земле, где нет целых домов и мостов,
Ощущая все взгляды сутулых крестов.
И, наверное, каждый подумал не раз:
Сколько Бог тех крестов приготовил для нас?

ПОСЛЕДНИЙ КРИК ОСЕНИ

Стоял ноябрь. И днём и ночью
Листвой увядшей кровоточил
Безбрежный мир в его руках.
С холмов спустился весь в мехах
Туман седой и мрачноватый,
Как пёс опасливый, лохматый,
Лишившийся своих цепей,
Свободы жаждущий теперь.
И той свободой окрылённый,
К земле, листвою опалённой,
Прижался ветреной душой.
И мир, до этого большой,
В его объятьях растворился –
Так утром мне туман явился
В своём обличье густом,
Виляя радостно хвостом.
Но нрав осенний переменчив:
Порой он робок и застенчив,
Порою пылок и строптив,
То он свиреп, то он игрив.
Капризна осень, как дитя!
Вдруг за окном увидел я –
Проснулись яростные ветры,
Склонив к земле рябины, кедры,
А пса, что мне вилял хвостом,
Сekli невидимым хлыстом.
Туман по улице метался,
Сбежать отчаянно пытался
От гнева явленных врагов.
Я сделал несколько шагов
К своей двери, открыл и вижу –
Туман ко мне всё ближе, ближе,
Рукой схватился за косяк
И, обезглавленный, иссаяк.
Я дверь закрыл, унынья полный,
Но слышал, как за ней упорно
Свистел свирепый хлыст ветров,
Рубя, похлеще топоров,
Деревьев высохшие ветки –
Коварной осени объедки.
Когда закончится всё это?
Зачем вообще уходит лето
С его невинной чистотой?
Где лес с щетиною густой
Пленит невольню песней птичьей.

Где неба синего величье
С весёлой зорьки до зари
Весь бренный мир боготворит.
А что сравнимо с летним лугом,
Где травы шепчутся друг с другом
Вдали от шума и сует,
Смакуя солнца тёплый свет?
Ах, летний день, как кот мурчащий!
Бежит себе ручей звенящий,
Бросая брызги-жемчуга
На заливные берега.
Утих ветров порыв бесстыжий.
И двор, листвою укрывшись рыжей,
Молчал, дыханье затая,
Пленённый властью ноября.
Как будто ждал, покорства полный,
Ветров осенних гнев повторный.
Но зря терзали опасенья,
То был прощальный крик осенний!
Настало время чар и нег –
С небес сорвался первый снег.

МОТЫЛЬКИ

Бабка, руки сложив на груди,
Снова деда войною пугает:
«Украине полмира, поди,
Воевать против нас помогает.
Польша, немцы.. Одни мудаки!
Как теперь их поставить на место?»
Дед ей: «Видишь, летят мотыльки
На зажжённый фонарь у подъезда?
Бьются лбами, глупцы, с фонарём.
Так в сражении ночь пролетает.
Только дворник тела день за днём
Мотыльков тех метёлкой сметает».

ЛАСКОВЫЙ МАЙ

Ветер несёт на прозрачной ладони
Майскую пряность с цветочных полей.
Шеи склонили в озёрном затоне
Пара пугливых степных журавлей.

Тонет пушистое облако в сини,
Будто в журчащей реке лепесток.
А над бескрайним простором России
Катится солнышко наискосок.

И, опьянённый дыханием вишни,
Я, улыбнувшись, закрою глаза.
В это мгновение отчётливо слышно
Ласковый май, журавлей, небеса.

У ХРАМА

Сидит у храма на лужайке,
Потрёпанный, как этот век,
Нет, ни алкаш, ни попрошайка,
А жизнью битый человек.

И чтоб унять в душе тревогу,
Прикрыть на сердце синяки,
Свои ладони тянет к Богу!
А мы кладём в них пятаки.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Поутру туманом выдохнет земля.
Расцветёт тюльпаном алая заря.
Из дубовой рощи прямо в небеса
Потекут ручьями птичьих голоса.

Зачерпну ладонью воду из реки
И лицо умою. В поле мужики,
Насмеявшись вдоволь, видно надо мной,
Весело окликнут: «Выспался, малой?»

Ой, ты жизнь лихая, юные года!
Сколько лет, не помню, было мне тогда.
За плечами много безрассудных драк...
Мужикам сердито шлю в ответ кулак!
— Догони попробуй! — Крикнул на бегу,
Под ногами травы пятками стригу.
Лишь от страха тело капельку трясёт.
Мне б добраться к дому, бабушка спасёт

!

МАРТОВСКОЕ

И снова март. Кружат над лесом
Густые тучи с лишним весом.
Бурчат в кустах перепела,
От марта требуют тепла.

Поля вздыхают сизым паром.
И на опушку из села
К цветам весенним за нектаром
Лететь не просится пчела.

Но день придёт и вспыхнут маки,
На луг взирая с высоты,
Накинув бархатные фраки
Неимоверной красоты.

Мы вечно молимся
на день не наступивший.
Давно отвыкли приглашать домой гостей.
А друг приветливый
всё чаще в жизни лишний
И веет холодом домашняя постель.

Семья нам кажется счастливей у соседей,
Их дети радостней и капельку добрей.
А сами же свою любовь
сквозь сито цедим
Для наших собственных отцов и матерей.

Где мудрость та,
что нам обещана с годами?
Где этот рай, в котором строят шалаши?
Мы незаметно пропитались городами,
Утратив ценность человеческой души.

ВЕСЕННИЕ БУБЕНЦЫ

Пришла весна. Проснулись реки,
Им солнце растопило веки.
Набили волны животы,
О берег трутся, как коты.
В лесах поляны, словно фрески,
Повсюду синие пролески.
Деревья, скинув снега вес,
Коснулись ветками небес.

А там уж, крыльями махая,
В простор бескрайний клюв макая,
Звенят, как будто бубенцы,
Весны глашатаи — скворцы.

Евгений СТЕПАНОВ

Москва

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ПО ЗЕМНОЙ ДОРОГЕ

МЫ

И — тесно папироске в пачке.
И — тесно костерочку в печке.
И — тесно в конуре собачке.
И — тесно бабкам на крылечке.

И — тесно мне в квадрате неба,
В прямоугольнике державы.
Но — плакать, плакаться нелепо.
Всем — тесно, всем, о Боже правый...

КАК ВСЕ

*«Просто жил, как люди.
Мучился, как все».
Глеб Горбовский*

Я не стал бандитом, мэром, депутатом;
Шибко знаменитым, чересчур богатым.

Я не жил в неволе, хоть меня шмонали.
И не снялся в роли в модном сериале.

...Просто шел, страдая, по земной дороге.
Голова седая — вот и все итоги.

ПОКОЛЕНИЕ

Не скажет Глоба, нет, не скажет вещий Павел,
Что было, и что есть, и что случится впредь.
Я дописал роман и все, что мог, поправил
В отпущенных годах, где мог не уцелеть.

Я дописал роман — и воскресил братишку,
И воскресил друзей, погибших на войне.
И годы, как рубли, я положил в кубышку,
И капитал растет, мне кажется, в цене.

А жизнь была как жизнь, и шли бои без правил,
А жизнь была как смерть — бесился пулемет.
Не скажет Глоба, нет, не скажет вещий Павел,
Что было, и что есть, и что нас дальше ждет.

ТОГДА

Что же было тогда? Воровали,
Истребляли своих,
Негодяи учили морали
И марали святых.

Наилучшие были убиты
И убиты слова.
Сквозь бетонные серые плиты
Пела песни трава.

Пела песни трава — и малёхо
Изменялась эпоха греха,
Некрасивая эта эпоха
И червивая точно труха.

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Из песни моряка и света маяка
Рождаются корабль и сила капитана.
Из боли и греха рождается строка,
Из воли и стиха рождается нирвана.
Нирвана — хорошо. А все-таки готовь
Себя к тому, что жизнь
сгорает, как полено.
Из долгих-долгих лет рождается любовь.
Влюбленность побыстрей,
рождается мгновенно.
Влюбленность не любовь, сомнений в этом нет.
Влюбленность иногда опаснее, чем бритва.
Из серых горьких дней рождается памфлет,
Из веры и любви рождается молитва.
Жизнь можно обмануть.
Но сколько ни мухлой,
Не облапошишь смерть,
то смертным не по силам.
...А на щеке моей остался поцелуй,
В о л ш е б н ы й поцелуй —
его не смоешь с мылом.
А, значит, — стоит жить,
а значит, — жизнь права.
Хоть эта правота не сказки Голливуда.
Из нежности моей рождаются слова.
Из нежности твоей — спасение и чудо.

ДАР

Сверкает красками сирень,
похожая на Ренуара,
Играют звуком, как Верлен,
мой быковские дожди.
И восемь соток родовых,
как часть и честь земного шара
Мне говорят: «На карантин
шипеть, как шавка, обожди!»

Согласен, горе не беда,
я не имел, наверно, сроду
Свободных столько светлых дней,
так ярко, броско жизнь течет.
А несвобода — тоже дар,
она похожа на свободу.
Частицу «не» сейчас зачем,
как фарисею, брать в расчет?

Растет в картошке третий глаз,
лук прорастает в ноосферу,
И слышен, точно гул земли,
гул вечных бунинских шмелей.

Я обретаю, дуралей,
покой, гармонию и... веру.
И жизнь хотя бы у меня
становится добрей, теплей.

ПРАВОСЛАВНОЕ ЯЗЫЧЕСТВО, ИЛИ МЕТОДИКА КОНСТАНТИНА КЕДРОВА

Солнце — это символ Христа.
Христос — это символ Солнца.
Жизнь — это начало смерти.
Смерть — продолжение жизни.

Мама — это символ земли.
Земля — это символ мамы.
Отец — это тоже ребенок.
Ребенок — это тоже отец.

Деньги — это энергия.
Энергия — это власть.
Власть — это династии.
Династии — это деньги.
Поэзия — это звук.
Звук — это еще не поэзия.
Главное второстепенно.
Второстепенное — главное.

ВСЕ, ЧТО ИМЕЮ

Я, как взрывчаткою шахид,
бедой, проблемами обвязан.
Война гремит, душа болит.
Но жить я все-таки обязан.
Обязан выдержать накал
страстей и битву за идею,
Ведь я покуда не раздал
все, что имею.

ЧАСЫ

Я знаю: я не смог.
Простите человека!
Не снег сбивает с ног —
исчезновение снега.
А время прет, как танк,
мои седеют патлы.
Все так — тик-так, тик-так
стучат часы, как дятлы.
Я не Мафусаил,
ну что же здесь такого?!
Родился — и забыл,
скончался — вспомнил снова.
Все так — часы спешат,
стучат часы с кукушкой.
А мир гремит, как град,
как мальчик с погребушкой.

ТУТ-И-ТАМ

«Услышать будущего зов».

Борис Пастернак

Спешишь, спешишь...
Бежишь, какмышь
От страшного котищи злого.
Какая разница – Париж,
Нью-Йорк, Бат-Ям или Быково,
Когда сто лет в айфон глядишь,
Не слыша внеземного зова?
Все – т а м, а тут – аэродром,
Дурдом, погром и море водки,
И годы странствий за бугром,
И цели не ясны, не четки,
И будь готов, скрипя пером,
К п о с л е д н е й эмигрантской ходке.

А т а м – три тысячи имен
Родных и дорогих особо:
Эмиль, Татьяна, Слава Лен,
И Тимофеевские (оба),
И та, в которую влюблен
Я буду, как пацан, до гроба

(И после), это факт, а т а м
Иная у людей программа,
Не дремлет внеземной ашрам,
И алкоголя нет ни грамма,
И ходит по цветным лугам
Моя задумчивая мама.

ПУТЬ

Так мужик западает на запах
и движется к цели —
К этой узенькой щели,
которая сводит, как герыч, с ума.
Так язык добывает сахар
из леденца-карамели,
Так барсук волочит колосья
в барсучьи свои закрома.

Так бежит, точно стайер,
в тонюсеньком теле берёзы
Не берёзовый сок —
венценосно-друидная кровь.
Так Христос-человечество,
не убоявшись угрозы
Князя тьмы, — улыбается,
строит добротный кров.

Так становятся плотью идея
и ткань неживая,
Оживает, что было утраченным
и неживым.
Так душа, повзрослев
и ничего-ничего не желая,
Все-таки хочет общения,
и общения желательно с Ним.

ИНОГДА

Я микрокосм, песчинка,
сбой программы,
Не важный босс, но черноземный смерд.
Я не умею жизненные драмы
Преображать в мелодию и свет.

Мой интеллект, не отрицаю, куций.
Респект и уважуха мудрецам.
Я не фанат новейших конституций
И в темноте, как светоч, не мерцал.

Но иногда, когда мне говорила
Моя любимая, любя, а не коря,
Что все же я не конченный дурила,
Тогда я думал, что живу не зря.

И вот тогда я мог свернуть и горы
И клал с прибором на босяцкий быт,
И с Богом вел неробко разговоры.
Но я надеюсь, Бог меня простит.

БАБОЧКА БРЭДБЕРИ

И превращается в мурло
Лицо — бессовестно и шустро.
— Вранье-предательство-бабло, —
Сказал бы нынче Заратустра.

И зреет взрыв, и млеет тля,
Не обделенная клыками.
И возмущается земля
На фене пламенных цунами.

На фоне каменных палат
Растет сорняк неимоверный.
А бабочка порхает над
Добром и скверной.

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Из песни моряка и света маяка
Рождаются корабль и сила капитана.
Из боли и греха рождается строка,
Из воли и стиха рождается нирвана.

Нирвана – хорошо. А все-таки готовь
Себя к тому, что жизнь сгорает, как полено.
Из долгих-долгих лет рождается любовь.
Влюбленность побыстрей,
рождается мгновенно.

Влюбленность не любовь,
сомнений в этом нет.
Влюбленность иногда
опаснее, чем бритва.
Из серых горьких дней

рождается памфлет,
Из веры и любви рождается молитва.
Жизнь можно обмануть.
Но сколько ни мухлой,
Не облапошишь смерть,
то смертным не по силам.
...А на щеке моей остался поцелуй,
В о л ш е б н ы й поцелуй —
его не смоешь с мылом.

А значит — стоит жить,
а значит — жизнь права.
Хоть эта правота не сказки Голливуда.
Из нежности моей рождаются слова.
Из нежности твоей — спасение и чудо.

ЗДЕСЬ

«Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому».

Николай Заболоцкий
Я изменял себе, позорнее измен,
Прав Заболоцкий, нет, и не бывало сроду.
А колокольный звон похож
(дин-дон) на дзен.
А мой невольный стон
понятен небосводу.
Я умер. Я воскрес — в щекастом малыше,
Который баламут, затейник и задира.
...Никто и ничего не знает о душе...
А дачная трава читает «Розу мира».

Читает и молчит. Рукастый юный клен
Беседует с большой налившейся березой.
Клен пробует взлететь,
он, как поэт, влюблен.
И говорит, шельмец,
стихами, а не прозой.

Малыш глядит вокруг.
Он агнец-и-тиран.
Он дачник, он идет
вдоль пихтовой аллеи.
В дальнейшем он пройдет
немало выюжных стран.
Ну а пока он здесь.
Здесь лучше. Здесь теплее.

РАЗГОВОР

— Иные манят горизонты,
Иным дорожку калачом.
— О чем ты, скажи мне, о чем ты?
— Да так, ни о чем.
— Иду — так шагают солдаты,
Когда наступает беда.
— Куда ты, скажи мне, куда ты?
— Да так, никуда.

— Живу, записавшись в аскеты,
Не радуясь магарычу.
— А с кем ты, скажи мне, а с кем ты?
— О том промолчу.

ЖИЗНЬ-ЗИМА

Г. К.

Невыразима жизнь-зима,
И падают снежинки с неба.
А мне дается задарма
Восторг быть родственником снега.

Не дремлют сосны и дубы
И ждут весны неутомимо.
И рвутся ввысь стремглав клубы
Печного чувственного дыма.

И долбит дятел: тук-тук-тук,
Коты болтают по смартфонам.
А я смотрю, смотрю вокруг
И чувствую себя влюбленным.

Влюбленным в эту круговерть,
Которой не бывать иною.
А жизнь и смерть, а жизнь и смерть
Целуются, как муж с женою.

И ТАКОЙ

Достоинств хилая дружина
Была разбита в пух и прах.
Сама себя впотьмах душила
Душа, уставшая в боях.

Я погибал — так гибнет юнкер,
Узнав, что знамя сожжено.
Я умирал — но я не умер,
Как дачу, обживая дно.

И грешный, точно нувориши,
Забывший про слова любви,
Я вдруг услышал голос Свыше:
— Ты нужен и такой. Живи!

ПАМЯТИ АХМАТОВОЙ

Что скрыто за фасадами гламура?
Об этом и не скажешь напрямки.
Когда б вы знали из какого сюрса
Растут роскошные особняки!

Пускай растут! Не наше это дело.
А наше дело — сердце не беречь;
Что осенью листва прошелестела,
Оформить в человеческую речь.

А наше дело — суть, а не детали,
А наше дело — ручка и тетрадь;
Что по весне скворцы прощептали, —
Пролепетать.

НА ЗЕМЛЕ

Н.

Болячки. Одиночество.
Лежу, обняв тахту.
И помирать не хочется,
И жить неволю.

А надо жить, весенняя
Пришла в мой сад пора.
И ждут меня растения,
Земля et setega.

Хочу забыть проклятые
Болячки и беду.
Веселые пернатые
Чирикают в саду.

ТЕРПЕТЬ

Н.

И сыплет жизнь на раны соль.
Агенты смерти из подполий
Повылезли, черны, как смоль.
Саднящая большая боль
Других не отменяет болей.
...Ни пряников, ни профитролей...
Родился — так терпеть изволь.

ТРАДИЦИИ

Санкт-Петербург суров, нахмурен.
Но это лишь на первый взгляд.
Лучисты Гранцева и Пурин —
Они традиции хранят,

Стараясь в недрах самотека
Найти заветный драгметалл.
А то, что здесь зима жестока,
Так это я давно узнал.

Санкт-Петербург высок. Он вроде
Аристократа средних лет.
Вот только Шпакова Володи
Здесь, к сожалению, больше нет.

А без Володи тяжело мне.
Как жить без друга — не пойму.
...Так тяжело в каменоломне
Тащить булыжник одному.

ЛЕКЦИЯ

стилистика
падающего листика

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

Одни
оставляют след в жизни,
Другие
оставляют следы в жизни,
Третьи
уходят наследив в жизни,
Но если ты ненавидишь кого-то —
Ты ненавидишь себя

ТЫ: СВЕТ

«Среди миров...»
И. А.

Хлебнул сполна
Земной юдоли.
И так нужна
Замена боли.

А ты нежна,
Нежнее нету.
И не нужна
Замена свету.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

Женщина-небо,
Женщина-земля,
Мужчина-во поле ветер

ПОДРАЖАНИЕ ХЛЕБНИКОВУ

Смотрю вокруг — вижу тупик,
Смотрю вниз — вижу яму,
Смотрю вверх — пою песню.

ТРИ СТРОКИ

Быстрая душевая вода
стекающая в узкую воронку поддона,
что мне еще сказать о своей жизни?

ГОРОД

Гонка московская, капли сердечные,
Дни пролетают мои скоротечные.

СЕРДЦЕ

А все-таки
я писал не авторучкой а сердцем,
поэтому оно устало.

ПОТОМ

Потом я бы хотел быть дачной травой,
по которой ходят голыми нежными
ступнями мои дети и внуки

КОТ

Мой кот храпит, как человек.
Имеет времени излишек.
Во сне, наверно, рыбу хек
Он видит или окунишек.

А, может, видит он во сне
Свою возлюбленную Мурку.
И это так понятно мне,
Многострадальному придурку.

Мой кот разумнее меня,
Он спит и спит, прекрасно зная:
Реальность — это западня.
И сон — реальность, но иная.

КАЛИ-ЮГА

Третий глаз прорастает большой гематомой
Сквозь асфальт толстокожего лба.
Всей земле улыбаюсь как старой знакомой,
Понимаю любого жлоба.
Разве буду роптать — на дворе Кали-юга,
И еще будет долго она править бал.
Разве я не увижу в противнике друга,
Разве мало я в небе лиловом летал!

НОО

Не кромешно боязно и тяжко,
Что Харон разбрасывает снасти.
Ноосфера, точно промокашка,
Пропиталась кровью нашей страсти.

Ни мольбы, ни вздоха, ни оргазма,
Ни строки, в которой мощь и вера,
Не сыграют в ящик — безотказно
Пашет молодая ноосфера.

В ОДНОМ НЕЗНАКОМОМ ГОРОДЕ

На воле как на зоне — не провести межу.
Я, точно вор в законе, семьи не завожу.

Вокруг одни бандиты, родная волчья сыть.
Вокруг одни пииты, тудить их, растудить.

Тот вор и тот ворюга, воруют что-нибудь.
И все не прочь друг друга немножко обмануть.

Да, здесь такие нравы и нет иных забав.
И все, конечно, правы, хотя никто не прав.

ВСЕ ТАК, А, МОЖЕТ, И НЕ ТАК

Не точен ни один вердикт,
Я против пафоса гнилого.
Ты скажешь: «Человек велик»,
Я поищу другое слово.

Все так, а, может, и не так,
Бардак от века и до века.
Ты скажешь: «Человек — червяк»,
Я заступлюсь за человека.

Наталья ПУНЖИНА

Гатчина

Наталья Викторовна Пунжина родилась 9 октября 1976 года в Новгороде. Училась на искусствоведческом отделении гимназии и в художественной школе. Окончила с отличием филологический факультет Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Публиковалась в периодической печати, коллективных изданиях. Финалист Международного конкурса лирико-патриотического поэзии имени поэта и воина И.Н. Григорьева (2016 и 2020), лауреат (2017) и победитель этого конкурса (2021); лауреат Конкурса «Выборгская чайка» в номинации «Лирическая поэзия» (2017); дипломант поэтического Конкурса Союза писателей России «В труде и в бою храни беззаветно Отчизну свою» (2017). Член Союза Писателей России с 2007 года. Живет в Гатчине Ленинградской области.

ГАТЧИНСКАЯ ОСЕНЬ

Я пишу, не зажигая свет.
Отпускаю тихо строчки вывысь я.
Мой полупрозрачный силуэт
В законном тает закулисье.

Органзы колыхается крыло.
Мокрый снег – в плену москитной сетки...
Столько вдохновенья намело
Тенью от качающейся ветки!

Небеса предутренние льют
На сады, на стынувшие тропы
Ледяной смородиновый брызг
С капелькой кленового сиропа.

Сохранить пытаюсь неспроста
Послевкусье лета грозового:
Пустоту тетрадного листа
Напитало слово – снова, снова...

Если дни свеченья лишены,
Это ль не великая утрата?
Но червонным золотом полны
Закрома глухого Приората.

Здесь в ночи не чванятся века,
Прикасясь вечностью к озёрам.
И зима как будто далека,
Да кружит, незримая, пред взором.

Кажется, как будто вот она:
В миг один – размашисто и густо –
Сотни вёрст накроет пелена
Юбки, накрахмаленной до хруста.

День доверит шить воротнички
Белошвейке или златошвейке?
...И скрипят по снегу башмачки
Где-то на Карельском перешейке.

ДЕРЕВНЯ

Родная деревня. Храм вдали.
Крыльями машет мельница...
– Ты дом свой запомни!
– А надо ли?
Куда отчий дом денется?

– Смотри же, смотри во все глаза,
Родное вбирай истоиво!
И сердце сумеет тебе подсказать
Как на ветрах выстоять...

...Встречали рассвет.
Лишь к тебе одной
Все реки судьбы катятся!
Шептала: «Запомни меня, родной,
В ромашковом этом платице...»

Но страны манили и города,
О коих не каждый слыхивал.
На дeнь возвращался домой, когда
Кленовый пожар вспыхивал.
А там – до зимы подать рукой.
И что ты оставишь память
Просила: «Запомни меня – такой –
До первой осенней замети...»

Запомни, запомни такой меня –
Хотя бы в снегах! На беду мою,
На счастье ли – не было в жизни дня,
Чтоб я о тебе не думала!...»

...И память, чтоб спрятать былинки дней,
Что временем жадно выжаты,
Конверт шьёт. И вышита грусть по канве –
Седым волоском вышита.

ДЕТСТВА ВЗЛЁТНАЯ ПОЛОСА

Ароматней конфетного фантика
Лист смородины в тёплых руках...
Одуванчиков белых галактика
Мчится в перистых облаках,

В ликование кружится и падает
В синеву лучезарной мечты!
Мне усладой, медовой отрадой
Карусельный кураж высоты.

Ветром солнечным щедро напитаны
Захолустных садов паруса.
Не кончаясь, качаясь, пылит она, –
Детства взлётная полоса.

И покуда мне беды неведомы,
Словно в сказке живу наяву, –
Я охапками, снежными шапками
Одуванчики хрупкие рву!

Светлый вихрь несётся над речками,
Полдень звёздный на склоне крутом...
Горечь млечная полуколёсками
Проступает на платье потом.
НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

Город скроет в туманах чётки
На гранитном своём запястье...
Мчится время по кругу чётко,
Ну а мне бы – крупицу счастья,

И часы ни к чему тогда мне –
Наблюдать их не надо боле.
Только в памяти стародавней
Столько горечи, столько боли!

Если бросить часы, то мелко
Раздробится стекло о камень.
Здесь в почёте иная Стрелка –
Время меряет лишь веками.

А секунды – снежинки с неба.
Их не счесть, не вернуть обратно.
...Не растаять, не сгинуть мне бы
В этом городе необъятном.
НАВОЛОК

Предвечерья вечность
по-над Наволоком.
И густа над памятью веков
Неба пролевкашенная паволока
В белой поволоке облаков.

Солнце поостыло раскалённое
В серебре задумчивой ветлы.
Над Никольской церковью белёною
Быстрых чашек росчерки светлы.

И теплы румянцем бальзаминовым
Низких окон сон и глубина.
Духом пряным, яблочным, малиновым
Августа вселенная полна.

Растеклась береговая линия
Как на акварели. Вечер тих.
Обнимают нежно воды Ильменя
Изумруды островов своих...

ЧЬЯ ТЫ ЕСТЬ?

Нынче вы меня спросили,
Чья ты есть, из мест каких?
Был один мой дед – Василий,
И другой мой дед – Василий,
Из смоленских и тверских.
Русский Вася был – Васильев,
Пунжин Вася был – карел.
От беды не обессилев,
Каждый много претерпел.
Не согнулся, не сломался,
Хоть и были дни лихи,

Потому что не гнушался
Ни рубанка, ни сохи.
Были их дома – добротны,
Сыты дети и жена.
Но моментом поворотным
Стали ссылки и война.
Новый дом копали в глине,
Земляной, не лубяной.
И случилось бабе Лине
Шестерых растить одной –
Не вернулся муж Василий.
И они, что было сил,
Только Бога и просили,
Чтобы спас и сохранил.
Баба Дуня с дедом Васей
Всех троих смогли поднять.
Научили не сдаваться,
Быть родителям под стать,
Не искать дороги торной...
...А судьба рукой своей,
Разбросала, словно зёрна,
Дочерей и сыновей.
...Милый Новгород былинный,
По рождению – я твоя.
Край Владимирский старинный,
И с тобой знакома я.
Белокаменной столице
И тебе, наш град Петров,
Можно в пояс поклониться,
Что в нужде нам дали кров.
...Мы не просто колесили,
Не скитались по России –
Мы живём и жили тут.
Был один мой дед – Василий,
И другой мой дед – Василий:
С нами в памяти живут.

Одичало лето, словно яблоня,
Что растёт в заброшенном саду.
День погожий золотыми граблями
Собирает ряску на пруду.
Пустыри пестреют марью белую,
Марево полыни у реки...
И гудят кубышкой пустотелю
Влажные Венеры башмачки.
Ходит ветер деревенской улицей,
Где дома заброшенные в ряд.
В них никто ночами не целуется,
Лишь резные ставенки скрипят...

ОСЕННИЕ ЛЮДИ

Погостили, и будет!
Скоро сгинем во мгле
Мы, осенние люди, –
На весенней земле.

Отблеск прошлого века –
По-над шатким мостом.
Месит крошево снега
Двадцать первый – винтом.

Вьётся ветер понтовый,
Дней крошится шуга,
Мост кренится понтонный,
Не видны берега...

Кто сказал, что пора нам?
Держим время в горсти.
Лечим старые раны.
Мы живём – не гостим!

Сквозь туман лихолетья
Мы проходим опять.
На весенней планете
Нам ещё зимовать.

ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ

Пусть озаряет горний свет,
Свет доброты неизреченной
Тех, кто с молитвой притецет
К часовне Ксении Блаженной.

...Укрывшись там от суеты,
Молилась я в весенний вечер,
Ещё не ведая, что ты
Уже ниспослан мне навстречу.

А летом – голубь над крестом
Кружил и облака парили,
Когда вдвоём на месте том
Святую мы благодарили.

Молились мы в конце зимы
О том, что нам – супругам – надо.
Тогда ещё не знали мы –
Уже храню я наше чадо.

И было в осень суждено
На свет ребёнку появиться.
И было Господом дано
Втроём Блаженной поклониться.

Щедрот небесных всех не счесть.
Свершая чудо не однажды,
Святая показала: есть
У Бога промысел о каждом.

А нам – в сердцах Любовь нести!
О Ксения, прошу о чуде:
Ты нам на жизненном пути
Надеждой светлой вечно буди.

Синегрудой варакушкой растрезвонился день.
Он горяч, он в ударе! А лето – в зените.
Даже крошка-улитка не скроется в тень:
В завитке её панциря – солнышка нити.

Доползти бы к речушке. Но та, чуть дыша,
Затаилась в траве – нет былой щебетухи...
Окунётся вдруг вечера огненный шар
В сладко-горький настой луговой медовухи.

И огромный, пьянящий, восторженный луг,
Что так сочно звенит, и поёт, и стрекочет,
Приутихнет, остынет не сразу, не вдруг.
Но и полночь, видно, уснуть не захочет.

СЛОВО

Мне разумом Вселенной не понять.
В ней многогранно всё, неповторимо.
Смогу ли я увидеть мир незримый,
Поэзию из чувства изваять, –

Как дивный скульптор, что вдохнул уже
Живую душу в глину или мрамор!
Как тот творец, что воздвигает храмы
Гармонии в мятущейся душе...

Вы скажете, мол, многого хочу.
Предошущеньем трепетным влекома,
Тянусь навстречу первому лучу
И чувствую: тепло его – знакомо.

Меня манит сияние его,
Но держит притяжение земное.
Я помню: что-то было... до того,
Как белый лист возник передо мною.

Оно жило, предвосхищая нас,
Вселенную собою озаряло.
Чтоб свет Любви над миром не погас,
Оно – кругом. И этого немало.

Пульсировали звёзды в вышине
И луч рассветный возрождался снова,
Чтоб вдруг сегодня догадаться мне:
Оно – внутри. И это чудо – Слово!

Сначала было лето. И легко
Вздыхалось белой ночи опахало.
И солнце, словно бабочка, мелькало
В малиновых разрывах облаков, –

Они, клубясь, летели, словно дни,
Солёной пеной таяли в Шелони...
Вновь душный полдень маялся на склоне,
И синий вечер догорал в тени.

Июнь минул... Немного погода
Июль упрятал целый мир под зонтик,
Косой гребёнкой сизого дождя
Причёсывая лес на горизонте,

Кропя нещадно сочные поля
Лиловой кистью пряного иссопа.
Казалось, в реки превратятся тропы
И наводнится рыбами Земля.

...Струилась по плечам волос волна,
И льнула юбка к зябнущим коленям,
И осени досрочной рыжина
Не предвещала морока и тленья.

Но тщетно вечный дождь тушил мосты,
Что полыхали над вселенской бездной.
А мне казалось, будто я и ты...
Лишь я и ты – под зонтиком небесным.

ТВОРЧЕСКОЕ НАПУТСТВИЕ

*Поэтам Александру Ивушкину
и Владимиру Кострову*

Май роскошный, в солнечной оправе –
Драгоценней золота стократ.
День славянской письменности слава,
Соловей, и тот безмерно рад

Озвончить просторы по-над Ламой –
Древний кремль, сады и город весь!
И у нас открыты настежь рамы
И гостей на празднике не счесть.

Льются песни чистою рекою,
Сувениров россыпь – как грибы!
...А в блокноте – робкою строкою –
Тайна поэтической судьбы...

Книги, книги... И стихи – под кровом
Нашего ЛИТО. Уютно тут...
Два поэта – Ивушкин с Костровым –
Молодым напутствие дают.

Ну а я и вправду молодая:
Впереди – восьмой счастливый класс.
И весна цветёт, не увядая!
И сквозь годы ей цвести – для нас –

Музыкальной тонкостью созвучий,
Рифмами и ритмом быстрых строк...
Кто-то скажет: «Был счастливый случай –
Он тебе, конечно, и помог...»

Случай был счастливым, несомненно.
Так из них, из добрых дней таких, –
Пусть порой с успехом переменным –
Жизнь сама слагалась в звучный стих.

Мир нередко хмурился сурово,
И стихи терялись в пелене...
Но звучали Ивушкин с Костровым
В памяти. Поддержкой были мне.

Слово вдохновеньем освещало
Мне тропу и берегло в пути.
Нам, поверьте, с самого начала
Легче с тем напутствием идти.

ЧЕРЁМУХИ

*Это – щёлканье сдавленных льдинок...
Б. Пастернак, Определение поэзии*

Земля давно, что было сил,
Тепла просила вдохновенно.
И дивный май преобразил
Чудесно уголки вселенной.

А до рассвета – облака
Идут к реке широкой поймой.
И нерождённый луч пока
Росой молочной не пойман.

И не согреться до поры,
И не избыть весенней влаги.
Черёмух белые шары
В туманном плавают овраге.

Их треплет ветерок речной,
Луна их нежит, солнце – холит.
И знает соловей ночной,
Откуда в горле этот холод.

Не льдинки ль щёлкают: «Люблю!»
Но мир в зелёном облаченье
Не вечно дарит соловью
Черёмух чистое свеченье.

**Мария
КОЗЛОВА**
Нижний Ингаш

*Мария Николаевна
Козлова известна в
Нижнеингашском районе
и за его пределами как
автор и исполнитель
душевных лирических песен.
Она член Союза песенных
композиторов Красноярского
края. Автор гимна
Нижнеингашского района.*

МОЕЙ ЗЕМЛЕ

НАМ ХВАТИТ ПАМЯТИ ЖИВОЙ.

Давно окончилась война.
Там, в сорок первом, это было.
И вот опять пришла весна,
Весна, что нас соединила.

Осталась в прошлом навсегда
Войны прошедшей канонада.
И пусть бегут, летят года -
Нам всем об этом помнить надо.

Нам хватит памяти живой,
Нам хватит скорби и печали, -
Какой огромною ценой
Россию в битвах отстояли!

Была жестокая война!
В могилах братских наши деды.
И долгожданная весна -
Великий праздник - День Победы!

Нам хватит памяти живой -
Сияет ярче год от года
Великий праздник над страной,
Страной великого народа!

ПРОТИВОСТОЯНИЕ.

Как будто бы вернулся сорок первый.
И вновь фашизм и кровь течет рекой.
И наш народ, и преданный, и верный,
Опять встаёт за Родину стеной.

И, продолжая противостояние
Добра и зла, идут солдаты в бой.
Россию защищая от страданий,
Они готовы жертвовать собой.

На Западе решили, что есть сила,
Без боя душу русскую сломить.
Оскал направив на великую Россию,
Всей волчьей стаей навалившись, истребить.

Своею злобной ложью и неправдой
Они союзников пытаются найти,
Чтобы служили подлости исправно
И сбились с праведного, верного пути.

И противостояние это будет,
Покуда истина наружу не всплывёт.
Всех, спящих под гипнозом зла, разбудит,
И нас к Победе непременно приведет!

МОИ ТРЕВОГИ

А я смирилась, что придется жить
С тревогой в сердце, с болью в пояснице,
И по ушедшим временам грустить,
И на ночь тихо Господу молиться.

И вспоминать все чаще наш “Парнас”,
Где собиралась горсточка поэтов.
И не было тогда счастливей нас.
Ах, если б повторить на миг все это!

И Тимофеич снова бы пропел
О том, что он “ совсем ещё не старый”,
Он души растревожить нам умел
Своею семиструнной гитарой.

А как роскошно, с нежностью цвела
Герань на зимних окнах у Данковой!
И Мурина своею басней жгла,
И падала “Снежинка” у Псарева.

Воспоминания плывут большой рекой,
Печали растревоженную душу.
Но, возвращаясь в новый непокой,
Бегу я вести с Украины слушать.

А сердцу все тревожней и больней, -
Когда же кончится война такая?
С тревогою сумбурною своей
С рассветом незаметно засыпаю.

И снится мне, что теплый дождь прошел,
Бежим по лужам с маленьким сыночком...
И мамин взгляд - все будет хорошо...
И машет вслед нам беленьким платочком.

В ЧАСОВНЕ.

Я в часовне вчера была.
Там горели церковные свечи.
И звучали молитвы слова,
Те, что душу больную лечат.

И внимала молитве душа,
Ей тепло и уютно в храме.
Омывалась она не спеша
То святою водой, то слезами.

Атмосфера добра и любви...
Что ещё? Разве этого мало?
Помощь Господа призови,
Если сердце страдать устало.

А Господь всегда рядом с тобой.
Ты открой ему сердце и душу, -
И останется только любовь,
Боль молитва святая потушит.

МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Как же долго ты спала под снегом!
И какие тебе снились сны?
Но апрельским ласковым разбегом
Разбудил тебя приход весны.

Под холодным белым одеялом
Зимушку всю долгую спала.
Воедино силы собирала
И хранила капельки тепла.

Все ждала, когда весна примчится,
И водою побегут снега.
Ручейками поле заискрится,
Оживут поляны и луга.

И, забыв о холодах и вьюгах,
Как впервые, снова расцветешь.
Так, идя по солнечному кругу,
Ты в своих ладонях жизнь несёшь.

ОН ДАРИТ НАМ ДУШЕВНОЕ ТЕПЛО

*Презентации новой книги С.Т.Прохорова,
состоявшейся 18 мая, 2023г*

И вот мы снова вместе собрались.
Тепло и трепетно на сердце и в душе.
И рифмы Прохорова мчатся в высь
И разлетаются по всем мирам уже.

Горжусь, что рядом с ним могу сидеть,
И о поэзии высокой говорить.
С ним даже песни под гитару можно петь
И научиться верить и любить.

Верить в добро, в порядочность людей,
Тех, что встречаются на жизненном пути.
И не бояться взбалмошных идей,
И, не склоняя головы, вперёд идти.

А главное - научишься любить
Просторы малой Родины своей,
И радостью ее, и болью жить
И понимать, что нет ее милей.

И так стремиться свою жизнь прожить,
Чтоб в ней пустого не было ни дня.
И каждым мигом жизни дорожить,
И в памяти все лучшее храня.

О, как нам несказанно повезло!
Мы к его творчеству придем ещё не раз.
Он дарит нам душевное тепло
И в мир высоких чувств уносит нас.

Листают года страницы, -
Остановить бы их бег!
Но времени колесница
Не подвластна тебе, человек.

Казалось, вчера было лето,
А сегодня опять весна.
Куда убегает все это?
И голову жжет седина.

И долго ночами не спится,
И мысли, как змеи, ползут...
Но вспыхнут рассвета зарницы,
И лучики света прольют.

Душа встрепенется - мы живы!
Мы будем весну встречать!
Как прежде, с улыбкой счастливой
Тепло и любовь излучать.

ДИАЛОГ С ВЕСНОЙ

Вот и оттаяли поля,
Оттаяли душа и сердце.
И к солнцу мёрзлая земля
Открыла маленькую дверцу.

И ручеек в овраг спешит:
- Как хорошо, что все мы живы!
И роща на ветру шумит,
И сок бежит по светлым жилам.

И воробей кричит:
-. Я жив!
Я так устал от зимней стужи!
И от восторга весь дрожит,
Полощет крылья в теплой луже.

Евгений ТАТАРНИКОВ

Ижевск

*Татарников Евгений
Феликсович.*

Родился в Удмуртии в 1959 году. После школы в 1976 году поступил МВТУ им.Баумана, которое закончил в 1982 году и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 году закончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии.

Подполковник милиции в отставке. Проживаю в Ижевске. Печатался в альманахе «Ковчег», в журналах: «На русских просторах», «Кольцо-А», «Берега», «Семь искусств», «Белая скала», «Москва», «Южная звезда», «Традиции и Авангард», «Истоки», «Бийский вестник», «Царицын», «Литкультпривет», «Автограф».

Любимый жанр — юмористические рассказы. Любимые писатели: Шукшин и Гоголь, Гиляровский. Любимая книга- «Москва и москвичи»

«КАРБИД И ПЕЙДЖЕР. ОТЦЫ И ДЕТИ»

Бутылка + вода + карбид+ листва = белая трава в радиусе пяти метров и хороший такой «бабах»

— Пап, а чё такое карбид? — как - то в «нулевые годы» спросил младший сын Влад.

— Карбид? — переспросил я и «ударился головой» в воспоминания, но вспомнить формулу карбида не смог. Да, я её никогда не знал. Да, и зачем? Да и существует ли такая формула? Зато я вспомнил запах карбида и он «шёл» из далеких 60-х годов. Из лужи, которая шипела, как змея, пузырилась, нагревала лужу, выделяя какой-то газ, который щекотал ноздри, и я чихал: «Ап-чхiiii». Чихал на крики матери, которая в форточку, звала меня на ужин. До ужина ли сейчас. В грязную лужу я бросил белесый кусок карбида, который нашёл на стройке, там работяги проводили какие-то газосварочные работы, и стройку никто никогда не охранял, так как воровства на ней практически не было. Так пацаны иногда только шалили. — Пап, пап! Ты чё завис что ли? Перезагрузись, — сказал Влад.

И я вернулся во второе тысячелетие.

— Влад, тебе уже 10 лет, а ты не знаешь, что такое карбид? Я в твои годы большой кусок карбида разбивал на маленькие и в бутылку из под шампанского напихивал до середины в сухую, конечно, бутылку. Потом туда напихивал всякую растительность: траву, листья, цветочки... Зачем? Растительность была нужна для правильного течения реакции, чтоб бутылка раньше времени не взорвалась. Ну, а потом быстро заливали из лужи воды, закрывали быстро бутылку пробкой и ...бежал со всех ног...

— И кто-то оставался без глаз или осколок бутылки попадал кому - то в голову, — сказал Влад, перебив меня.

— Да было и такое... Рассказывали мне в детстве пацаны. Летние каникулы. На территории школы расположено что-то вроде детского лагеря для начальной школы. Не круглосуточно, но примерно до половины дня туда приводят детей, и они под присмотром. Им организывают какой-то досуг (парк, кинотеатр, игры в футбол на территории школы). Пара сопляков-школяров

нашли на стройке карбид. Взрывать решили стеклянную бутылку. Выбрали момент, когда взрослые за ними не следили, и самый удачливый пацан получил осколок в шею. Медпункт в школе работал, и возможно, если бы он побежал туда все бы обошлось, но он жил почти в соседнем дворе от школы, и решил бежать домой. Не добежал, умер от потери крови в соседнем от школы дворе. Больше лагерь не работал. Ну, а мы были осторожнее. В земле делали ямку, клали туда карбид, заливали водой и накрывали ямку перевёрнутым ведром, в днище которого была дырка. Все отходили подальше. Ждали некоторое время, пока скопится газ. Один из пацанов на длинной палке подносил огонь к дырке ведра. Взрыв!.. Ведро подлетало вверх на огромную высоту. Слава Богу, никто, никогда не пострадал.

— Да, пап, ну и игры у вас были, можно сказать смертельные и главное бестолковые.

— Ну, почему же Влад, бестолковые. Вот на уроках химии нас учили действительно полезным вещам. Например, как медную двухкопеечную монету с помощью нитрата ртути сделать «серебряной», похожей на гривенник. И потом пытаться в школьном буфете за эти 2 копейки купить коржик и ещё получить 2 копейки сдачи, чтобы их тоже превратить в 10 копеек, и так постепенно разбогатеть...

— Пап, не говори глупости. Это же мошенничество, — отвечал Влад, и он был, наверное, прав.

— Влад, а что такое пейджер знаешь? — в отместку спросил я его, зная, что он пейджера не знает.

— Пейджер? Ну, не знаю, но предполагаю, что это какое-то ругательное слово, типа лошара, лох, который появился в начале 90-х годов. Может, это даже «новый русский...», — начал развивать свою мысль Влад.

А я опять окунулся с головой в свои воспоминания: «В УБОП МВД УР по коридору идёт, гордо держа голову, опер Сергей Леонардович. Нет, его папа не Леонардо да Винчи, который изобрёл аппарат, ставший прототипом современного вертолётa. Так вот у Сергея Леонардовича на ремне болтался какой-то небольшой приборчик, который он купил два дня назад.

— Серега, чё это за фигня у тебя болтается на ремне? — спросил я его. — Женя-я, это у тебя болтается фигня, сам знаешь где, а у меня висит пейджер - приёмник персонального вызова, — ответил он гордо. Зашли в его кабинет, он набрал по телефону какой-то номер, и говорит: «Добрый день! Иж-пейджинг! Оператор, да?... Пароль 48313. Девушка, примите шифровку!».

Это я потом понял, что пейджер – маленькое устройство односторонней связи, отображавший короткие сообщения (не длиннее СМС-ки) на дисплее. Особенность этого вида связи заключается в том, что сигналы могли передавать только специализированные пейджинговые сети. Сообщения отправлялись на аппаратик из центра пейджинговой связи, где операторы набирали их на обычной клавиатуре и отправляли адресату. Чтобы отправить сообщение на пейджер, надо было позвонить по определённому телефону оператору, назвать номер абонента или его псевдоним и продиктовать сообщение. Оператор отправлял набранное сообщение в эфир, предваряя его специальным кодовым сигналом, уникальным для каждого пейджера, который ловил предназначенное ему сообщение, как радиоприёмник.

— Пап, а пап! Опять завис, да?

— Да, Влад всё ты правильно сказал. Пейджер – это такой маленький приборчик. Лохотрон – приёмщик сообщений для «новых русских» и продвинутых ментов. Короче в этот день мы с Владом нашли «общий язык» Читайте Ивана Тургенева «отцы и дети» Роман всех времен и народов.

Гурген
БАРЕНЦ

Ереван,
Армения

Об авторе: Гурген
Баренц (Гурген
Сергеевич Карапетян)
- Поэт, прозаик,
переводчик, журналист,
литературовед.
Кандидат
филологических наук.
Член Международной
академии литературы
и искусства. Автор
более 2000 публикаций,
нескольких десятков
переводных книг. Стихи
и переводы печатались в
десятках антологических
сборников современной
армянской и славянской
поэзии.
Произведения
переведены на
английский, армянский,
болгарский, немецкий,
украинский, словацкий,
сербский, польский,
персидский и другие
языки.
Лауреат
международных
литературных премий.
Член СП Армении.

В РУССКОМ ПОЛЕ – ПРОСТОР И ШИРЬ...

У надежды – хрупкие плечи.
У надежды – тонкая шея.
Чтобы разбить ее вдребезги –
Особой сноровки не нужно.

Надежда – такое растение,
Которому нужен свет
Вашей души, тепло
Вашего сердца, влага
Вашей кожи и ваших глаз.

Сохраните ей жизнь – без нее
Ваш цветник потускнеет.

Старость приходит,
Как кошка,
На бархатных лапках,
Ластится, трется о ноги,
В знак дружелюбия
Хвост поднимает трубой,
Все урчит и мурлычет,
Все канючит, канючит, канючит,
Чтобы ты на съеденье ей бросил
Кусочек
Своей
Жизни.

В РУССКОМ ПОЛЕ ПРОСТОР И ШИОБ

В русском небе пылает синь,
В русских степях шелестит ковыль.
В русских долах – ветер сдует.
И только меня там нет.

В русском вечере – липовый мед,
В русских берегах – тоска-печаль.
В русском небе летят стрижи.
И только меня там нет.

В русском утре – покой и тишь,
В русской почве – растут стихи.
В русской природе найдете все.
И только меня там нет.

В русской душе – поля,
В русской душе – дожди.
В русской душе – снега.
И только меня там нет.

Дорога идет со мною,
Дорога меня провожает;
Летит стрелою прямою,
Плетется, опережает...

Дорога юлит и змеится,
Меня рассказами тешит;
Двоится, троится зарница,
Всё борется с мраком крошечным.

Дорога за мной, предо мною,
Куда ни посмотришь – дорога.
С дорогою нас уже двое,
Не мало, хотя и не много.

Когда не бывает печали,
Я жду появления чертей.
Придет и печаль накачает
Чертей трудовая артель.

Все черти до чёрта похожи,
Они – на одно все лицо.
Трудитесь же, чертовы рожи,
Крутите свое колесо.

Луна свое личико пудрит,
Но тщетно – тускнеет эмаль.
Я жду, когда мудрое утро
Разгонит чертей и печаль.

Ложью больше в мире,
Ложью меньше, -
Миру все равно.
Правдой больше в мире,
Правдой меньше, -
Миру все равно.

Жизнью больше в мире,
Жизнью меньше, -
Миру все равно.
Смертью больше в мире,
Смертью меньше, -
Миру все равно.

В этом старом,
Равнодушном мире
Ложь у правды
Отняла права.
В этом душном,
Криводушном мире
Жизнь права,
И смерть всегда права.

Дни стучат,
Как копейки на счетчике.
Нам отмерено в жизни
Каких-нибудь несколько тысяч
Таких копеек.
Дни впадают в недели,
Как копейки впадают в рубли.
Нам отмерено в жизни
Несколько жалких десятков
Таких рублей.
Живи, человек,
Копеек своих не считай.
Просто помни,
Что счетчик включен...

Дерево высохло. Умерло.
Разразилась
немая драма.
Но, конечно же,
Вы не обязаны
Принимать ее близко к сердцу.
Вы, конечно же, вправе выбрать
Точку зрения
Топора.

Истина одна. Всегда одна.
Но она швартуется
К разным пристаням.
Истина зависит от окна,
Из которого
Рассматриваешь истину.

Обычно первым умирает сердце.
Мозг мог бы жить еще – да не судьба.
Наивно ждать у смерти милосердия.
Лишь память может пережить тебя.

Мне бы терпенье бумаги.
Каждый день я над ней издеваюсь.
А бедняга все терпит и терпит.
И ни слова упрека

Александр Дьячков

Екатеринбург

Александр Дьячков родился в 1982 году в Усть-Каменогорске (КССР, сейчас Казах-стан). В 1995 году семья переехала на Урал, в Екатеринбург. Окончил ЕГТИ (Екатерин-бургский государственный театральный институт) и Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Публиковался в периодике Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибир-ска, Красноярска, Екатеринбургa, Саратова, Кемерово и других городов.

Александр Дьячков – автор трех поэтических книг: «Стихи», 2004, «Некий беззаконный человек», 2007, «Перелом души», 2013. Участник нескольких поэтических сборников: «Разговор», 2009, Москва, Издатель-ство Литературного института им. А. М. Горького; «А я вам — про Ерему...», 2010, Мо-сква, Воймега; «Лучшие стихи 2011 года», 2013, Москва, ОГИ и др.

Несколько стихотворений переведены на болгарский и вьетнамский языки. Лауреат премии им. Евг. Курдакова (2015).

Лауреат премии «Волошинский сентябрь» (2016). В 2018 году вошёл как поэт в четвёртый том Антологии уральской поэзии (сост. В. Кальпиди).

Подборки последних лет: «Стихи, которые нельзя читать жене», Парус, №11(69), 2018; «Стихи», Заря, №1, 2019; «Стихи», журнал Нева, №6, 2022. Живет и работает преподавателем в Екатеринбурге.

БЫЛОЕ И DOOM

* * *

Болеешь, а мне на работу,
но мы почему-то не спим,
а, взяв бесконечную ноту
молчания, долго молчим,

уставясь на метаморфозы
вещей в полумраке жилья...
И слышно, как падают слезы
с невыкрученного белья.

ШАР

Я не могу вместить, я не могу понять,
как это может быть? Такому не бывать!

Через минуту, год, ну ладно, много лет,
наступит миг, и вот — меня на свете нет.

Зачем же был тогда продутый детский двор?
Деревья иногда нашептывали вздор?

Качеля на одной заржавленной петле
по вечерам со мной скрипела во дворе?

Зачем поверх пальто завязывали шарф?
На Первомае — о! — накачивали шар?

И как бы невзначай выскальзывала нить,
и шар летел — прощай! — нет, не остановить,

и он летел, и я — летал из-за того,
что целая семья любила одного...

Так для чего, зачем? Я не пойму — к чему
я переполнен всем и все-таки умру?

* * *

Рабочая общага...
Считая по прямой,
всего четыре шага
до скучной проходной.

Четыре на женитьбу.
Четыре на развод.
Четыре на могилу.
Четыре на роддом.

И я на этих самых
проклятых четырех
играл в житейских драмах
и чуть ли не подох.

А как-то раз во вторник
с немыслимой тоской
глядел на этот дворик
общажно-заводской.

На пресную ограду.
На пресные цветы.
И ощущал прохладу
вечерней пустоты.

* * *

Где два советских футболиста
бьют в осыпающийся мяч,
ты зонтик выщелкнула быстро:
«Не плачь».

Дождь начинался, а романчик
кончался прямо на бегу.
Я был тогда зеленый мальчик
и описать вам не смогу

всю бесконечность катастрофы,
мне это сделать нелегко –
с трудом классические строфы
вмещают пафос арт-деко...

Все это нервы, нервы, нервы,
но никого уже потом
я не любил сильнее стервы
с темно-сиреневым зонтом.

ПРОРОК

Желтизна фонарей.
Снегопад, снегопад, снегопад...
Постою у дверей,
и назад, и назад, и назад.
А за дверью она
или друг, или черт знает кто...
Положа руку на сердце,
бьющееся под пальто,
Не хотелось войти
никогда, никогда, никогда,
А хотелось уйти
навсегда, навсегда, навсегда
В одиночество и...

в одиночество, помня одно,
Что в пророке, увы,
не бывает отечества, но
Сколько помню себя,
никогда ни за что и нигде,
Так не чувствовал я
свою целостность рыбой в воде,
Как на тех гаражах,
что ржавели за нашим двором,
И в бараках-домах,
предназначенных кем-то на слом.
В казахстанской дыре –
Усть-Каме... Усть-Кому... что-то Усть...
На одном пустыре,
что, не вспомню уже, ну и пусть...
Одиночество. Ночь.
Желтизна фонаря или бра...
«Так прощайте» и – прочь!
«До свидания» и – мне пора!
«На минутку» и – вон!
«Остаюсь, решено» и – айда!
От пути эпигон
даосизма врожденного да
Не уйдет никуда,
и поэтому, путник, иди
Неизвестно куда,
но с ликующим сердцем в груди.

* * *

Где-то нашел по пьяни,
Выбросить не хочу.
Пуговичку в кармане
Мучаю, кручу.

Спутница и подружка,
Слушательница моя,
Муза моя, игрушка,
По-э-зи-я.

Что мне до рая с адом,
Ангелов и чертей,
Если не будет рядом
Пуговички моей?

* * *

Наш вагон зацепил человека.
По частям человека внесли.
Если выживет – будет калека.
Отмахнули флажком. Повезли.

Но пока он в вагоне валялся,
Проводница пила корвалол,
Я за чаем пойти постеснялся,
а какой-то дедуля пошёл –
отлипала душа, отлетала,
на мытарства спешила она...
На стоянке врачаха сказала:
«Чё везли-то? Он мёртвый. Хана».

И уже мертвеца – человеки
на носилках поставили в снег.
«Газвода, пирожки, чебуреки...
Не хотите один чебурек?..»

И кричу я закутанной тётке:
«Ты мне водки скорей принеси.
Выпью всю, хоть и нет столько водки
на Руси!..»

Я не знаю, на что опереться,
что-то звякнуло, дзенькнуло вдруг.
Это ж надо гигантское сердце,
тут простого не хватит, мой друг,

чтоб вместить эти речи и лица,
и сугробы, и холод, и кровь,
лень мента, суету проводницы,
а потом переделать в Любовь!

СОЛОВЕЙ

Светало понемножку.
В сумятице ветвей,
как будто понарошку,
забулькал соловей.
Мы венчаны, и вправе
я на такую страсть,
но закурил не прави...
нет, правильно стыдись.

* * *

Я взглядом двор окину,
и занесу в тетрадь
прыщавую рябину,
и стану размышлять:

от грязного истока
веки никогда
не потечёт далёко
прозрачная вода.
Худое око видит,
что этот мир худой.
Я вычеркну эпитет.
Но где мне взять другой?

* * *

Я помню Дворец пионеров,
ещё – театральный кружок,
какую-то пьесу Мольера
и выход на сцену, как шок.

Там живы Мишель Сухоросов
и Птицына Ленка жива.
Ещё от проклятых вопросов
моя не болит голова.

Ещё не нуждаемся в вере,
поскольку невинны, чисты.
Стоим в круглосуточном сквере,
общаемся до темноты...

Ну, как же вы всё-таки спелись,
любимая муза и чёрт!
Диктуете всякую ересь,
а я недостаточно твёрд,

мол, что мне Христовы объятья,
небесное царство внутри,
когда не увижу опять я
расплывшиеся фонари...

ДУХОТА

Зажигалка, рекламные спички,
сигареты и водка.
Прям к её косметичке,
где помада и тушь, и подводка,
Он сложил на багажник
барсетку, мобилу, бумажник,
Два увесистых кома

ключей от машины и дома.
В вечереющем парке, увы,
нет скамеек, нигде, ни одной.
На окраине летней Москвы
духотою сменяется зной.
Он не видит её,
он почти ненавидит её.
То же самое можно сказать
про неё, ё-моё!
Они даже не знают того,
как друг друга зовут.
Как на каторжный труд сатана
призывает на блуд.
В вечереющем парке, увы,
нет скамеек, нигде, ни одной.
На окраине летней Москвы
духотою сменяется зной.

БЫВШЕЙ ЖЕНЕ

Я помню чёрную дорогу...
потом... сырые дерева...
Твою неясную тревогу.
Мои неясные слова.

Прямоугольный пруд и ёлку,
похожую на ёршик, и,
всегда горящие без толку,
назойливые фонари...

Бывали ссоры, были драки,
но повторяю вам, что я
был переполнен только в браке
всей полнотою бытия.

Вот потому-то человеку
и нужен Бог, но лично, Сам.
Куда ещё девать калеку,
разорванного пополам?

И раз не вышло с полнотою,
то не поможет ли она,
пугающая глубиною,
божественная глубина?

ПРОХОДНОЕ

Буйная зелень и ржавый гараж,
запах июльской железной дороги.
Это мой самый любимый пейзаж,
это моё отражение в итоге.
Серый забор бесконечно плетёт
сучную, мятую, злую колючку.
Вон проходная в общагу, а вот
на легендарный советский завод...
Выну блокнот и потёкшую ручку:
«Через дорогу застыла сирень –
взрыв, остановленный бешеным взглядом...»
Сяду под нею в блаженную тень,
пива купив в супермаркете рядом.
Там проходная в секретный НИИ,
кульманы были когда-то одни.
Раковой опухолью день за днём
офисы фирм разрастаются в нём.
Тут проходная в армейскую часть.
Страшно туда человеку попасть.
Наискосок проходная тюрьмы.
Этого тоже стараемся мы.
Буйная зелень и ржавый гараж,
запах июльской железной дороги –
это мой самый любимый пейзаж,
это моё отражение в итоге.
Сердце моё – проходные дворы.
Сердце моё – проходные составы.
Улица плавится вся от жары.
Косит таджик незнакомые травы.

* * *

Фонарики, как мыльные пузырь(и)ки.
Подуешь – и по ветру улетят.
Я не силён в романтике и лирике,
но жизнь прекрасна, пусть и невпопад.

Сирень вскипела, яблоня кипит
и шишка на асфальте, как граната,
что разрываться начала когда-то
и вот теперь на паузе стоит.

* * *

Увы, стихи не протокол,
а потому поверьте на слово:
вчера по улице я шёл,
навстречу мне Катюша Маслова.

Я соблазнил её тогда,
когда нам было по шестнадцать,
не только не боясь блуда,
но и гордясь им, если вкратце...

Как подурнела, как пьяна,
шла, головы не поднимая,
и в этом есть моя вина,
ещё какая!

Я не пойду за ней в тюрьму,
тем паче не возьму суму,
тем паче не подам ей сумму,
но в воскресенье своему
духовнику шпаргалку суну

и выдавлю словами гной,
а он, накрыв епитрахилью,
прочтёт молитву надо мной,
и боль утихнет, станет былью...
Боль станет былью.

* * *

Бузина, бузина,
для чего ты в сарай заглянула?
Вся природа полна
«стрекотания, лязга и гула».

Всё растёт и живёт,
и цветёт, и поёт, словно в рае.
Бузина, что тебя так влечёт
в этом старом сарае?

Бузина, изведусь я теперь,
я нуждаюсь в ответе.
Почему не живётся тебе
на сияющем свете?

Да понятно оно:
я тебе не Творец, не указчик,
Но в сарае темно,
два мешка и разошедшийся ящик...

* * *

Я застыл, как столп,
и гляжу окрест:
телеграфный столб,
как голгофский крест.

Мне Россию жаль,
но не нужно слов.
И уходит вдаль
череда крестов...

* * *

У русской деревни депрессия
и страшный видок паралитика.
Поэзия? Что ей поэзия!
Политика? Что ей политика!
Деревня работу забросила,
сидит у дебильного телека.
Какое набрякшее озеро!
Какое лохматое дерево!

И хочется выхлопать-выстирать
вон то неопрятное облако.
Когда у народа нет истины,
природа безлико-уродлива.

Лишь белая-белая церковка,
отрада мечтателя грустного,
как чистая-чистая девочка
полюбит и вылечит русского.

На небе тревожное зарево,
в природе нет больше гармонии.
И тучи, как ведьмино варево,
и, словно бы трещины, молнии.

* * *

Я вкусил Причастья,
подошел запить.
О, какое счастье
православным быть!

Как я жил без этой
тихой тишины,
радости и света,
глыбы глубины?

**Абдуллох
АБДУМОМИНОВ**
Ташкент

*Абдуллох Абдумоминов,
ученик 8 класса., школа
№ 102, Шайхантахурский
район, г.Ташкент,
Республика
Узбекистан*

НОВОГОДНЕЕ ВОЛШЕБСТВО

В этот Новый год у нас не было рождественской елки. Друзья должны были прийти на мою вечеринку. Но мы не могли купить настоящую рождественскую елку - колючую, ароматную, пушистую красавицу. Когда моя мама ушла на работу, я попросил ее купить гирлянды и игрушки, чтобы хоть как-то украсить праздник.

Я долго готовился к Новому году. Мои родители знали и разрешили мне позвонить моим друзьям. Но мы были не в ладах с моим лучшим другом - Анваром. И я не собирался с ним мириться. Напротив, я хотел отомстить ему в этом году. Хотя, папа всегда говорил мне: «Не рой яму для другого — ты можешь сам в нее провалиться». И он предупредил, что Санта не дарит подарки плохим детям. Но мне было все равно, я был очень зол на Анвара и не хотел его прощать.

Во второй половине дня мы встретились с бывшим другом. Он заговорил первым:

- Давай мириться, ведь скоро Новый год. Все ссоры должны остаться в прошлом. Давай вместе слепим снеговика и назовем это дружбой.

И я решил не продолжать войну и помириться с другом:

- Приходи ко мне завтра на новогоднюю вечеринку. Это будет весело. Только елки у нас не будет - мы не успели ее купить.

Говоря это Анвару, я увидел, как моя мама идет домой и несет в руках большую красивую пушистую елку! Я так уставился на нее, что даже упал.

Это был такой большой классный сюрприз! Наверное, правду говорят, что Новый год нужно встречать с друзьями, в хорошем настроении и без плохих мыслей. Тогда все желания сбудутся, и весь год будет хорошим.

У меня была отличная новогодняя вечеринка с моими лучшими друзьями и хорошей семьей! Я уверен, что этот год будет счастливым и успешным для всех и для меня!

Светлана
ЧЕРНЫШЁВА

Вологда

*О себе.
Занимаюсь
литературоведением,
разрабатываю методики
изучения произведений
детьми, пишу сценарии, а
также стихи и рассказы.*

*Проза для детей
публиковалась в
периодических и
электронных изданиях:*

*«Иван-да - Марья»,
«Детское чтение для
сердца и разума»,
«Радуга», «Мурр+»,
«Книжки, нотки и
игрушки», «Мурзилка»,*

ДРУЖБА ТВОРИТ ЧУДЕСА

КАК СКАЗАТЬ

Вы когда-нибудь видели Люську? Если никогда не встречали, я сейчас всё-всё о ней расскажу. Она живёт в большом доме, который два года назад построился у самого парка. Это далеко от нашего двора – целых сто метров, или даже двести. Её дом виден только потому, что он ужасно высокий. Почти до самого неба. Целых пятнадцать этажей, я уже посчитала. Сама-то Люська, конечно, не такая заметная. Ниже меня на целую голову. А учится уже в четвёртом классе.

– Не в каком-то там втором, – будто бы говорит она при каждой с ней встрече, точнее, смотрит так, – вот поэтому мне и купили собаку.

Всё может быть. Чем старше человек, тем ответственнее! Только про Люську так не скажешь. Мы же с ней в одной школе учимся. Ей часто учителя делают замечания. Например, она до сих пор не знает, как пишутся суффиксы «ик» и «ек». Я, когда про это услышала, чуть в обморок не упала. Это же проще простого! После таких новостей я сразу к ней подошла на перемене.

– Ну, что теперь тебе скажет твоя Ванесса? – это Люська собаке такое прозвище дала или кличку, а может, имя, что-то, в общем, из этого.

– Гав-гав!.

– Чего?..

– «Гав-гав» скажет Ванесса. – И ушла, двойку, наверное, исправлять.

Вот такая она невыносимая! А ещё постоянно обзывается. Придумала, видите ли, что я поедаю книжки, проглатываю просто, не жуя. Ужас же! Нет, читать-то я очень люблю, но чтобы есть – такого никогда не было. Я даже перестала смотреть в её сторону.

Ещё отношения портила Ванесса. Как только Люська выходила с ней на улицу, та начинала тявкать и хватать меня за сапоги, даже когда я спокойно сидела на скамейке и

просто листала страницы. И сразу же слышала обидное от Люськи:

– Маришка съела книжку!

Я так горевала, даже дома, что папа заметил. Пришлось рассказать.

– Ну, это нормально, – одобрил он Люську. – Можно сказать, даже престижно такое услышать. Особенно в наше время. Да и само выражение «глотать книжки» устойчивое, это фразеологизм.

– Что-что? Люська таких слов точно не знает!

– Знает, – не согласился папа, – раз употребляет, – «ест книжки», значит, много читает. И ничего обидного.

На следующее утро я попробовала таким же образом с кашей справиться. Сидела и читала её глазами, всю изучила, от хлопьев до изюма. За этим занятием меня мама и застала.

– Ешь, – говорит, – а то уже прозрачной стала, почти невидимой.

А потом потрогала меня за плечо, верно, чтобы проверить – не исчезла ли я совсем, и пошла к себе на работу. А я осталась думать. Если я невидимкой смогу стать, может, это и неплохо. Буду во дворе гулять и на Люську не наткаться. И Ванессе придётся только на птиц и котов лаять. Не на прозрачную девочку с книжкой в руках. И только я всё так хорошо представила, пришёл папа. И объяснил, что это будет не настоящее превращение. Просто образное выражение, а никакое не волшебство. Хотя я потом ещё долго о таком мечтала. Вот бы стать невидимкой! Люське на зависть.

КАК БЫВАЕТ

Как только Люська во дворе появлялась, все начинали спорить. Сегодня, например, Генка кричит Петьке:

– У тебя мяч дырявый!

– Ещё чего – нормальный мяч, я его вчера автомобильным насосом надул. У папы в гараже.

– Я тоже, – засмеялся Генка, – вчера бабушку надул, а она, как видишь, ничуть не изменилась. Взял и сказал, что на дом задано только по физкультуре. И прыгал весь вечер до потолка.

– Зато двоечник, – нашёлся Петька.

Тут Генка покраснел и кулак уже над Петькиной головой поднял, да на помощь подоспела его бабушка.

– Ничего подобного! Это ты зря Геночку обзываешь, вот я сейчас нажалуюсь твоей бабушке. Пусть она тебя в угол поставит на целый час.

– Что вы такое говорите! – не согласилась бабушка Петьки, – он на одном месте не может больше минуты стоять, и на целый час нужно иметь в квартире целых шестьдесят углов.

И неизвестно, чем бы всё закончилось. Может быть, драка случилась. И даже участковому пришлось бы вмешиваться. Но тут Люська с глаз долой ушла, и всё обошлось. Разошлись и забыли! И целую неделю не спорили: ни Петька с Генкой, ни их бабушки. Да и другие тоже... на удивление. Я потом сообразила, что это из-за Люськи. Её давно не было видно во

дворе. Даже я скучать по ней начала, потом книжку про другую Люську, Люську Синицыну, прочитала, чтобы немножко успокоиться. И вот в окне второго этажа Ванессу заметила, она на подоконнике сидела, какая-то грустная. Ну, тут я вообще не вытерпела и побежала Люськину квартиру разыскивать. Дверь мне открыла сама Люська, она была в большом фартуке.

– Ты, что, заблудилась?

– Нет, – говорю, – я тебя потеряла.

– А-а, я вот дома за старшую осталась. Мне врач больничный выписал, чтобы я могла за младшими братьями присматривать. Понимаешь, у нас мама заболела... Ну, заходи. Я суп сварила.

Я зашла. На кухне за столом сидели два мальчугана и брякали ложками в мисках. Видно, суп и вправду был вкусным. В общем, я не удержалась и полную тарелку съела. И всё в супе было настоящее – и картошка, и фрикадельки... мои любимые. Потом Люська вымыла посуду и полезла на стул, чтобы с верёвок бельё снять. И такой большой мне показалась... Просто огромной!

КАК СДЕЛАТЬ

Сегодня вечером я решила провести во дворе собрание. Там как раз Петька с Генкой гуляли, а их бабушки на скамеечке сидели и болтали.

– Слушайте, – говорю, – все внимательно! У Люськи из большого дома мама заболела.

– Ох-ти, – расстроились бабушки, – сколько бед на свете!..

А Петька с Генкой ноль внимания. В телефонах что-то рассматривают.

– Петька, ты где?

– Здесь, – отзывается, – что, пожар или наводнение?

Ну, тут я совсем не выдержала!

– Хуже ещё, потому что Люська все дела сама делает: варит, стирает, моет и за братьями ещё смотрит.

– Ничего себе! – это мальчишки хором. – Мы можем в магазин сгонять, да и с малышами погуляем.

– Ну, – соглашаюсь, – я тоже себе дело придумала, буду читать Люсиным братишкам книги. У меня их дома много-премного.

– А мы пирогов напечём, – предлагают бабушки, – и блинчиков, и печенюшек.

Главное, приступить к делу. А если что-то важное делаешь, всегда помощники найдутся. Мои родители, например. Или соседи неравнодушные. И так мы старались Люську спасти, что все передружились. И мама у неё поправилась. Конечно, не могла Люська неприятности приносить, я это хорошо поняла. Потому что она совсем наша.

КАК НЕ НАПОЛОВИНУ

Гришка с Петькой никогда домашнее задание до конца не выполняли. Только до середины. Я точно знаю, потому что с ними в одном классе. Иногда они только чуть-чуть делали, будто остального не замечали. Марья Сергеевна их потом полурока ругала.

– Как можно такими невнимательными быть? Какую вам оценку поставить за половину задачи? Два с плюсом или три с минусом?

Они, конечно, оба за тройку с минусом, как-никак оценка более достойная. Только Марья Сергеевна ни в какую не соглашалась:

– Поставлю, пожалуй, три единицы каждому. Будете решать целую неделю задачи, чтобы их исправить!

Тут уж я не выдержала.

– Марья Сергеевна, я их на поруки возьму, буду помогать внимательность вырабатывать. Если хотите знать, они не только целую задачу, а больше решат.

И так получилось, что учительница мне поверила, а Петька с Гришкой – совсем нет. Поэтому сразу после уроков отправились забивать голы мальчишкам в соседнем дворе. Потом темно стало, и снежинки с неба посыпались, а они всё гоняли и гоняли мяч – ни голов, ни домашнего задания. А я сидела на скамеечке как зритель, пока Люська с Ванессой не появились. Хоть кому-то можно пожаловаться.

И только я рот открыла, как подошли мальчишки.

– Пошли домашнее задание проверять!

– Когда это вы сделать успели?

– На перемене, – сказал Гришка.

– А я, – сознался Петька, – пока в запасных сидел, вон под тем деревом.

Вот молодцы. Сразу исправились! В общем, на следующем уроке Гришка с Петькой пятёрки получили, а я – нет. Пришлось им брать меня на поруки.

КАК МЫ ИСКАЛИ СОБАКУ

Напротив школы – стадион. Там всякие турниры и чемпионаты для взрослых. А по вечерам сторож дядя Вася пускал нас – посоревноваться в ловкости. Можно сыграть в футбол, повисеть на перекладине или попрыгать через препятствия. Но больше всего мы любили бегать наперегонки. Кто первый прибежал, тот и чемпион. Обычно мы выстраивались возле красной черты, сторож давал сигнал: «на старт, внимание, марш!». И мы неслись, не чувствуя ног под собой. А потом падали на финише, все мокрые – хоть отжимай, краснощёкие, будто родственники деда Мороза. И чувствовали себя чуть-чуть счастливее. Только и оставалось хватать победителя, подкидывать вверх и кричать: «чемпион»!.. Ну, так было раньше, потому что мы бегали без Ванессы. А тут и она с нами запросилась. Люська с неё поводок сняла, мы и побежали: я, Петька, Гришка и Люська с Ванессой. Вернулись к финишу все, кроме собаки.

– А где же Ванесса? – удивляется Люська, – только что рядом скакала.

– Убежала, – сообразили мальчишки, – видно, первая пришла, никого не увидела и ещё на один круг...

– Точно, – согласилась Люська, – она у меня самая быстрая. Побежали её догонять.

И так мы её весь вечер догоняли, сто кругов, наверно, сделали, а она словно испарилась – ни одного следочка. Тут уж Люська забыла, что она всех нас старше, и начала плакать. Я тоже ужасно расстроилась. Хорошо, что Петька с Гришкой стали спасать

положение.

– Убежала она.

– Видно, под забором пролезла.

– Слишком уж чемпионский у неё оказался характер, ей собачьи бега подавай...

Так они нас утешали.

– И что же делать? – спрашиваю я.

– Объявления нужно расклеить, – вдруг предложила Люська, – пусть нам Ванессу отыскать помогут.

И я с восхищением посмотрела на неё...

– Потерялась быстрая такса, – стал диктовать Гришка. Листы бумаги он у сторожа дяди Васи выпросил.

– Не быстрая, – говорю я, – а чёрная, с коричневыми пятнами на ушах. Так понятнее будет. Просьба: вернуть Люське. В большой дом, у парка.

– Нет, – говорит Люська, – адрес указывать нужно точный. Улица Парковая, дом 198 Б, квартира 67.

– Обещаем вознаграждение – миллион, – подсказывает Петька.

– И где мы его возьмём, – спрашиваю я, расписывая ручку, – миллион этот?

– А что тут думать? Пообещаем, а потом подарим много рисунков, например, или миллион загадок. Мы же про деньги писать не будем.

– А дальше?

– Отправим Люську домой, пусть ждёт Ванессу.

И мы быстренько все пятьдесят объявлений развесили по подъездам и столбам. А когда пошли Люську провожать, заметили на её подоконнике, прямо в светящемся окне... Ванессу, живую и невредимую.

КАК ВСЁ СБЫЛОСЬ

Ванесса, оказывается, нюхом своим дорогу домой отыскала, а соседи Люськины её в подъезд пустили. Потому что лаяла громко. Мы, конечно, не поняли, почему Ванесса решила с дистанции сбежать. Люська пояснила, что у неё дела посерьёзнее, видимо, нашлись. Ванесса, например, любила по пять часов в день сидеть на подоконнике и смотреть на улицу, на природу.

– Но ведь природы на улице больше?

– Это так, – соображает Люська, – но когда слишком много, то глаза разбегаются. А так, с подоконника, всё внимание можно сфокусировать

на чём-то одном и разглядывать целый час, да и дома тепло. Лежи и смотри... Сами-то подумайте!

И мы пошли себе дальше гулять. А на улице было белым-бело. Снежные хлопья валили целую неделю, и только сегодня всё успокоилось и замерло. Хоть картину рисуй. Прямо на сугробе, под фонарями. Пока мы по расчищенной на стадионе дорожке носились, потом объявления клеили, давным-давно вечер наступил. И только мы палочку-рисовалочку разыскали и на сугроб забрались, как увидели Люськину маму. Она бежала к нам в расстёгнутой куртке и прямо в домашних тапках. Сразу стало понятно – что-то случилось.

– Что такое опять удумали?..

– Ничего особенного, – решила успокоить её Люська, – мы снежные рисунки изобрели.

– Я вам сейчас изобрету! Кто велел объявления про собак расклеивать? Мне за два часа целых шесть штук принесли. Я от всех отказалась, но одного, всё-таки, подкинули, прямо у дверей оставили. Безобразие!

– Как у дверей?! – обрадовались мы и побежали в подъезд.

Щенок, и правда, был – и чёрный, как заказывали. Даже чернее Ванессы. Мы его сразу «кляксой-ваксой» обозвали. А потом просто Ваксоном назвали. Ну и, наконец, мы его дома у меня поселили, чтобы мама к нему привыкала потихонечку. Она, конечно, изо всех сил отказывалась и делала сначала строгое лицо:

– Ну, если только на время! Пока хозяин не появится...

Мама ещё не понимала, что хозяин у Ваксона уже час назад появился – это я.

– Ваксон, миленький, хорошенький, – повторяла я, приглаживая ему шёрстку, – я с тобой гулять буду. И кормить вкусными косточками. И с мальчишками познакомлю. Они хорошие, даже в учёбе меня подтянули. А ещё у меня есть настоящая подруга, Люська. Прямо как в книжке про Люську Синицыну. И у неё есть собака. Её Ванессой зовут. Она сначала на меня всё лаяла и лаяла, а теперь ко мне совсем привыкла. И я к ней. Думаю, что тебе она тоже понравится. Нужно же с кем-то на собачьем языке разговаривать...

Ваксон лизнул меня языком прямо в лоб. И я подумала, что всё сбылось!

Александра ДЫМОВСКИХ

Нижний Ингаш

*Александре Дымовских
13. лет. Любит природу,
животных, свой родной
посёлок Нижний Ингаш.,
увлекается рисованием,
сочинительством.
Первая публикация
Александры
«Здравствуйте, это
я!» была в журнале
«Истоки», когда ей было
6 лет.*

ДВЕ ПОДРУГИ

Предисловие

Рассказ, который я выношу на ваш суд, мои дорогие читатели, о настоящей дружбе двух девочек. Девочки, на первый взгляд, очень разные, они из разных семей, разного социального статуса, но они этого не замечают, и их искренней дружбе можно только позавидовать. А ещё этот рассказ о проблемах подростков и подросткового возраста, о проблемах взросления.

Многие взрослые считают, что такого возраста нет, он надуман. Да и проблем таких нет. Я же, находясь в этом «нежном» возрасте, с твёрдостью могу утверждать: «Он есть! Ещё как есть!» Поэтому этот рассказ будет особенно интересен и понятен ребятам моего возраста, моего подросткового возраста!

Прекрасное зимнее утро четверга шесть тридцать утра.

Тринадцатилетняя девочка Рига, проснувшись от назойливой музыки будильника, протирая свои слипающиеся карие глаза, медленно побрела на кухню, ожидая увидеть там отца со своими не очень смешными шутками про соседа и маму, которая уже должна была готовить дочке завтрак, но почему-то этим утром всё было не так. На кухне сидела и пила кофе мама, дожидаясь свой знак зодиака в утреннем гороскопе, который каждый день показывали по телевизору. Видимо, отец торопился на работу и уже уехал, чтобы меньше простоять в пробке. Девочка тихо поздоровалась с матерью. Женщина посмотрела на Риту, и в её глазах как будто что-то засияло, такое тёплое и доброе. Так Ирина Фёдоровна (мама Риты) смотрела только на свою дочь. Она сразу же встала, крепко обняла Ригу и поцеловала её в лоб.

- С добрым утром, моя хорошая! Как спалось? Готова к сегодняшнему дню? е Девочка не очень любила заботу со стороны родителей, она воспринимала их как простых взрослых, живущих с ней в одной квартире.

- Да, мам. Завтрак готов?

Наконец освободив дочь из крепких объятий, Ирина протянула Рите контейнер, в котором лежали бутерброды и записка с пожеланиями на хороший день и кривым сердечком. Не обратив на это внимание, Рита поблагодарила мать и пошла собираться в школу.

Ирина Фёдоровна понимала Риту, ведь они с мужем почти не бывают дома, потому что ведут хороший бизнес и пытаются его сохранить. Ещё с раннего детства девочке «платили» игрушками за недостаток внимания, но, к счастью, не избаловали.

Вздыхнув, женщина выключила телевизор и пошла собираться на работу.

Вся семья разошлась. Вот Рита уже стоит в раздевалке и стягивает с себя длинный красный шарф. Вдруг девочку кто-то схватил за руку, она вскрикнула и повернулась, чтобы ударить хулигана, но это оказалась её подруга и одноклассница Лиза.

- Лизка, блиииин!

- И тебе с добрым утром, Марго! - ответила черноволосая девочка, приобняв свою подругу. - Как дела? Как спала?

- Спала-то нормально, но мама меня очень бесит. Вечно лезет со своими обнимашками и любовью..

- Мне бы так..

У Лизы была не очень хорошая семья. Родители спились после того, как её старший брат утонул. Зато бабушка у Лизы была хорошая, заботливая, да только виделась она с внучкой раз в месяц, это если у родителей вымолить.

Девочки побеседовали и пошли на урок.

Первым занятием был классный час. Сегодня седьмой «А» ожидала хорошая новость. Прозвенел звонок, учительница Анна Сергеевна успокоила класс и начала свою речь в радостной манере:

- Дорогие дети! У нас появилась прекрасная, даже ПРЕпрекрасная возможность! Так как наш класс самый активный в школе, директор решила, что нам всем нужно отдохнуть и набраться сил... в поездке в Геленджик!

Все дети засмеялись. После этого посыпалась куча вопросов про поездку и про учёбу. Рита и Лиза обрадовались тому, что смогут съездить вместе куда-нибудь ещё, кроме местного торгового центра. Весь день ученики обсуждали эту новость. После окончания уроков девочки от радости обнялись и пошли по домам.

Рита зашла домой. На удивление, дверь была открыта. Девочка разулась и прошла в гостиную, там она увидела Ирину Фёдоровну, сидящую на диване и читающую книгу. Женщина подняла глаза и увидела дочь. Радости не было предела. Ирина крепко обняла дочь и начала расспрашивать про учёбу, про Лизу (Ирина знала про положение подруги дочери, но всё равно очень любила эту девочку), про обед в столовой и даже про температуру в школе, ей просто хотелось услышать хотя бы слово от своей родной дочки.

- Всё нормально, мам. Нам сообщили, что мы всем классом летим в Геленджик, это такой «подарок» за активность класса.

- Господи, какие же вы уже взрослые! - женщина поцеловала девочку в щеку?- ну что, уже знаешь, в чём поедешь? Я могу помочь с выбором одежды!

- Мам, не нужно. Знаю я ваши вкусы и предпочтения, мне легче будет самой, спасибо. И кстати, что ты вообще дома делаешь?

- Ах, это.. Просто взяла отгул, хотела провести день с любимой дочей, видимо, не

судьба.. *

Женщина «грустно» улыбнулась и продолжила читать. Рита вздохнула и пошла собирать вещи. Поездка намечалась в субботу. Пока девочка собирала вещи, ей позвонила подруга Лиза и предложила собираться вместе. Девочки переключились на видеосвязь и, болтая о том и о сём, быстро собрали вещи. У Лизы в доме была маленькая комната, всего лишь полтора на полтора метра. Там девочка закрывалась от родителей и беседовала с Марго. В комнате стоял стул, и на него Лиза ставила

телефон, а сама стояла, чтобы её было лучше видно. Пока девочки болтали, пьяные родители Лизы начали спорить и ругаться. Подруге Риты было очень неловко в такие моменты, но она всё равно продолжала звонок. Вдруг в дверь комнаты, в которой находилась Лиза, начинают ломиться. Ручка быстро дёргалась, а девочка уже начинала нервничать. Девочки пытались не обращать на это внимания, но тут раздался громкий крик, и после этого крика последовал кашель и жуткое кряхтение. Лиза прикрыла лицо руками. Ей было очень страшно открывать дверь, ей было страшно узнавать, что сейчас происходит за стенкой.. Но тут дверь выламывается и падает на пол, за ней - пьяные родители. Отец Лизы душил её мать. Девочка пыталась разнять их, но попытки были напрасны. Лиза разревелась и стала умолять папу отпустить маму, но он не слушался, алкоголь взял над ним верх. Лиза схватила телефон и убежала куда-то, сбросив трубку.

Всю ночь Рита не могла уснуть. Она кучу раз писала Лизе и спрашивала про её самочувствие и местоположение, что с родителями и что в принципе с ней, но подруга не отвечала. На следующее утро Марго не было дома уже в семь утра. Она поскорее бежала в школу, чтобы увидеть Лизу, чтобы крепко её обнять и сказать: «Лизка, какая же ты дура!-и никогда, никогда её больше не отпускать..

Марго уже стояла в раздевалке и стягивала с себя длинный красный шарф. Вдруг её легонько дёрнули за руку. В надежде на то, что это не хулиган, а Лиза, девочка, уже распахнув руки, готовилась обнять подругу. Марго повернулась и никого не увидела. Всё же это были хулиганы. Слёзы появились на лице Риты, она уже была готова упасть на колени, как вдруг ей протянули платок.

- Ну же, Марго, чего нюни распустила? Смотри, как стрелки ровно накрasila, размажешь же!

Рита подняла голову и увидела Лизу. Рита как назло действительно размазала стрелки и чуть ли не вцепилась в подругу. Лиза похлопала её по спине:

- Ты чего? На нас все смотрят...

- Да плевать мне! Лизка, какая же ты дурочка у меня...

Тут Рита не смогла сдержать слёз и заплакала Лизе в плечо, приговаривая: «Мне главное, чтобы ты здорова была! Я же тебя так люблю., так люблю, Лизка!» Девочки простояли так ещё минут десять и пошли на урок. Оказалось, что Лиза сбежала к своей бабушке, и в Геленджик она всё же полетит. Учебный день прошёл быстро.

Вот и наступила долгожданная суббота.

Все ученики с Анной Сергеевной встретились в аэропорту. Билеты заказали заранее. До взлёта оставалось два с половиной часа. Кто-то просто сидел и ждал, кто-то рассматривал витрины магазинчиков.

Рита с Лизой просто разговаривали о полётах на самолёте. Рите удавалось часто летать, например, к родственникам или в отпуск с родителями, а у Лизы первый полёт будет как раз в Геленджик.

Время быстро пролетело, вот и посадка. Всех детей усадили, к счастью, Лиза с Ритой сидели вместе. Была лёгкая метель, но перелёт решили не переносить. Бортпроводники объяснили правила безопасности во время несчастных случаев. ® Девочки взяли за руки. Самолёт набрал разгон. Взлёт. Всё прошло хорошо. Салон самолёта плавно покачивался из стороны в сторону. Глаза так и закрывались, хотелось спать.

Но вдруг подруги заметили, что что-то влетело в крыло. Крыло зашаталось. Самолёт начал снижаться... Сначала была мёртвая тишина. Потом люди стали что-то говорить. Их разговоры были всё громче и громче. Потом они перешли в крик, жуткий, истощный крик.

Девочки посмотрели друг на друга. Неужели это их последние минуты? Ни Рита, ни Лиза не плакали. Они только смотрели друг на друга, они всё поняли и поддерживали взглядом. Они улыбались, чтобы не расстраиваться и старались сдерживать себя до последнего. Любовь дарила им капельку счастья в эту страшную минуту. Их крепкая дружба была крепкой до конца. Казалось, девочки даже не дышали, они просто с благодарностью смотрели друг на друга и уже готовы были совершить свой вечный полёт.

Неожиданно кто-то тронул их за плечи. Подружки враз проснулись и поняли, что они уснули и им снился один и тот же сон.

- Девочки, простите, что разбудила, но вы будете есть? Что предпочитаете? - спросила стюардесса, виноватым голосом.

Рита и Лиза были так рады пробуждению и совсем не сердились на стюардессу. Как здорово жить, дружить и путешествовать вместе с любимой подругой. А впереди ещё так много интересного!

**Яна
ЛАРИОНОВА**

Нижний Ингаш

Яна Ларионова, 12 лет, ученица 6 класса Нижнеингашской школы №2. В 2023 году участвовала в литературном конкурсе «Проба пера» и стала обладателем специального приза от редакции газеты «Победа»

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА

(фантастический рассказ)

Это был обычный день в маленьком унылом городке. Уставшие и серьезные, взрослые быстро шли с работы и желали поскорее увидеть родных, которые ждут их в своих обшарпанных многоэтажках. С толпой серых взрослых не сливался лишь мужчина в ярко-оранжевом пальто. Он куда-то спешил, расталкивая людей.

Две дамы стояли в стороне, курили толстые сигареты и не в самом хорошем свете обсуждали этого товарища.

Женщина Светлана вернулась домой с работы. Она работала кассиром в ларьке недалеко от сорок пятой школы. Заметила, что сын уснул перед включенным телевизором. Мультфильм закончился, и парень «подружился с подушкой». Света подошла, чтобы выключить телевизор, но в новостях говорили о пропаже очередного мальчика, девятилетнего Вити Баранкина.

Света удивилась, она хорошо знала Витю, этот добрый мальчишка часто забегал в ларёк на перемене и рассказывал забавные истории из жизни. Друзей у него было немного, дети говорили, что он странный и почти ни с кем не разговаривает. То, как спокойно люди из телевизора говорили о пропаже ребёнка, раздражало Светлану.

Наутро в новостях все также говорили о Вите. Выяснилось, что он пропал по дороге в музыкальную школу.

Первым подозреваемым в пропаже мальчика стал художник Лаврентий. Мужчина когда-то работал в музыкальной школе. Уйдя на пенсию, начал рисовать странные картины, на которых происходит полная

неразбериха, но мужчина утверждал, что там изображено очень важное событие. Вите нравилось проводить время в гостях у доброго старика, который часто рассказывал армейские байки и другие истории из своей жизни. Они были очень близки, и Витя говорил, что этот чужак для него как родной дедушка. Художник всегда говорил, что занятие любимым делом продлевает жизнь, а у людей в городе нет фантазии, они слишком серьёзны для того, чтобы увидеть то, что изображено на его картинах. Мальчику понравилась эта мысль. Витя хотел, чтобы у каждого человека было хорошее воображение.

Вторым подозреваемым стал четырнадцатилетний мальчик Костя из школы, в которой учился Витя. Костя часто издевался над младшеклассниками, закрывал их в кабинетах, отбирал булочки, купленные ими на перемене в ларьке недалеко от школы. Особенно часто он задира Витю, так Костя смешил друзей и заставлял детей себя бояться.

Витя был худощавым, невысокого роста, ходил в толстых круглых очках. Для Кости это являлось поводом для насмешек и избиений.

В последний раз Костя сказал Вите, что если после школы его не будет в назначенном месте, то ему не поздоровится. Витя так и не пришёл, ведь опаздывал в музыкальную школу. Уроки там были для него очень важны. Витя мечтал когда-то стать знаменитым пианистом. Он подумал, что мечта для него важнее здоровья и репутации, так что отправился в музыкальную школу, по пути в которую и пропал.

В список подозреваемых также попала бабушка Ольга Ивановна, живущая по соседству с Витей. Взрослые описывали её как доброжелательную и порядочную женщину, а маленькие дети, играющие под её окном, говорили, что это очень злая бабушка, которая точно способна на что-то ужасное по отношению к людям, ведь старушка всегда ругалась, когда они шумели. Среди детей ходили легенды о том, что бабушка проглотила их друга, и поэтому она такая полная.

Обычный вечер. Ольга Ивановна сидела в кресле, укрывшись теплым пледом, слушала радио и вязала рукавички для внуков из Новосибирска, которые на днях обещали приехать.

Обычный вечер. Коля играл в приставку и через стенку слушал крики родителей, они вновь обсуждали развод. Его это совсем не задевало. Мальчик привык, что взрослые выясняют отношения по вечерам. Привык к тому, что на его мнение и проблемы всем всё равно, и даже не пытался разговаривать с родителями на тему их ссор и своих проблем.

А вот для художника Лаврентия, ранее упомянутом как человек в оранжевом пальто, это был совсем необычный вечер. Он лежал и грустно смотрел в потолок, ведь теперь он одинок, теперь единственный понимающий его человек пропал.

Лаврентий думал о том, как сейчас страшно Вите, на глазах выступали слезы, он ведь совсем маленький, вдали от семьи и, наверняка, совсем один.

Костя все думал о том, как будет извиняться перед Витей, когда его найдут. Думал о том, каким его будут считать хорошим, когда он будет защищать Витю, идя с ним по коридору школы, Хулиган хотел поменяться. Хотел, чтобы та красивая девочка Маша из параллели обратила на него внимание, он уже давно хотел ей понравиться, но лишь недавно понял, что ей нравятся добрые мальчишки. Ему не было стыдно за то, что он издевался над Витей и другими детьми. Его не мучила совесть. Он лишь хотел, чтобы на него обратила внимание Маша.

Ольга Ивановна накрывала стол для внуков. Их приезд был для неё как праздник. Радости не было предела, когда дети вошли в квартиру. Всю неделю Ольга Ивановна проводила в внуках. Старушке было жаль Витю, она знала, что обвинения на неё повесили несправедливо и полиция далека от правды.

Лаврентий ни на секунду не переставал думать об исчезновении Вити, его раздражало то, что полиция обвиняет ни в чем неповинных людей, а не ищет истинную причину пропажи мальчика. Художник посвящал Вите картины и надеялся, что все же произойдет чудо.

Но никто не знал, что в городе были существа, которые много лет величественно ходили вокруг города, сносили здания и смеялись над поведением жителей, знали, что чуда не произойдет. Существа, владеющие городом, постепенно превращают жизнь жителей в сплошные страдания.

Лаврентий не мог принять то, что больше не увидит Витю, он был единственным родным для него родным человеком, единственным, кто воспринимал его искусство всерьёз.

Костя с возрастом начал понимать, как чувствовал себя Витя, и что, возможно, он был виноват в его пропаже. Эти мысли не давали ему покоя.

Ольга Ивановна понимала, что ни в чем не виновата, и спокойно переехала из города спустя 5 лет после пропажи мальчика.

Существа, управляющие городом, все также забирали жителей городка, в основном это были дети, за них больше всего переживали. Это нравилось жестоким незнакомцам. Они питаются страхом и переживаниями жителей города. Когда кто-то из близких пропадает, люди чувствуют вину, страх, переживания. Это все на руку монстрам.

Самым храбрым из пропавших детей стал двенадцатилетний мальчик Слава Букетов. Он был обладателем голубых глаз и белоснежных волос. У него было много друзей, мальчик был гордостью семьи, хорошо учился в школе, любил смотреть криминальные сериалы и читать книги. Шестого октября рано утром он пошёл

выкидывать мусор, но назад так и не вернулся.

„Последнее, что я помнил, это то, как лечу над городом, я кричал, но люди меня не видели и не слышали! Я думал, что такое бывает только в книжках!”— рассказывал Слава другим пропавшим детям. Конечно, они знали, что с ним произошло, ведь сами это испытали когда-то. Место, в котором они находились, было неудобным

**Алла
НОВИКОВА-
СТРОГАНОВА**
Москва

*Алла Анатольевна
Новикова-Строганова -
доктор филологических
наук, профессор,
член Союза писателей
России (Москва),
историк литературы*

ОН В ДУШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИВЁТ

1872 год в творческой биографии Николая Семёновича Лескова (1831 - 1895) был ознаменован созданием повести, явившейся общепризнанным шедевром, который, по словам писателя, «нравился и царю, и пономарю». Это был знаменитый «Запечатленный Ангел» (опубликованный в 1-м номере журнала «Русский вестник» в январе 1873 г. «Ангел» – с прописной буквы – и в прижизненных, и последующих дореволюционных изданиях). Повесть имела громадный успех. Её узнали «на самом верху»: императрица Мария Александровна выразила желание послушать «Запечатленного Ангела» в чтении автора. Повесть стала также книгой для домашнего чтения в кругу многих русских семей. Знаменательно сообщение А.П. Чехова редактору Н.А. Лейкину 7 марта 1884 года: «Отец читает вслух матери “Запечатленного Ангела”».

Своё творение Лесков снабдил подзаголовком «рождественский рассказ». В его развёрнутом сюжете соблюдены все правила и условности святочного жанра. Но писательское мастерство столь велико, что жанровые каноны не ограничивают, а – наоборот – способствуют творческой фантазии и художественной изобретательности автора. Лесков был доволен тем, что именно после его «Запечатленного Ангела» святочные рассказы «опять вошли в моду», то есть стала возрождаться и продолжилась традиция целого пласта отечественной культуры. Русскую святочную словесность нельзя рассматривать как малозначительную подробность «беллетристического быта», как расценил её литературовед Л.А. Аннинский.

Кроме того, первый опыт лесковского «рождественского рассказа» «воздействовал» на литературный процесс (пасхальный шедевр Чехова «Святою ночью» – этюд в лесковской манере); на дальнейшие творческие искания самого Лескова. Именно «святочная модель» – та жанровая канва, которая зарождалась в «Запечатленном Ангеле», – была спроецирована затем на многие святочные рассказы и «рассказы кстати». Прежде всего это своеобразные «святочные обстоятельства» – не только время: «Дело было о святках, накануне Васильева вечера», – но и место действия, которое

обуславливает атмосферу «рождественского сплочения», тесного общения (иногда вынужденного, невольного): «Жесточайшая поземная пурга <...> загнала множество людей в один постоялый двор, стоящий бобылём среди гладкой и необозримой степи. Тут очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские, и мордва, и чуваша». Так, с одной стороны, достигается эффект «уютности запертой рождественской комнатки», а с другой – что неизмеримо важнее – писатель получает уникальную возможность собрать воедино всю Русь, все сословия и нации, соединить людей в неформально-казённом, но именно человеческом общении: «Соблюдать чины и ранги на таком ночлеге было невозможно».

Непременное в святочном повествовании «чудо» в «Запечатленном Ангеле», пожалуй, – ключевое слово и образ, играющий разными смыслами и красками. Весь комплекс «чудес», «дивес», «преудивительных штук» повести неуклонно подводит к главному чуду – общечеловеческому единению, осуществлению на деле желания «воедино одушевиться со всею Русью». Прорыв раскольников замкнутости в большой мир (герои-раскольники приняли Православие; знаменательно, что артельные рабочие строят мост – соединяющий не просто разные берега, но в прямом и образно-символическом смысле – сближающий людей), отказ от догматизма, соединение людей разных национальностей, различного общественного положения (хозяева-англичане тронуты и потрясены внутренним богатством и высотой духа рабочих мужиков-раскольников) – все эти важнейшие итоги общечеловеческой солидарности базируются на сокровенной вере Лескова в то, что все – «уды единого тела Христова! Он всех соберёт!».

Даже в атмосфере «суетного и суетливого времени» писатель был воодушевлён верой в духовность человека: «Двойственность в человеке возможна, – размышлял Лесков, – но глубочайшая суть его всё-таки там, где его лучшие симпатии».

В разьединении друг с другом и с Богом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они, по лесковскому слову, становятся «братогрызцами». Для установления истинно братских отношений необходимо искать общий корень, общую опору – «едиными усты и единым сердцем».

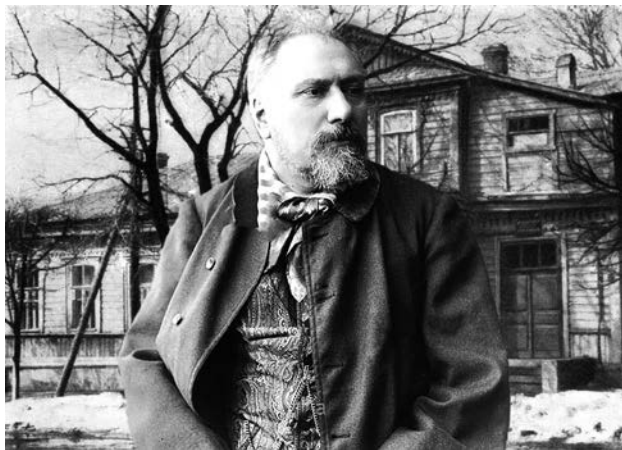
Знаменательно, что воссоединяющий людей финал-апофеоз происходит на «Спасово Рождество» – праздник духовного единения. Чётко обозначив жанр «Запечатленного Ангела», Лесков не случайно приурочил его кульминацию – переход героев в новое духовное состояние – к святкам. В новогоднюю ночь при остродраматических обстоятельствах совершает Лука Кирилов, руководитель раскольников артели, свой героический переход к православному храму по обледелым цепям над ревущим Днепром – подвиг, становящийся в общем контексте рассказа символическим. А в это время в храме совершается всенощная в честь праздника Василия Великого, литургия под Новый год, содержащая слова об обретении веры через церковное причастие «едиными усты и единым сердцем». Чудесный финал идеально соответствует жанровой природе рассказа: героев-раскольников к русской церкви «перенёс Бог», Ангелы вели, спасая от гибели над пропастью светоносностью икон.

Несмотря на замечание Ф.М. Достоевского в статье «Смятенный вид» о том, что Лесков в финале слишком поспешил разъяснить чудо, всё же и рассказчика, и героев, и читателей не оставляет впечатление, что они стали сопричастниками, «дивозрителями» утверждения Высшего Промысла: «а для нас всё равно, какими путями Господь человека взыщет и из какого сосуда напоит, лишь бы взыскал и жажду единоплеменника его с Отечеством утолил».

Таким образом, Лесков выводит традиционную в святочном рассказе идею сплочения из ограниченных рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, межнациональной, общечеловеческой. Это тем более важно, что писатель с болью наблюдал распад человеческих и общенациональных связей: «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как

будто и весь род русский только вчера насадка под крапи-вой вывела».

Не дать порваться связи времен и поколений, восстановить «тип высоко-го вдохновения», «чистоту разума», который пока «суе-те повинует-ся», поддержать «свое природное художество» – главные цели создателя «Запечатленного Ангела».

Особая тема рассказа – отношение к русской иконе и иконописанию. «Запечатленный Ангел» – уникальное литературное творение, в котором икона становится главным «действующим лицом».

С годами писатель приобрёл репутацию одного из лучших знатоков русской иконы. В кабинете Лескова имелось иконописное собрание, судьба которого сейчас неизвестна. Но сохранился рисунок с иконостатической коллекции

Лескова, и мы знаем, как выглядела божничка писателя. Все иконы на рисунке различимы, узнаваемы. В.В. Протопопов вспоминал огромный образ Мадонны кисти Боровиковского – «русский лик и отчасти как бы украинский». У Лескова были редкостные поморские складни, старинные иконы строгановского и заонежского письма. В лесковском Доме-музее в Орле хранятся три иконы. Одна из них – «Спас во звездах» – с дарственной надписью Лескова. Эту икону писатель подарил своему сыну Андрею на Рождество.

Не исключено, что в «Запечатленном Ангеле» Лесков даёт точное описание подлинника: «Ангел-хранитель, Строганова дела». Хотя лесковский рассказчик подчёркивает, что красота иконы неопишима, тем не менее именно в слове он умеет передать тончайшие отблески и игру красок, оттенки эстетического переживания при созерцании святыни: «глянешь на Ангела... радость! Сей Ангел воистину был что-то неопишемое. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлбожественный и этакий скоропомощный; взор умилен <...> в правой руке крест, в левой огнепаляющий меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреватые и русые, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усика. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься «осени», и сейчас весь стишаешь, и в душе станет мир. Вот это была какая икона!»

В лесковском «иконописном» фрагменте сохранён стиль русской агно-графии во всей его чистоте и красоте, как он представлен у лучших писателей древней Руси – Нестора, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета. Богатство словесной культуры, развитая риторика, пышно изукрашенное «плетение словес» и – главное – «нравственная серьёзность перед лицом красоты». На это последнее свойство русской литературы и искусства указывал С.С. Аверинцев: «праведность Андрея Рублёва <...> совершенно неотделима от сверхличной святости иконописания как такового. Чтобы красоте можно было поверить, это должна быть особая красота. Потворство чувственности <...> и культ самоцельного артистизма исключены». Исследователь считает, что старинное слово «благообразие» выражает «идею красоты как святости и святости как красоты».

Известно, что «изограф Севастьян» в «Запечатленном Ангеле» во многом списан с «художного мужа» Никиты Савостьяновича Рачейского, с которым был дружен Лесков. Сыну писателя запомнилась прежде всего духовность в колоритном облике мастера-иконописца. Он настолько был «растворён» в божественном

искусстве, что и внешностью своей напоминал древнее художество: «был стилин с головы до пят. Весь Строганова письма. Высок, фигурой суховат, в чёрном армячке почти до полу, застёгнут под-душу, русские сапоги со скрипом. Картина! За работой <...> весь внимание и благоговейная поглощённость в созидании Деисусов, Спасов, Ангелов, «воев небесных» и многообразных «во имя». <...> лик постный, тихий, нос прямой и тонкий, тёмные волосы серебром тронуты и на прямой пробор в обе стороны положены; будто и строг, а взглядом благостен. Речь степенная, негромкая, немногословная, но внятная и в разуме растворённая. Во всём образе – духовен!».

Герои «Запечатленного Ангела» отправляются в долгий путь на поиски настоящего «изографа», потому что светские художники «изучены представ-лять то, что в теле земного, животолубивого человека содержится, а в священной русской иконописи изображается тип лица небожительный, насчёт коего материальный человек даже истового воображения иметь не может». На глазах «дивозрителей» «талантствует» «мудрый изограф», творя рождественские иконы, которые он надписал удивительным словом «Добро-чадие», тем самым как бы призывая всех быть «добрыми чадами» своего Небесного Отца.

Таким образом, лесковский «рождественский рассказ» «Запечатленный Ангел» – этот, по слову А.А. Измайлова, «Василий Блаженный в письменности» – явился образцом «редкого отеческого художества», которое возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духовной самого художника, творца прекрасного, вдали от суеты и корысти.

Знаменательна в повести фигура отшельника Памвы, который «весь любовью одушевлён». Образ жизни в лесном ските смиренного «анакорита», «беззавистного и безгневного» отца Памвы: «соглуби ему – он благословит, прибой его – он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирени-ем!» – напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского, с его тяжёлым и скорбным и в то же время благодатным путём подвигов молитвы и самоотречения.

Как замечал знаток древнерусской религиозности Г.П. Федотов: «най-дётся иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва. <...> Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошёл на икону, среди святителей, из числа новейших подвижников. <...> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замёрзшая Россия».

Также и старец Памва в рассказе Лескова толкует о грядущем «распечатлении» Ангела: «Он в душе человеческой живёт, суемудрием запечатлен, но любовь сокрушит печать...»

Этими словами святого отшельника – героя своей повести – Лесков спустя 150 лет после создания «Запечатленного Ангела» подаёт нам надежду на любовь и милосердие Божие. Писатель ободряет нас, сегодняшних, загоняемых в электронный концлагерь, с его ужасающей перспективой нанесения «печати зверя». То, что многие считали жутким кошмаром, на наших глазах превращается в реальность и совсем уж близко к воплощению: «всем – малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам – положено будет начертание на правую руку их и на чело их» (Откровение. 13: 17).

Но святому Иоанну Богослову в его видении предстали также «победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его» (Откровение. 15: 2). И один из семи Ангелов, исполнивши волю Божию, открыл святому Иоанну: «Зверь, которого ты видел, был и нет его, и выйдет из бездны и пойдёт в погибель» (17: 8); «и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званные, избранные и верные» (Откровение. 17: 14) .

**Валерий
РУМЯНЦЕВ**
Сочи

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. ... Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника. Женат, имеет двоих детей и четверых внуков. Проживает в Сочи. Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 150 изданиях РФ и за рубежом (в том числе в 47 литературных журналах). Вышло в свет десять книг Валерия Румянцева

ВО СНЕ И НАЯВУ

Поезд по маршруту «Санкт-Петербург – Москва» отправился в путь поздним февральским вечером. В купе одного из вагонов вели оживленную беседу два известных человека, которые ехали в Москву, чтобы принять участие в большом мероприятии под названием «Литературный экспресс».

Одним из пассажиров был многолетний ведущий телевизионной передачи «Вокруг смеха» поэт-пародист Александр Александрович Иванов. Его попутчиком оказался поэт Николай Константинович Доризо. Такие песни на его стихи, как «На тот большак, на перекрёсток», «Давно не бывал я в Донбассе», «Огней так много золотых», до сих пор волнуют сердца тех, у кого они есть.

Неожиданно Николаю Доризо пришлось на ум пошутить, и он сказал:

- Я вчера прочитал на тебя эпиграмму Фазиля Искандера. По-моему написано очень удачно, схвачена основная суть твоих пародий. Хочешь послушать?

- Давай, - согласился Александр Александрович.

- Скорбен лик у Иванова –

Хоть пиши с него святого,

Благодушен в скорби он,

Как весенний скорпион, - продекламировал Николай Константинович и рассмеялся.

Иванов решил не оставаться в долгу и сообщил:

- А я вчера написал новую пародию. Хочешь прочту?

- Конечно, хочу. Ты у нас, как бы сейчас сказали, звезда в пародийном жанре.

- Поэт Николай Доризо написал такие стихи...

После этих слов Николай Константинович насторожился.

А Иванов продолжал:

- Мне снилось, будто так я знаменит,

Что мне при жизни памятник отлит.

Стоит он на бульваре, на Тверском,

И вот к нему я подхожу тайком.

К его ногам несёт цветы народ.

Меня ж никто в лицо не узнаёт.

Пародия называется «А вдруг?».

Никто не знает, как я знаменит,

Как много памятников мне отлито.

Я – знаменитейший в Отечества пиит,
Но от народа это дело скрыто.
То безлимитная подписка на меня,
То годовщина смерти иль рожденья...
Журнал, газета, лист календаря –
Повсюду есть мои стихотворенья.
Я прихожу ночами на Тверской
И, подождав удобного момента,
С какой-то непонятною тоской
Кладу себе цветы у постамента.
У ног моих букеты круглый год,
Сюда народная тропа не зарастает.
Да, чтит мою поэзию народ,
Хотя в лицо меня никто не знает.
Такой вот сон приснился мне вчера,
И я подумал: «Ну, а вдруг? Ведь что мы знаем?
Недаром говорят профессора,
Что человек в себе непознаваем!
Вдруг Пушкин я, но в облике другом?
И предыстории моей друзья не знают?
И хоть я – Александр, но все кругом
Меня наивно Николаем называют».

- Ну ты и язва, Саша.

- Что, пародия не понравилась? – спросил Иванов и улыбнулся.

- Ладно, хватит, пора спать, - сказал Доризо и начал расстилать постельное бельё на своей полке.

Рано утром кондуктор, как его и просили, разбудил поэтов. Они привели себя в порядок и сели пить чай.

- Ты знаешь, - сообщил Иванов, - мне ночью приснился интересный сон.

- Что за сон? – поинтересовался Доризо.

- А вот расскажу. Будто нахожусь я в Москве возле Большого театра, где проходит Всероссийская конференция писателей и читателей на тему «Есть ли будущее у русской литературы?» И самое интригующее, что в конце дня участники должны голосовать по этому вопросу. А в зависимости от результатов голосования, государство будет или не будет оказывать серьёзную финансовую поддержку писателям, литературным журналам, книжным издательствам, да и читателям путём снижения цен на художественную литературу. И проводит это серьёзное мероприятие не кто-нибудь, а Государственная Дума, и, говорят, что в счётной комиссии будут только депутаты. Мол, дело пахнет большими деньгами, - и доверять решение этого вопроса самим писателям и читателям никак нельзя.

- Действительно интересно и главное – актуально, - согласился Доризо. - Ну и что же дальше было?

- Каждый участник конференции, - продолжил Иванов, - входя в зал, получает бюллетень, в котором всего один волнующий меня вопрос: «Есть ли будущее у русской литературы?» И при тайном голосовании надо будет зачеркнуть графу «да» или «нет». Но весь фокус в том, что в театр, чтобы сохранить нужную пропорцию, пускают по два человека: члена союза писателей и не члена. Заходят два человека - и один из них должен показать членский билет одного из писательских Союзов, которых у нас, по моим подсчётам, уже где-то штук двадцать; а может, я и не все

посчитал. А некоторые писатели привели с собой своих главных литературных героев. По мнению устроителей, это делается для того, чтобы получить объективную картину после голосования.

Я - обычный рядовой читатель - мечусь возле колонн и никак не могу найти писателя с членским билетом, чтобы проникнуть в зал, послушать выступления писателей и читателей и самое главное - проголосовать. Да, проголосовать! Потому что я заядлый читатель, и мне хочется проголосовать за то, чтобы русская литература жила и дальше и радовала нас своим художественным Словом. Уже десять часов утра, в зале начались выступления, а я всё бегаю вокруг колонн в надежде добиться своей цели. Суечусь, а толку нет. Таких, как я – пруд пруди, а людей с удостоверениями – как рыбы в реке, гораздо меньше. Я уже начал думать, что не попаду в зал, что это – тупик. Но иногда ясно видимый тупик – лишь обман зрения.

Неожиданно ко мне подходит интеллигентный мужчина средних лет с аккуратной бородкой и спрашивает:

- Извините, вы писатель?

- Нет, - отвечаю, - к сожалению, читатель. – И спрашиваю. –

А что?

А он мне:

- Я писатель. И если вы хотите в зал, то пошли.

Эх, если бы ты знал, как я обрадовался! А он меня тактично поторапливает, мол, там уже выступления начались. В фойе я увидел множество знакомых лиц: депутатов Госдумы, главных редакторов литературных журналов, таких известных писателей как Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Константин Федин, Владимир Карпов. Промелькнули лица Твардовского, Симонова, Евтушенко, а самое интересное – я увидел Андрея Болконского, князя Мышкина, Клима Самгина, Григория Мелехова, генерала Серпилина и ещё кого-то из числа главных литературных героев.

При входе в зал получили мы бюллетени и сели на свободные места.

Вижу, Михаил Жванецкий стоит за трибуной и, видимо, заканчивает свою речь:

- ... Либо наша жизнь станет лучше, либо мои произведения будут жить вечно.... Такое впечатление, что власть из кожи вон лезет, чтобы обеспечить меня работой на десятилетия вперёд.... К современному юмору отношусь отрицательно. Уровень его резко снизился в последние годы. Чувствуешь отторжение на физическом уровне. На мой взгляд, всё это происходит не случайно. Власти удобно иметь дело с «шариковыми», поэтому она и поощряет исключительно примитивный юмор. Я в эту схему не вписываюсь, и слава богу... Ребята, если мы уж по горло в дерьме, возьмёмся за руки.

Когда на трибуну вышел Владимир Жириновский, зал, оживлённый выступлением Жванецкого, стал ещё оживлённее. Никого не поприветствовав, Владимир Вольфович начал «рубить с плеча»:

- Возьмите того же Гоголя, «Мёртвые души» - у нас что, чичиковых нет сегодня, которые скупают не мёртвые души крепостных, а акции обанкротившихся предприятий? Под эти акции получают кредиты, а потом покупают валюту и вывозят в оффшоры. Вот вам сюжет – дарю бесплатно.

«Горе от ума» давайте осовременим.... Почему между умным Чацким и дураком Молчалиным Софья выбирает Молчалина? Потому что у него постоянная зарплата – он чиновник, он коррупционер. Покажите это, чтобы было понятно, что и сегодня у нас есть кому-то горе от ума.

Или Тургенев... Я спрашиваю молодёжь, школьников: кто главный персонаж

«Муму» Тургенева? Говорят – собачка. Как может быть собачка, щенок главным героем – с кого брать пример? Или Герасим – глухонемой дворник, в чём героизм? Барыня главная героиня – о ней писал Тургенев. А миллионы школьников думают, что герой – это собачка или глухонемой дворник. Осовременить нужно, показать, кто эта дама, может, Васильева, которая там по Министерству обороны проходит, а глухой Герасим – какого-то мигранта взять из Средней Азии, Муму найти.

Вот Достоевский почему стал великим писателем? – Десять лет каторги! Какой вывод я делаю? Надо сажать. Если будут сидеть три, четыре, пять лет, появится Достоевский...

В то время, как Жириновский извергал свою речь, в зале периодически слышался смех. А мой сосед-«спаситель» просто гоготал над моим ухом.

Пока он вытирал платком рот и усы, на трибуну вышел главный редактор литературного журнала «Двина» Михаил Попов и сказал следующее (вступительные приветствия всех ораторов я не воспроизвожу, они однотипны и потому малоинтересны):

- Умерли навсегда «Континент», «Литературная учёба», «Новая юность», «Октябрь», «Москва» (в лучшем случае, остались только куцые интернет-версии), на грани краха «Дружба народов», «Новый мир» (да, да, не удивляйтесь, почитайте последнее интервью Василевского), «Подъём», «Сибирские огни», «Урал». Кто продержится ещё максимум пять лет? «Вопросы литературы (эти дольше всех, научное издание и талантливый менеджер-литератор Шайтанов, таким был Игорь Иванович Виноградов, светлая ему память), «Новое литературное обозрение», «Молодая гвардия, «Иностранная литература», «Знамя», «Юность», «Роман-газета», «Звезда»...

В зале нарастал шум, и уже трудно было понять, что говорит оратор. Потом на трибуне появился главный редактор литературного журнала «Молодая гвардия» Валерий Хатюшин:

- «Либеральные» журналы русскому человеку читать вообще не нужно и даже вредно для психики. Не нужно ему читать ни «Новый мир», ни «Октябрь», ни «Знамя». Потому что ничего, кроме вреда, от них он для себя не получит. А читать русскому человеку нужно русские журналы. Какие? Это обязан знать каждый грамотный русский человек.

Выкрик из зала:

- А какие журналы нужно читать не русскому человеку?!

Не обращая внимания на помеху, Хатюшин, пригладив усы, продолжал:

- Если не знает, он – безграмотный... К примеру, не читая «Молодую гвардию» и не зная того, что публикуется на её страницах, просто глупо и бессмысленно судить о состоянии нынешней прозы и поэзии, так как в «Молодой гвардии» печатаются лучшие русские авторы. Не раз я писал о том, что государство нынешнее, в лице президента, очень сильно любит спортсменов и артистов и выделяет на спорт, театры и кино миллиарды рублей. А вот русские писатели у него и, тем более литературные журналы, существуют в качестве никчёмных пасынков, на которые можно вообще не обращать внимания. И вполне возможно, что лет через десять, а то и раньше литературные журналы погибнут. Кому от этого станет лучше?

Когда Хатюшин закончил свою речь, послышались жидкие аплодисменты, которые быстро испарились. И было видно, что он недоволен реакцией зала на своё выступление.

Потом на трибуну поднялся Дмитрий Мережковский и начал читать по бумажке:

- Публика наша до сих пор с младенческим недоумением внимает философскому языку. Она или чувствует, или рассуждает, но не научилась мыслить. Самая глубокая и страстная поэзия мысли ей почти недоступна. Наши критики не умеют отличить рассудочность риторики от выстраданной идеи поэта-философа...

Чем дольше говорил Мережковский, тем сильнее среди слушателей нарастал шум. А вскоре из зала полетело:

- Предатель! Гитлеровский прихвостень!..

И тут же на сцену выбежали два молодых человека и грубо вытолкали Мережковского со сцены. Впрочем, в 1941 году он это заслужил: отпуская язык на волю, берёшь ответственность за его поступки.

Выступил и главный редактор газеты «День литературы» Владимир Бондаренко. Он сказал следующее:

- Почему сегодня русская литература не в чести у власть имущих? Почему по телевидению нет ни литературных вечеров, ни дискуссий с писателями и поэтами? Почему давно отменены поездки писателей по стране с выступлениями и концертами через Бюро пропаганды? Почему нет государственной поддержки ни художественным журналам, ни издательствам, почему по всей России закрываются книжные магазины и библиотеки?

В своё время император Николай I после встречи с Пушкиным сказал своим придворным: «Сегодня разговаривал с умнейшим человеком». С каким из умнейших писателей хоть раз беседовал Владимир Путин; не спеша, один на один: с Валентином Распутиным, с Василием Беловым, с Юрием Бондаревым, с Александром Прохановым, с Андреем Битовым?

Много чего полезного сказал Владимир Бондаренко, но умом Россию не пронять.

Затем на трибуне появился главный редактор литературного журнала «Москва» Владислав Артёмов:

- Падение общего культурного уровня происходит везде, во всех сферах. И в материальной, и в духовной. Это очень заметно в последнюю четверть века. Сравниваю уровень соведений молодых писателей, скажем, в семидесятые-восьмидесятые годы и в нынешнее время... Деревья и вправду «были выше!» Или просматриваю то, что пишут некоторые выпускники Литературного института, и мне становится грустно. С таким уровнем в наше время выгоняли со второго курса «за творческую несостоятельность»... Понизился уровень требовательности к себе и у самих писателей. Молодые часто пишут абы как, поспешно, второпях.... Вообще литературное творчество в наше время требует некоторого душевного подвига, отречения писателя от страстей сребролюбия и тщеславия.

А потом выступил главный редактор роман-газеты Юрий Козлов:

- Большинство российских толстых литературных журналов находятся на грани остановки издания. Это наглядно иллюстрирует отношение общества к литературе, наконец, состояние самого общества, принявшего «за основу» существования вульгарную, описанную ещё Марксом модель капитализма времён первоначального накопления, когда одна – меньшая – часть населения безоглядно ворует и потребляет, а оставшаяся – выживает и деградирует. Потребляющему и воруящему классу нужна лёгкая, развлекающая литература, типа «женских» детективов, эротических фантазий в духе «Пятидесяти оттенков серого». Выживающему и деградирующему населению вообще литература не нужна. Ему книги не по карману, хватило бы денег на еду и оплату услуг ЖКХ...

Из выступающих поэтов запомнился Роман Эсс. Вот что он сказал:

- Царствует полнейшая безвкусица, кривлянье, пошлятина, мнимый ум, корявые строфы и мелкотемье!.. Новый русский литературный журнал, свободный от членов СП-протекционистов, без единого из них, нужен теперь как воздух всем русским авторам, вынужденным провисать в безвоздушной Сети. Ни СП России, ни МПС, ни Союз российских писателей, догматически замшелые, воняющие тухлятиной, покрытые грибами плесени, гоняющиеся за премиями и должностями в литературе, сухие, безжизненные, формалистические, новой литературы не понимают. Так – они всё больше бронзовеют, ржавеют... и, заметьте, все уходят в небытие, на свалки. Графоманы с билетами СП. Так что истинная новая русская литература сейчас, вероятно, пребывает только в Сети. И в столах.

Было немало ярких выступлений и читателей, в основном с претензией к современным писателям и литературным журналам. Но больше всего мне запомнился один. Он, не скрывая своих эмоций, высказался так:

- Я слежу на протяжении нескольких лет за творчеством Дмитрия Быкова, просмотрел десятки его выступлений, прочитал много его стихов, статей и пришёл к выводу, что его творчество многогранно. Он чертовски талантлив. Я получаю удовольствие от его творчества, вижу его неординарность, наличие гражданской позиции. Я бы даже сказал, что он – гений!

Из зала громко:

- Гением может объявить только Время!

- Всё это впереди. И мой вывод подтверждается вот чем. Открыл в ютубе первый попавшийся ролик со стихотворением Дмитрия Быкова (его читает бесподобный Ефремов) и вижу 1 миллион 600 тысяч просмотров...

Из зала:

- У Донцовой ещё больше читателей! Она тоже – гений?!

- Я говорю не о Донцовой. Я хочу спросить у вас: у кого из писателей, сидящих в этом зале, столько поклонников?

Шум в зале. Выкрики:

- Это всего лишь показатель деградации населения!

- Быков – это пятая колонна!

- Не надо тут пиарить Быкова!

Выступающий:

- Надо «бить по шарам, а не по игрокам», а шары – это его творчество. Прочитайте его басню «Рубль и Член»!

Из зала:

- Пошлость никогда не была признаком гениальности!

Выступающий:

- И ещё я хочу сказать вот о чём. Многие со мной не согласятся, но я считаю людей из так называемой «пятой колонны» патриотами покруче многих «записных» типа барина Михалкова, чудаковатых, мягко говоря, прохановых, прилепных, кургинянов, киселёвых, соловьёвых, востребованных сегодняшней властью в качестве пропагандистов. Их конёк – враньё и право хамить противникам режима. Время поменяется, к власти придут другие, - и они на сто восемьдесят градусов изменят свою риторику. Сегодня они за огромные деньги натравливают народ на эту самую «пятую колонну». Может, благодаря именно литераторам из этой колонны и жива русская литература. Дмитрия Быкова я считаю единственным из сегодня живущих гением от литературы в России.

Выкрики в зале:

- Сколько он вам заплатил за пиар?!

- Выключите микрофон этому!.. – и неожиданно полетела нецензурная лексика.

- Дайте договорить! – не сдавался мужчина у микрофона - Человек умнейший, энциклопедических знаний во многих отраслях и точно профи в литературе. Есть и другие литераторы, которые не позволили встроить себя в вертикаль власти, - поэтому и попали в опалу. А все эти «лауреаты» и «патриоты» в кавычках не настолько талантливы, насколько проворны. У нас, об этом здесь уже говорилось, к сожалению, власть не интеллигентна. Путин не замечен в любви ни к театру, ни к поэзии. Во всём, оказывается, враги виноваты! Вернёмся, однако, к поэзии. Был у них там министр Улюкаев, печатали часто, а потом посадили. Ещё у одного министра любовница долго находилась под домашним арестом и всё стишки кропала. Я хочу спросить вас, да, вас, кто допускает выкрики в мой адрес, эти люди способны изменить что-то в экономике, литературе, в мире к лучшему?! – оратор отчаянно махнул рукой и покинул трибуну.

От его выступления у меня осталось двойственное впечатление. И я ещё раз убедился, что борцы за правду часто действуют по наущению лжи. Хотя в чём-то он и прав.

И что особенно интересно, выступали даже литературные герои. Особенно меня поразил Василий Тёркин. Он вышел на трибуну и сразу стал обвинять Твардовского в том, что тот написал поэму «Василий Тёркин на том свете», которая, по его словам, является клеветнической, фактически пасквилем на советский строй. А в конце своей речи Тёркин обвинил поэта: что, мол, пока солдаты миллионами умирали на фронте, Твардовский все четыре года прятался в тылу. Причём Тёркина поддержал Алексей Толстой, который сидел в президиуме и вёл собрание. И даже спросил Твардовского, что тот может сказать по этому поводу?

Александр Трифонович (он сидел в первом ряду) встал с места и сказал:

- Я знаю, никакой моей вины

В том, что другие не пришли с войны,

В том, что они – кто старше, кто моложе –

Остались там, и не о том же речь,

Что я их мог, не сумел сберечь, -

Речь не о том, но всё же, всё же всё же...

Не вовремя я проснулся - когда голосование ещё не началось.

Всё-таки интересно было бы узнать: каковы итоги голосования?

- Да-а... Что только не приснится, - сказал Николай Константинович, взглянул в окно и добавил: - Ладно, пора собираться. Вон уже окраины Москвы. Скоро выходить...

НЕВЕРОЯТНАЯ ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

В клубе автозавода «Москвич» происходило невероятное: Антон Павлович Чехов встречался с героями своих литературных произведений. Это был настоящий праздник для всех, а настоящие праздники, как известно, в календарях не нуждаются.

К указанному культурному заведению подкатывали одна за другой иномарки, иногда подъезжали автобусы – и площадка перед входом в фойе клуба стала заполняться людьми. Приезжали не только чеховские литературные герои. На классика жаждали посмотреть и послушать его литераторы, известные политики, актёры, читатели... всех и не перечислишь.

Те, кто был знаком с Чеховым или считал, что вправе пожать руку Антону Павловичу, сразу же подходили к нему, чтобы поприветствовать, а потом следовали в фойе клуба. Возле писателя долго никто не задерживался, потому что за спиной каждого из них уже стояли те, кто желал выразить своё почтение герою сегодняшнего дня.

Описать все встречи невозможно, да и нет смысла. Мы остановимся только на тех из них, которые, по нашему скромному мнению, могут вызвать интерес у читателей.

Вот к писателю подошёл бывший президент Украины Виктор Фёдорович Янукович и, улыбаясь и протягивая руку для рукопожатия, сказал:

- Рад приветствовать великого украинского поэта!

- Господин Янукович, вы назвали меня великим украинским поэтом. А что вы скажете о Гоголе?

Виктор Фёдорович на мгновение задумался и ответил:

- Ну... Гоголь – мой любимый поисковик.

Окружающие, кто услышал эти слова, захихикали. А Янукович понял, что ляпнул что-то не то, и спешно отошёл в сторону от писателя-классика.

Когда к Чехову приблизился экзекутор Иван Дмитриевич Червяков, Антон Павлович сразу узнал его и воскликнул:

- Червяков! Ты ли это?! Голубчик мой! Хорошо помню, как я, будучи совсем молодым, писал рассказ «Смерть чиновника»...

- Такие люди, как я, бесследно не исчезают, - назидательно высказался Червяков, небрежно, как бы делая одолжение, протянул руку и добавил: - Как видите, я жив и здоров. И я уже давно не экзекутор, поднимайте гораздо выше. Я – государственный советник Российской Федерации 1 класса.

Сатирический чёрт дёрнул Чехова за язык, и он съязвил:

- Прошу вас, ваше превосходительство, принять уверения в моём весьма высоком к вам уважении.

- Ну что, Антон Палыч, сегодня не очень-то вас читают, - усмехнувшись, промолвил Червяков. - Прошёл, как говорится, срок годности ваших текстов...

Червяков хотел ещё что-то сказать, но февральский морозец сделал своё дело – и неожиданно для себя государственный советник... громко чихнул.

Достал платок, вытер губы, извиняться не стал. Решил, что цели своей достиг: все увидели, что он теперь не какой-то там экзекутор. Без лишних слов повернулся и с чувством собственного достоинства в своём мундире государственного советника Российской Федерации 1 класса важно проследовал к служебному автомобилю «BMW».

Не спеша сел в машину. Водитель включил мигалку, установленную на крыше автомобиля, и резво тронул с места.

Ещё через несколько минут Чехов закончил кратковременное общение с Любовью Раневской, Леонидом Гаевым, Ермолаем Лопахиным и предложил им пройти в фойе клуба, так как в его сторону уже направлялись другие гости, и каждому надо было уделить хотя бы минуту внимания.

Эти литературные герои были особенно дороги Антону Павловичу. Он внимательно посмотрел вслед Раневской – и вдруг услышал, как рубят вишнёвый сад.

Звук топоров очень быстро смолк, и Чехов подумал: «Что же я забыл спросить у них, как там студент Трофимов?». Если бы он поинтересовался, то узнал бы, что Трофимов, являясь членом Национал-большевистской партии, осужден вместе с

Эдуардом Лимоновым и отбывает наказание.

Антон Павлович уже заканчивал мимолётный разговор с подошедшим к нему учителем гимназии Буркиным и ветеринарным врачом Иваном Ивановичем. И в этот момент мимо них проследовал Беликов по прозвищу «Человек в футляре». Беликов боялся заболеть коронавирусом, при общении всегда соблюдал дистанцию два метра и старался иметь как можно меньше контактов.

Когда Чехов увидел на лице Беликова респиратор, а на руках - резиновые перчатки синего цвета, он обратил внимание на этого человека и из его уст вырвалось:

- А это что за чудо?

- Антон Павлович, вы что, не узнали? Это же Беликов, - сказал Буркин.

- А-а, да, да... - согласился писатель. - А он совсем не изменился.

- Ну что вы от него хотите? - посмеялся Буркин. - Человек в футляре.

- А разве то, что мы живём в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт - разве это не футляр? - возмутился Иван Иванович. - А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор - разве это не футляр?

Увидев, что к писателю спешит располневший человек, несущий в руке, видимо, торт, учитель гимназии и ветеринарный врач проявили такт и поспешили удалиться.

Подошедшим оказался Николай Иванович Чимша-Гималайский, в его глазах светилась радость. Чехов был уверен, что его подопечный держит в руках торт. «Зачем он пришёл с тортом?» - подумал писатель и задал вопрос:

- Что это у вас в руках?

- Это, Антон Павлович, крыжовник. Очень, очень вкусный. Да вы попробуйте, попробуйте, - и он уже начал открывать коробку.

- Не надо, не надо, спасибо, - воспротивился Чехов и предложил: - Проходите в фойе клуба. Там теплее, чем на улице.

Глаза Николая Ивановича были наполнены счастьем, восторг охватил его лицо, он хотел что-то сказать ещё, но Чехов показал рукой направление, куда надо идти. И Чимша-Гималайский безропотно подчинился.

При виде этого счастливого человека у Антона Павловича упало приподнятое настроение. Им овладело тяжёлое чувство, близкое к отчаянию.

Всё повторяется, изменяясь до неузнаваемости. Неожиданно, гремя бубенцами и взвивая вихрем снежную пыль, подскочила пара с пристяжной на отлёте и Артыновым на козлах вместо кучера. Лошади встали как вкопанные. К ним подбежал уже ожидавший их Модест Алексеевич и помог Анне выбраться из саней, а «кучеру» - соскочить на землю.

Артынов поддерживал Анну за локоток. За их спинами плёлся Модест Алексеевич; кроме Анны второй степени, он уже успел получить орден «За заслуги перед Отечеством» 4 степени.

Песцовая шуба Анны была расстегнута нараспашку, и в глаза бросалось глубокое декольте. Артынов что-то шептал спутнице - и она смеялась. После его слов: «Декольте придумали мужчины по просьбе женщин», Анна рассмеялась ещё громче.

Не обращая ни на кого внимания, в том числе и на Чехова, все трое направились к зданию клуба. Артынов, улыбаясь, продолжал что-то говорить Анне, а она хохотала ещё громче.

Что можно сказать, наблюдая эту сцену? Не так страшен хомут на шее, как невозможность его снять.

Когда Антон Павлович почувствовал, что февральский морозец всё настойчивее крадёт к его телу, а холодный ветерок усилил своё дыхание, он зашёл в помещение клуба и проследовал в кабинет директора. Там снял пальто и протёр запотевшее пенсне. На публике он неизменно появлялся в костюме и при галстук-бабочке. Так было и сегодня. В сопровождении директора клуба Чехов направился в фойе.

Когда проходили по узкому коридору, директор показал пальцем на одну из комнат и сказал:

- А здесь у нас была очень хорошая библиотека.

- А почему была, а не есть? – удивился Антон Павлович и остановился.

- Завод стал разваливаться, должность библиотекаря сократили, денег на приобретение книг ни копейки...

- Храм для верующих в художественное слово закрыт?

Директор в ответ только пожал плечами и, как нашкодивший юнец, почувствовал себя виноватым перед выдающимся писателем, который стоял рядом с ним. И это не удивительно: чувство вины чаще испытывают те, кто ни в чём не виновен.

- Да-а.. – возмутился Антон Павлович, - я не знаю, куда мы идём... И время покажет не только то, куда мы идём, но и то, от чего отказались.

До фойе они шли ещё несколько минут, и никто не проронил ни слова.

Фойе было уже переполнено гостями, но в зал пока никого не приглашали.

Чехов написал более пятисот произведений, и его многие литературные герои находились здесь. Вон показалось лицо дяди Вани, который собирался стать гением, но вся его жизнь ушла на сборы. Это он в отчаянии воскликнул: «Пропала жизнь! Я талантлив, умён, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...».

А вон стоит и тяжело дышит располневший Старцев, больше известный как Ионыч. Ему в жизни уже ничего не интересно, он даже перестал играть в винт. И лицо Кати, в которую когда-то был безумно влюблён, совершенно забыл.

Чуть правее промелькнула фигура Андрея Ефимыча Рагина, который до сих пор своим образом жизни учит всех, как не попасть в «Палату №6».

Недалеко от него золотых дел мастер Хрюкин показывает забинтованный палец полицейскому надзирателю Очумелову и что-то говорит ему. Теперь его куснула собачка той женщины, которую Чехов назвал «Дама с собачкой». На сей раз Хрюкин не тыкал окурком в морду собачке, а всего лишь попытался потрогать её за нос. Кстати, и хозяйка собачки тоже где-то здесь.

Перечислить всех героев, толкущихся в фойе, невозможно. Тут были: полицейские, портные, арестанты, повара, богомолки, педагоги, помещики, врачи, чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне, генералы, инженеры, конокрады, купцы, солдаты, судебные следователи, профессора, пастухи, адвокаты и представители ещё очень многих профессий.

Одни из них в погоне за деньгами потеряли то, что за деньги не купишь. Другие, являясь рабами больших денег, мнили себя рабовладельцами. Третьи не всегда находили шанс оставаться человеком. Четвёртые не уяснили: чтобы излечиться от невежества, нужно самому стать врачом. Кто-то из них не понимал, что жизнь учит только тех, кто склонен к самообразованию, и что каждый человек кузнец своих глупостей. Кто-то не сообразил, что любовь с первого взгляда – это часто обман зрения. А кто-то из мужчин подарил женщине крылья – и она улетела от него... Здесь нет ни одной жизни без ошибок, но есть много жизней без работы

над ошибками.

Но у всех этих героев есть общее: они не научились жить – поэтому соглашаются на существование. Их жизнь – это несовершенный подвиг.

Антон Павлович, получив профессию врача, учился лечить не только больного человека, но и - больное общество. И в этом деле литературные герои были его надёжными помощниками. Да, он не вылечил общество, но безошибочно установил диагноз.

Присутствовали тут и актёры. И это не удивительно: произведения писателя экранизировались более двухсот раз.

Как бывает в таких случаях, одни бродили по фойе, создавая броуновское движение; другие собирались кучками по каким-то, не понятным даже им самим, принципам. Все разговоры, естественно, были о Чехове.

Вон в углу стоит «дядя Гиляй» - известный репортёр Владимир Алексеевич Гиляровский, которого обступила группа современных литературных критиков. Зная, что Гиляровский дружит с Чеховым, они задавали ему много вопросов. Отвечая на один из них, он сказал:

- Однажды я приехал к Антону Павловичу в Крым и в ходе общения поинтересовался, почему он не ответил на мою открытку, где было всего четыре строчки. А строки такие: каламбуром не избитым удружу – не будь уж в гневе: ты в Крыму страдал плевритом, мы на севере – от Плева. Антон Павлович ответил, что послание до него не дошло, и добавил: «Открытка твоя, наверное, пригвождена к делу приставом Гвоздевичем».

Кто-то негромко посмеялся, кто-то улыбнулся.

Гиляровский прервал беседу и решил пройти по фойе в надежде найти Чехова. Недалеко от буфета он услышал голос Антона Павловича:

-... Своими произведениями я хотел только честно сказать людям: посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живёте...

«Дядя Гиляй» остался доволен, что Чехов покинул холодную улицу, не стал мешать общению писателя со своими литературными героями и проследовал дальше. Поздоровался с Николаем Некрасовым и Александром Куприным, раскланялся с Игорем Северянином и очутился рядом с очередной группой посетителей. И тут его взгляду открылась следующая картина.

Начинающий писатель Павел Бурлеев громко сообщил, что он написал книгу рассказов о Чехове и добавил:

- Причём каждый рассказ состоит всего из 4-5 предложений. Хотите послушать?

Не получив ответа, он продекламировал:

- Рассказ называется «Чехов и больной». Как-то один больной пришёл к Чехову и говорит, что у него и зубы болят, и голова болит, и рёбра болят, и суставы болят, и в глазах темно, и в пальцах слабость. «А фамилия ваша какая?» - с готовностью помочь спросил Чехов. «Не скажу», - ответил больной и убежал. Тогда Чехов плюнул и написал рассказ «Лошадиная фамилия».

Некоторые из слушателей похихикали.

- Вот видите, вам рассказ понравился, - с чувством глубокого удовлетворения высказался Бурлеев и спросил: - А никто из вас не может мне посоветовать, какое издательство могло бы напечатать книгу моих рассказов о Чехове?

- Я слышал, что подобные книги выпускает один издатель здесь, в Москве, - сказал худощавый мужчина и протиснулся ближе к начинающему писателю.

- А не подскажете адрес? – ещё больше оживился Бурлеев.

- Его адрес я не знаю, а вот фамилия его... - мужчина запнулся. - Хотел быстро

сказать – и забыл... какая-то чудная... обозначает что-то среднее между мужчиной и женщиной... в общем, не мужчина, не женщина...

Из толпы посыпались подсказки:

- Может, Бисексуалов?

- Гермафродитов?

- А может интерсексуалов?

- Гендеров?

- Вспомнил! Вспомнил! – воскликнул худощавый мужчина. – Его фамилия Недядько. Его ещё там зовут «ни дядька, ни тётька».

- Вот спасибо, дорогой мой человек, вот спасибо, - порадовался начинающий писатель. – А уж адрес-то его я сам найду.

А в центре фойе стоял Михаил Михайлович Пришвин, которого окружила группа актёров. Он им внушал:

- Чехов – поэт нежнейших прикосновений к страдающей душе человека. Читая Чехова, становится стыдно позировать. Антон Павлович своим искусством даёт нам образцы поведения, он в числе десяти, двадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. В наше время героических требований к личности, Чехов – яркий представитель нашего русского родного дома – каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет или пустоцвет...

Напротив Пришвина на стене висел большой портрет Чехова, который написал Осип Эммануилович Браз. Казалось, что писатель внимательно слушает, что о нём говорит собрат по перу. Ниже портрета можно было прочесть слова Константина Сергеевича Станиславского: «Антон Павлович – самый большой оптимист будущего, какого мне только приходилось видеть. Он бодро, всегда оживлённо, с верой рисовал красивое будущее нашей русской жизни».

Массивные дубовые двери в зал распахнулись. И толпившиеся в фойе гости не спеша направились в громадное помещение, с потолка которого свисала как неопознанный летающий объект массивная люстра.

**Анатолий
КАЗАКОВ**

Братск

*Анатолий
Владимирович Казаков
- автор многих
публикаций в СМИ,
в интернетовских
изданиях.
Его статьи, рассказы,
стихи о наболевшем,
актуальном.*

ДОЛГОЖДАНАЯ ВСТРЕЧА

Поведаю дорогому читателю о долгожданной, Богом, данной мне встрече, которая случилась 15 ноября 2022 года, с народным артистом РСФСР Александром Яковлевичем Михайловым.

Приезд воистину любимого всей нашей многонациональной Отчиной артиста, Александра Яковлевича Михайлова, должен был состояться в нашем родном Братске в прошлом году. Висела афиша на низком железном заборе, но странное дело никто её не срывал, афиши с новомодными артистами висели недолго.

Я взял билет по электронной почте, в этом помог мне сын, вскоре он мне его и распечатал где – то. Билет был на 29 ноября в 19-00 двадцать первого года. Была страшная пандемия, и все концерты отменили. Вскоре десятого декабря, от «ковида» умерла моя мамочка Казакова Анастасия Андреевна. Неисчислимо много людей умерло от «ковида», я конечно ориентируюсь на посёлке Гидростроитель, в котором живу. Мама не дожила до восьмидесяти трёх всего месяц. Ещё осенью копали с ней картошку, и я едва успевал выворачивать лопатой курни, а она уж всю картоху подберёт, силы и бодрости её на троих бы с лихвой хватило, деревенские курни – понятие для меня святое. Но, главное, мама почти безграмотная всегда говорила, что много беды идёт из Америки. Теперь известно откуда пришла эта зараза. В народе нашем сердобольном говорят, когда умирают родители, то человек становится сиротой, как тут не согласиться, милая мамочка.

Пока мама три недели лежала в реанимации, почему-то писались стихи для самых маленьких, так Боженька спасал меня многогрешного, чтобы сердце не лопнуло. Отпевали маму в храме на восьмой день, не выдавали тело, морги были забиты умершими, помог друг, детский врач – реаниматолог Миша Ермаченко, а то бы вообще неизвестно когда бы похоронил. Дал себе слово, что издам в память о мамочке детскую книгу, она так и называется «Толик любит мамочку», тираж всего 20 экз. Потому как стоимость одной книги тысяча триста. Книгу можно найти в интернете.

Прости дорогой читатель, ты ждёшь от меня про Михайлова. Просто не смог удержаться про маму, ибо мы на своей земле живём, и надобно читателю поведать, то что в душе саднит...

Этот электронный билет я так и не сдал обратно.

Прошёл год. Какой он этот двадцать второй окаянный год, долго будет помнить наш многонациональный народ.

Война на Украине стала неизбежной, много раз думал, как хорошо, что есть дача, можно потихоньку копать с землёю, но телевизор включал, смотрел, а потом долго не мог заснуть, даже к успокоительным таблеткам пристрастился, чего греха таить. Лето было таким дождливым, что не упомяну я столько дождей, было когда, или нет. Вырыли картошку. Она ещё как-то крепиться, гниёт конечно, но терпимо, а вот лук сгнил почти сразу, в морковке муха завелась, словом, не надо бы об этом писать, все знают, особенно братчане, но вот пишется.

В этом сезоне стал снова ходить на хор «Русское поле», после смерти мамы долго не мог одыбать. Теперь получаю пенсию, вот бы мама обрадовалась, но не успела. И вот стало известно, что в этом году народный артист приедет. Звоню в Братск – АРТ на кассу, ответили, что по старым билетам пройти можно.

Теперь настало время написать о том, что было раньше. Несколько лет назад, Александр Яковлевич приезжал в Братск со спектаклем «Любовь не картошка». Я тогда сторожил, людей не хватало, словом на спектакль я не попал. Попросил директора ДК «Транспортный Строитель», Светлану Ивановну Новикову, чтобы передали артисту мою книгу «Аналой». Так сложилось, что в книге были мои работы о друзьях Александра Яковлевича: Василии Макаровиче Шукшине, Василии Ивановиче Белове, Михаиле Сергеевиче Евдокимове... Подписал книгу своим четверостишием:

«Распутин, Астафьев, Белов.

Деревни славянская Лира.

Прозрение русских умов.

Словесность кондового мира».

А вечером мне позвонили. Оказалось звонил Александр Яковлевич. Я разволновался, и как окунь которого вытащили из лунки, жадно глотал воздух, а он говорит слышу ли я его. Сказал, что слышу. Поговорили о жизни, наверно с пол часа, может, больше. Это было первое наше такое вот знакомство. Главное, первый раз разговаривал с человеком, а казалось, что знаю его всю жизнь. В жизни бывает так, что артист на экране, и в жизни разные люди, но не в этом случае. Но об этом позже. На следующий день Светлана Ивановна мне передала десять тысяч рублей и диск песен от Александра Яковлевича. В интернете можно без труда найти мою статью «Звонок народного артиста», добавив к этому моё имя и фамилию. Всю ту ночь много думал, ведь в моей книге опубликованы письма Ольги Сергеевны Беловой, вдовы великого русского писателя Василия Ивановича Белова. Дорого всё это для памяти, очень дорого. Невольно вспомнилась наша поездка на Алтай, с другом, журналистом Сергеем Маслаковым, и там на Родине Сергея, мы ездили поклониться огромному памятнику Василия Макаровича Шукшина, могилке Михаила Сергеевича Евдокимова. Потом был написан рассказ, называется: «Братск – Верх – Обское: Путешествие на Родину Михаила Евдокимова». Сначала был опубликован в газете «Сибирский Характер», а потом по сетевым литературным сайтам.

Жизнь! Она не предсказуема, и что случится с тобою дальше никто не знает, так устроено боженькой, и очень хорошо, что именно так. Оказалось в нашем правобережном храме «Преображения Господня», много лет назад мыла полы родственница Александра Яковлевича, Анисья. Вместе с Тамарой Михайловной, прихожанкой нашего храма, которая мне и поведала об этом. Идём к Анисье. Было

ей на ту пору девяносто три года. Хорошая получилась встреча об этом тоже написал статью, и её тоже можно легко найти в интернете, называется «И отдохнуть, хоть и устала, а покормить ребёнка надо». Хорошо мы тогда посидели, поговорив о жизни. Какими вкусными постными блюдами меня угощали, таких голубцов и котлет, где не было совсем мяса я никогда не ел, а бабушки упорно хотели меня покормить, и были так подвижны, что не каждый молодой так сможет. Прошёл наверно год, и в нашем храме отпевали Анисью. Похоронили на старом правобережном погосте. Я сообщил об этом по телефону Александру Яковлевичу...

Вот и настал день концерта 15 ноября двадцать второго года. В первой половине дня позвонил Александру Яковлевичу. Любимый артист сообщил, что находится в гостинице «Тайга», и сожалел, что мне до него долго ехать. Наш Братск действительно сильно раскидан, и до центрального Братска с посёлка Гидростроитель довольно далеко ехать. Но автобусы ходят хорошо, и слава Богу, доехал быстро. Вышел возле гостиницы «Тайга», поклонился храму, который расположен напротив, сильно волнуясь позвонил Александру Яковлевичу, жду в фойе, прошло минут пятнадцать, или больше. За это время немного поговорил с молодой дежурной гостиницы, не утерпел, но к моему не малому сожалению она не знала о таком артисте, даже когда я назвал фильм «Любовь и голуби», молодая девушка ответила, что мы другое поколение, это меня огорчило, но тут ничего не поделаешь, ничего милая девушка, жизнь она такая, что может, и посмотришь этот удивительно добрый фильм. Смотрю на лифты, на горящие кнопки, всё время хожу, но сердце сильно стучит, беспокоя меня, глотаю таблетку глицина.

И вот открывается лифт, выходит высокий, стройный человек в котором я быстро узнал Александра Яковлевича, что-то говорю ему, обнимаемся. В фойе столики, сидения, подбежала пожилая женщина, она работала уборщицей, и попросила автограф, потом быстро куда – то сбегала, и принесла пачку специальных фотографий о Братске, говорила тёплые слова, я же потихоньку доставал свои книги, и думал, что сказать сразу, а о чём потом, но разве тут построишь хоть какой – то план, когда сердце заходиться, про себя говорю сердцу успокоиться, лишь бы глицин был неподдельный. Мы присели за столик, народу в фойе почти не было, нам больше никто не мешал, и я мягко говоря с не малым волнением заговорил:

- Дорогой Александр Яковлевич! Оно понятно по телефону я вам сообщал о смерти вашей тёти Анисьи, да что телефонный разговор, в живую поговорить с человеком, слава Богу, пока не отменили.

Александр Яковлевич улыбнувшись ответил:

- Толя! Мы хоть и по телефону, но знакомы несколько лет, давай на ты, не по душе мне это вы.

Великий артист замолчал, я же в это короткое мгновение отметил, как же постарел любимый всей нашей страной ЧЕЛОВЕК, высокий рост, выправка будь здоров, подтянут, красив, но годы их не спрячешь, но думать об этом было попросту некогда, и я уже менее волнуясь говорил:

- Тётю твою Анисью, отпевали в храме на правом берегу, народу было не мало, брат твой двоюродный приехал. Похоронили на нашем самом первом, старом правобережном погосте, когда гроб опустили в землю, и рабочие стали работать лопатами, засыпать землёю гробик, мы с моим другом Александром Ивановичем Гоматиным, вслух читали молитвы. Удивительный была Анисья человек! Закваска у старых людей железная, факт, стихи Некрасова мне наизусть читала, это в девяносто три года. Показываю артисту свою книгу, говорю:

- Вот книга называется: «С чернильницей в руках на босу ногу».

Александр Яковлевич оживился:

- А почему так называется?

- Раньше были такие чернильницы «непроливайки» назывались, а ещё раньше просто наливали чернила в специальную маленькую такую чеплышку. Словом, моя героиня Тамара Михайловна Гоматина, жена Александра Ивановича, прямо в руках, словно это свеча, несла такую чернильницу в школу, да на босу ногу шагала, уже подмерзать начинало, обуви не было, у них в доме на всех одна телогрейка только была, вот ей её и отдали, сказали учись за всех нас. В общем простудилась она, болела, а потом когда пришла в школу спустя три недели, диктант на пять написала, учитель её в пример ставил, вот такое стихотворение об ней написал, и рассказ так называется о них, как книга эта, и стал читать народному артисту:

Счернильницей в руках, на босу ногу,
Шагала девочка послевоенных лет.
Ещё она взяла с собой в дорогу
Немного хлеб а— больше в доме нет.
Ребята старшие в семье решили—
Одну на всех ей телогреечку отдать.
И полотенечко с узором положили,
Давно уж небыло в избе, чего продать.
— Учись, сестрёнка, мы ж— работать вполе.
За всех нас грамоту старательно учи!
О сколько сказано отяжкой русской доле
И слёз горючих пролито в ночи!..
Согревши ноженьки озябшие у печи,
Выводит буквы, учит алфавит.
Глядит учитель на худые плечи,
Вздохнёт и карамелькой угостит.
Ведь, три недели проболел, спешила в школу
По мёрзлой и неласковой земле...
Учитель молча выпил валидолу:
— Ну, слава Богу! Отогрейся же в тепле.
Счернильницей в руках, на босу ногу,
Шагала девочка послевоенных лет.
Ещё она взяла с собой в дорогу,
Немного хлеба, но вкуснее ег онет...

На передней обложке книги два лица, Тамары Михайловны и Александра Ивановича, переворачиваю книгу, и показываю Александру Яковлевичу заднюю часть обложки, где тоже два лица, это Валентин Григорьевич Распутин и мой покойный ныне друг священник Андрей Огородников, стоят они возле строящегося в центре Братска храма. Рассказываю почему так решил с обложками:

- Вот, вроде, Распутин с батюшкой - выигрышная получается обложка. А я об Андрее Огородникове подумал он другому учил. Словом, известные люди, и на задней обложке не обидятся, они итак известны, а вот Тамару и Александра никто кроме меня и не разместит на передней обложке, думаю мой духовный учитель Андрей Огородников одобрил бы мой выбор. Сколько по тюрьмам с батюшкой ездили...

- Александр Яковлевич сказал:

- Правильно сделал.

Показываю другую книгу под названием «Одинокая лампада деревни», продолжаю рассказывать:

- Это тётя моя Евдокия Андреевна Куванова, в деревне четыре жителя всего осталось, зову к себе в Братск много лет, нет, отвечает, на Родине помирать буду, это в Нижегородской области. Места эти Богом отмечены, там святой Серафим Саровский был. Открываю книгу, написано: «Выражаю искреннюю благодарность за материальную помощь в издании книги, народному артисту РСФСР Александру Яковлевичу Михайлову». Любимый артист, аж воскликнул:

- Это как так?

- Когда несколько лет назад ты приезжал в наш Братск со спектаклем «Любовь не картошка», я не смог попасть на концерт, на работе нехватало народу, я попросил работников культуры передать мою книгу «Аналой» тебе, а ты мне десять тысяч рублей с диском своих песен передал. Вот и получается помог в издании книги.

Народный артист тихо сказал:

- Сделал доброе дело, и забудь, так нас учили.

Не обошлось в разговоре и о войне на Украине. Александр Яковлевич говорил:

- Я когда к власти на Украине пришли нацисты и когда стали бомбить, сразу на Донбасс поехал с концертами, больно было глядеть на раненого Захарченко, а он раненый, а на концерт пришёл, помню дети меня облепили, тут без слёз нельзя рассказывать. Войной пахло уже в 14 году, она и была всегда и во все времена страшная война, а тут два братских народа, беда это страшная. Из артистов про которых точно знаю, Денис Майданов, Александр Маршал, Олег Газманов помогают Донбассу всем чем могут, много кто помогает, можно и нужно прямо сказать, вся наша страна помогает.

Слушая Великого артиста нашей Отчизны, думал, во тГосподь привёл свидеться, иговорю:

- Родной дядя певца Дениса Майданова, Лобачёв Александр Петрович тоже у нас на правобережном погосте похоронен. Его сестра Евгения Петровна, Дениса одна растила, а у нас тогда в Братске хорошие заработки были, словом, помогал родной дядя растить Дениса, отсылал деньги сестре. А за могилкой дяди Дениса Майданова, прихожанка нашего храма ухаживает, Нина Николаевна Шульга. Денис когда в наш город с концертом приехал, навестил могилку дяди. Поговорил с Ниной Николаевной, а перед концертом сказал, что посвящает концерт Братску, и родному дяде Александру Петровичу, который помогал его растить. Яписалобэтом, и в этой книге есть материал, и в интернете можно найти, называется «Братск – Николаевна – Денис Майданов».

И вдруг расчувствовавшись говорю:

- Дорогой Александр Яковлевич! С девяностых по телевизору, радио всё про плохое говорят, а ведь хорошее – то тоже происходит, кто – то, кого – то спасает каждый день, и это тысячи случаев за сутки, понимаю жизнь сложна, но и о хорошем надо говорить.

Мог ли я предположить, что вскоре, после этой встречи, умрёт Нина Николаевна Шульга, что мы будем соборно провожать её в последний путь, но вначале будет отпевание в Храме. Отпевали два наших священника отец Георгий и отец Александр. Что я позвоню Евгении Петровне, сообщу эту печальную новость, а мама Дениса Майданова на следующий день сходила в церковь и заказала сорокоуст по Нине Николаевне. На похороны приехал её брат Виктор. Нина Николаевна жила совсем одна, и говорила мне однажды, что когда умрёт, наверно никто не придёт на похороны.

Я в это не верил, и случилось так, что люди пришли, и было их не мало. Братчане – особенно старшее поколение, очень дружны, строили молодой город Братск, это давало на всю оставшуюся жизнь этих людей, такие скрепы человеческой дружбы, что можно только по – хорошему позавидовать. Но тогда пятнадцатого ноября я ничего ещё не знал...

Александр Яковлевич предложил пообедать, и совсем скоро мы разместились за столиком в гостинице «Тайга».

Я смотрю в меню, там много разных яств, а я не едал такого в жизни, потому заказал щи из кислой капусты с рёбрышками и домашней сметаной. Александр Яковлевич спросил:

- Толя! Тут столько всего, чего ты, заказывай чего хочешь.

Официантка спросила меня, что буду на второе, я говорю у вас котлетка есть, (Невольно вспомнился памятный фильм с Фрунзиком Мкртчяном, который говорил: «Хочу простую человеческую котлету за 12 копеек»), официантка рассмеялась, нет, говорит, только бифштекс, я говорю, а он похож на котлету, она ответила, что похож, я заказал, словом, посмешил немного и народного артиста и официантку. Я завёл речь о Михаиле Евдокимове:

- Александр Яковлевич! Убили Михаила Сергеевича, это ни у кого не вызывает сомнения, я много раз плакал, когда слушал песни в Мишином исполнении. Да и монологи его, они вроде бы смешные, но если тоньше вдуматься, эти монологи по сути своей трагичны, это Лев Дуров отмечал.

Михайлов оживился:

- Я Толя каждый год в Верх-Обском, провожу вечера памяти Миши, как он хотел сделать жизнь родного Алтая лучше, это было его самое большое желание, а то, что убили, да убили...

Пока ждали заказ любимому нами всеми артисту позвонила дочь, потом ещё кто - то, и Александр Яковлевич говорил по телефону:

- Мои гонорары за Усть- Илим, и Братск, прошу перечислить на Донбасс.

Вот так коротко, а ведь это немалые деньги, воистину не зря любит вас, наш во все века сердобольный народ...

После звонка Александр Яковлевич протянул мне десять тысяч рублей, я было стал отказываться, а он спокойно сказал:

- Бери Толя! Я знаю ты на издание своих книг потратишь, да потом раздашь людям.

Ну как после этого не растрогаться, отдышался маленько, но сердце всё одно билось сильно.

Во время обеда беседа немного зашла о здоровье, рассказал любимому артисту, как правильно запаривать шиповник, что корни шиповника лучше заготавливать весной, потом подсушив, заливать кипятком, очень помогает при сердечных заболеваниях, что простая сушёная гвоздика, что продаётся в магазинах как приправа, она там мелко порублена, так вот, если каждое утро рассасывать две, три веточки, то помогает от заболеваний вирусными заболеваниями, нормализует давление, выводит глисты и много чего ещё. Может кто - то не поверит, но то, что пишу испытано на себе, хотя каждый выбирает сам как лечиться. Подходило время к тому, что надо было ехать в Братск - АРТ, скоро должна была подъехать машина. Александр Яковлевич дал мне денег, и сказал, чтобы я купил шиповника, а потом перед началом концерта, чтобы пришёл в гримёрку. Я ответил, что могут не пропустить, словом, обсудили как попасть к нему. Выйдя из гостиницы «Тайга», я

тут же пошёл в аптеку, купил три пачки шиповника, и вдруг звонок от Александра Яковлевича:

- Толя! Ничего не надо, подходи к гостинице, я сейчас спущусь, поедешь со мною, посмотришь как готовлюсь к выступлению, тебе это наверно интересно.

Что - то взволнованно сказав, иду к гостинице. Стоим возле машины, Александр Яковлевич курит, и говорит, что когда началась война на Донбассе стал курить. Гляжу на молодого водителя, тот курит электронные сигареты, говорю ему, есть ли у него дети, тот отвечает, что дочке двенадцать лет. Твержу, что если будет курить электронную отраву, до свадьбы дочери не доживёт, смеёмся все вместе, хотя добавил, что простые сигареты менее опасны, чем электронные. По дороге в Братск – АРТ, Александр Яковлевич вспомнил про Усть - Илим в котором выступал вчера, один человек инвалид - колясочник подарил книгу своих стихов, потом когда актёр начал их читать, стихи очень понравились, и артист сильно сожалел, что не удалось пообщаться с поэтом. Жизнь человека всегда суетлива, а жизнь артиста втройне, и любимый Александр Яковлевич сожалел, что не довелось поговорить с поэтом - инвалидом, это вызывало у меня огромное уважение к человеку с которым мы ехали в автомобиле, ведь я тоже мог не встретиться никогда с Александром Яковлевичем, но пути Господни неисповедимы, и что случиться с нами мы не ведаем. Подъезжаем к Братск - АРТУ, и вот мы уже в гримёрке. Удивительным было то, что происходило со мною, думал надо говорить о главном, что на душе, словно на исповеди, такому человеку можно доверить самое важное, в этом сомнения не было ни на секунду. Вспомнилось как Ольга Сергеевна Белова, вдова Великого писателя Василия Ивановича Белова писала мне : «Таких как Саша Михайлов мало осталось, он организовал вечер памяти моего мужа в храме Христа Спасителя», в этих словах многое, ох как многое сказано...

Сидим в гримёрке, и я понимая, что артисту надо подготовиться к концерту молчу, но вспомнив про шиповник, помогаю артисту поудобнее положить их в сумку, Александр Яковлевич, положил две пачки, и сказал хватит, я настоял, чтобы положил и третью, а он:

- Ну куда Толя, мне ведь всё тащить.

Сидим в гримёрке, я снова боюсь потревожить актёра перед выступлением, а Александр Яковлевич сидел на стульчике и рассказывал:

- Вася Лановой! Высокий, сильный человек, как он переживал за события на Украине. В последнее время говорил, что очень устал. Понимаю, я сам сплюво время гастролей всего по два часа, но ничего, крепкие сибирские корни помогут. Я преподаю, учу будущих актёров уже не мало лет, мне семьдесят восемь. Всегда наша страна была богата на талантливых людей, артист замолчал, было видно, что воспоминание о друге Василии Лановом далось нелегко, я тихо заговорил:

- Помню несколько лет назад, пришли с женою Ирой с нашего поселкового парада Победы, включили телевизор после парада посвящённого дню Великой Победы над фашизмом, вдруг вышли на сцену, словно три богатыря, это были вы, Михаил Ножкин и Василий Лановой, и исполнили все вместе песню Михаила Ножкина, про Бессмертный полк, а я помню заплакал, нервы, да к тому же действительно любимые сердцу артисты. Помню в 14 году на конкурсе «Золотое перо Руси», в номинации «Духовность», были отмечены Михаил Ножкин, Бисер Киров, и ещё два или три человека в числе которых был и я, удивительна жизнь порою, меня родившегося и выросшего в холодном бараке и то заметили.

Видя мою толстенную линзу на очках, Александр Яковлевич показал на себе, как делать упражнение с глазами, говоря, что это улучшает зрение. Я улыбаясь

смотрел и думал, вот ведь жизнь, я ему про шиповник, он мне про глаза, что ни говори жизнь моментами сказочно уникальна.

В гримёрку зашла работница Братск – АРТ, и сказала, что операторы готовы репетировать. Александр Яковлевич взял меня с собою, сижу на первом ряду, в зале тысяча мест, а я пока единственный зритель. О Боже! Пресвятая Богородица! Это со мною происходит? Тихо говорю про себя, да, отчётливо понимаю, что именно со мною, но всё одно не верится, таков человек. И вот уже выставлены микрофоны, помогаю вытащить на сцену столик, а Александр Яковлевич, читает стих «Поставьте памятник деревне», на большом экране появляются кадры, где корабль идёт при огромном шторме, и вот казалось корабля невидно совсем, а он снова vyplывает из огромной волны, и на корабле работают матросы, а Александр Яковлевич поёт песню: «Там за туманами». Что - то пошло не так со звуком, но оператор быстро устраняет это. Я знал все стихи которые читает артист, слышал почти все песни, да и диск песен, вместе с десятью тысячами рублей был мне передан, и я слушая эти песни плакал, заранее знал, что буду плакать. Это состояние трудно объяснить словами, да наверно и не нужно, дорогой и умный читатель всё поймёт без слов. И вот уже огромный зал полон братчанами, и где – то в этом зале сидит Настенька, внучка Анисьи, а стало быть родственница Александра Михайлова. Когда хоронили Анисью я узнал, что Настя работает медсестрою, у неё по - настоящему какая – то прямо из сказки добрая улыбка, невольно думалось мне тогда, что повезло больным, где работает этот добрый человек. Свет погас, и мы смотрим кадры из фильмов: «Любовь и голуби», «Мужики», «Одиноким предоставляется общежитие»... После кадров из любимых фильмов, вышел на сцену Александр Яковлевич, зал взорвался аплодисментами. Я же в эти минуты думал, что если даст Бог, напишу об этом, и тот кто любит артиста, может быть прочтёт этот материал, и хочется верить, что тем людям станет хорошо на душе. Со сцены звучали стихи Александра Пушкина, Николая Рубцова, Василия Белова, Николая Мельникова... Читая стихи Николая Мельникова, Александр Яковлевич сказал, что поэта убили, очень взволнованно рассказал о поэме «Русский Крест», я же вспомнил книгу Николая Мельникова «Русский Крест», мне подарили её в нашем храме, запомнился рассказ «Дурная деревня», повести, «Щепки», «Сопрано», воистину Великая книга о многострадальном нашем народе. Вечная память! Николаю Мельникову! Вдруг народный артист взял со стола лист бумаги, и прочёл стихотворение о Донбассе неизвестного автора, там есть такая строка «Почему молчали о Донбассе», во время исполнения стихотворения, Александр Яковлевич сильно разволновался, затряслись руки, и на какое – то мгновение замолчал, братчане поддержали воистину любимого артиста громкими аплодисментами. Прозвучали песни в исполнении Александра Яковлевича «Конь вороной», Там за туманами», «Калина красная», «Домик у дороги», «На дальнем берегу», «Монастырь», «От героев былых времён», и песня которую написал Михаил Муромов, я не слышал её ранее, посвящена она нашим солдатам. На экране были лица наших ребят, воюющих с нынешними нацистами на Украине. Зал встал и долго, долго аплодировал. В конце концерта Александр Яковлевич вдруг сказал:

- Я сегодня день и вечер провёл с вашим земляком Анатолием Казаковым, встань Толя.

Я поднялся с места, очень волнуясь, воистину знаменитый актёр ещё что – то говорил, но от волнения я всё позабыл. На сцену выходили братчане, говорили тёплые слова любимому актёру.

Запомнилось ещё об одном случае, который рассказал актёр со сцены:

- Стою на остановке. Проходит мимо одна женщина, потом вернулась, и так несколько раз, и вдруг спрашивает:

- Ты Михайлов?

Отвечаю:

- Да!

- А почему такой старый? В фильме «Любовь и голуби» вон какой бравый был.

- Так фильм снимали сорок лет назад.

Люди после этого долго смеялись. Концерт закончился песней «Монастырь», там есть такие слова «Плачет русский монах в белом монастыре. И по - русски поёт братский хор». Надо же думал я, и мне наш хор «Русское поле» доверил эту песню солировать, справлюсь ли, шибко волнительно всё на белом свете. Иду в гримёрку, увидел внучку Анисьи, Настеньку, они стоят в обнимку с Александром Яковлевичем, обнялись и мы, много наших дорогих братчан подходило к артисту, говорили, то, что хотели сказать. Трогательно всё это было видеть, да простые слова пишу, но они от души поверьте. Великий артист, и это не громкие слова, это правда, поговорил именно с каждым, и когда люди разошлись, и видя как Александр Яковлевич устал, засобирался и я, а он вдруг:

- Толя! Подожди! Смотри сколько конфет, я не ем их, возьми себе хоть часть, всё равно раздам.

Я было стал отказываться, но Александр Яковлевич уже накладывал в мою сумку конфеты, ну вот, вёз книги, обратно повезу конфеты. Обнялись. Сколько всего в русском человеке, вовеки веков не объяснишь. Я рос без отца в холодном бараке с мамой, и на мгновение мне показалось, что меня обнимает родной отец, опять же, сроду не объяснишь это словами. На пороге гримёрки обернулся поклонился по - русски в пояс, вижу и Александр Яковлевич поклонился...

Прошло уже больше месяца со встречи с воистину народным артистом Александром Яковлевичем Михайловым. В моей голове время от времени звучат

песни, которые пел артист. Но голова человека такова, что мысли в этой самой голове всё время блуждают, вспоминаю слова одного очень хорошего человека на поминках Нины Николаевны Шульги: « Я мусульманка, а муж мой православный, дружно живём, и дети слава Богу у нас хорошие. Мы с Ниной Николаевной наготовили, и котлеты домашние, пироги, много чего, думаем, будет ли есть Денис Майданов, он же теперь такой крутой стал. А он когда приехал в Братск, обнял нас, говорит: « Есть хочу»! Вот мы обрадовались». Мой друг, поэт Юра Розовский иногда называет меня «Пьеро» из сказки «Буратино», это потому, что довольно часто я бываю грустным, так устроен.

Но сегодня я рад, что поведал дорогим читателям о долгожданной встрече с народным артистом Александром Яковлевичем Михайловым, о наших дорогих сердцу братчанах, а ведь это всё и есть наша милая сердцу Отчизна, в которой живёт и трудиться наш многонациональный народ. Настал новый день двадцать второго декабря, двадцать второго года, на репетиции родного народного хора, солирую песню «Монастырь», скоро Рождество Христово, и мы надеемся, что будем её исполнять в родном доме культуры «Транспортный Строитель». Репетиция прошла, иду по посёлку Гидростроителю в котором родился в январские морозы в шестьдесят шестом году, мама моя родилась на Рождество Христово, десятого декабря, был ровно год со дня ухода мамы. В этот день мы ездили с батюшкой Георгием, женою Ирой, двоюродной сестрой Леной и тётёй Машей на погост, и священник совершил над могилкой мамочки Литию. Когда умер мой любимый писатель Василий Иванович Белов, то через год на его могилке отслужили Литию. Это мне запомнилось, и захотелось сделать так у мамы. В голове снова звучит голос Александра Яковлевича Михайлова:

Занимается день. Монастырь над рекой —

Заходи, путь открыт, вход отверст!

А на сердце такой почивает покой,

Что я вижу за тысячи верст:

Как лампы горят и горят в алтаре...

Телом здесь, а душой в небесах

Служит старец монах в белом монастыре

И Спасителя молит о всех...

Читайте дорогие мои читатели! Любите Россию! Низкий всем поклон!

**Яков
ШАФРАН**
Тула

*Член Академии
русской литературы,
член Российского Союза
писателей, член Союза
писателей и переводчиков
МГО СПР,
Зам. гл. редактора -
ответственный секретарь
журнала "Приокские зори"*

ДУШОЮ Я ТАМ

*Если мне было хотя бы лет пятьдесят,
вместо семидесяти двух, то я был бы там, на фронте
освободительной войны. Позвольте представить
вам небольшой цикл из трёх стихотворений, в
котором я попытался выразить чувства, какие бы
испытывал, находясь там.*

Под Херсоном на сером рассвете
Я в дозоре, за мною страна.
Там далече живут мои дети,
Моя мать, в ожиданье жена.
Там мальчишки в мечтах о герое,
Там земля, мне родная, леса,
И берёзы, и небо родное,
В белом храме моём образа.
Здесь — кто верит, что мы не покинем
На глумление зверю-врагу.
Впереди — те, кто ждёт в вязкой стыни,
Не желая припасть к сапогу.
Вспоминаю родную девчонку,
Что встречала у дома солдат,
И в руке её Божью иконку,
И доверчивый, любящий взгляд.
Вспоминаю старушку, что вышла
С красным знаменем встретить своих,
Поднимая его выше-выше,
За себя, старика, за двоих.
И за мирных убитых так горько —
При отходе, под натиском, в тыл, —
Всё понятно, душа плачет только,
Словно сам ты тогда их убил...
И опять, если дрогнем, отступим,
Там начнётся физический ад —
Их обычный: кровавый, преступный —
Сколько звери-садисты казнят.
Под Херсоном на сером рассвете
Я в дозоре, за мною страна.
Дети-ангелы просят ответить.
С Неба павшие смотрят на нас.

В Новороссиикончилась осень,
Опалённая степь до Днепра,
Что у неба давно уже просит
Тишины на земле и добра.
Тут покоя нет денно и ночью,
Сама смерть тут кружит над землёй,
Враг идёт неустанно и мощно,

Наполняя её чернотой.
 Но боец свой окоп не покинет —
 За спиной его дети и дом,
 Что в посёлке, под красной рябиной,
 Над большим синеоким прудом.
 Побывать хоть минутку бы дома —
 На любимой, родимой земле —
 И услышать приветливый гомон
 Детворы, что нет в жизни милей.
 Но здесь кровью политое знамя,
 Здесь друзья погребённые спят.
 Здесь земля, возвращённая нами,
 Старики нас встречают у хат.
 А вдали, в той земле за рекою
 Русский брат избавления ждёт,
 Постоянно, не зная покоя,
 Ждёт и верит какой уже год.
 Потому, ни на что не взирая,
 Под ракетами, под артогнём,
 Наш боец свой окоп не бросает —
 Начеку он и ночью и днём!

Рядом фронт, я у самой границы,
 И в руках у меня автомат.
 В небесах — перелётные птицы,
 А на нас только мины летят.
 А на нас сотни тысяч войною
 Тут идут одурманены мглой.
 И лежат сотни вёрст между мною
 И далёкой родимой землёй.
 Там давно уже снег и морозы,
 Тут в окопах не выручит гать.*
 И тоскует душа по берёзам,
 И по близким тоски не унять.
 Смерть тут ходит и смотрит бесстрашно,
 Невзирая на должность и статью.
 Умереть не боюсь, но напрасно
 Не хотелось бы в битве пропасть.
 Мне оружие вручила Россия,
 И нацистам вовек не пройти.
 Верю, больше не будет насилия,
 Только светлая жизнь впереди.
 Не помогут врагу иноземцы,
 Их бравада, увы, недолга.
 Потому не волнуется сердце,
 Потому будет крепкой рука.

* *Гать* — настил через топкое место, трясину.

НИКА*

*Герою России и герою ДНР посмертно,
 командиру ракетного дивизиона,
 полковнику ДНР Ольге Качуре.*

Солнца суровый и пристальный взгляд —
 С лика печального, в трауре неба.
 Зло в этом мире на раз творят —
 Был человек, может вовсе и не был...
 Женщина видная, ладная, милая —
 Ей бы для мужа, семьи — благодать,
 Верностью, честью всегда изобилюя,
 Встала защитой за Родину-Мать.
 И не стрелком, не связисткой, не медиком
 Никой*, ракет обрушающей вал.
 Ей бы с фиалок душистых букетиком —
 На офицерский, на праздничный бал.
 Ей бы. Да что уж теперь... Очень горько.
 С глаз незаметно смахнув слезу,
 Друг боевой тихо скажет, что только
 Жаль, уж не бить им вдвоём ВэСэУ.
 Целился враг и коварно, и подло —
 Именно Нику сразить наповал,
 Меньше чтоб было гарцующих в сёдлах
 Песен победных бойцов-запевал.
 Но упование нацистов неверно —
 Неповторима! — но вместо одной
 Встанут герои России — безмерно,
 Смело и умно ведущие бой.
 Солнца суровый и пристальный взгляд,
 Небо печально, и в трауре лики.
 Русский улыбке её так был рад,
 И сохранит, ибо подвиг великий!

* *Ника* — древнегреческая богиня победы.

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ЗА ЧТО УМИРАТЬ

Есть ли за что умирать нам в России,
 Есть ли за что свою жизнь отдавать?
 Есть! Когда враг свои тёмные силы
 Вновь направляет на Родину-Мать.
 За всех убитых, ни в чём не повинных,
 Взорванных в клочья чуть живших детей,
 Земли цветущие, ныне пустынные.
 За сохраняющих память корней.
 Чтобы наш мир от нацистов очистить,
 Всех положений, обличей, мастей,
 От палачей, что лютей нет садистов,
 Вольно калечащих наших парней.
 Есть ли в России за что умирать?
 Есть! Когда нужно направить все силы,
 Дети и внуки чтоб вновь воскресили
 Гордую, славную Родину-Мать!

Ефим
ГАММЕР
Иерусалим

Ефим Аронович Гаммер – член правления международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» – радио «Голос Израиля» - «РЭКА», член редколлегии израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСРАГЕО», «Приокские зори». Член израильских и международных Союзов писателей, журналистов, художников – обладатель Гран При и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Живет в Иерусалиме. Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 23 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий? по литературе, журналистике и изобразительному искусству.

ДЕСАНТ В НЕБЫТИЕ

(Фантастика)

Шеф был настроен благодушно. Мягко поглаживая подбородок, он вел неторопливый разговор. Так паук легко и незаметно налаживает смертную сеть.

Патрик Смит не был глупой мухой, готовой угодить в смертоносную паутину. Он понимал: вот оно, начинается.

Шеф перешел к делу.

- Патрик, ты просматривал сегодняшние газеты. Наверняка тебе бросился в глаза собственный портрет. Он помещен в недурной компании. Конечно, Бил и Нил не так образованы, как ты, и не настолько умны, но кольтom владеют не хуже. К тому же, сопроводительный к фотографиям текст не превозносит твои научные изыскания, а говорит совсем о другом. Взгляни на газетный заголовок: «Нападение на банк». Красивый заголовок! А под ним чуть ли не детективный сюжет с перестрелкой и убитыми. Заканчивается он радующей строкой: «Преступникам удалось скрыться». Но могу заверить, они знают, где тебя искать. Найдут – и на электрический стул. У Била и Нила те же шансы.

- К чему это все, шеф? Я знал, на что шел. Теперь надо думать о другом, как смотать удочки.

- К этому и веду. Оставаться в городе нельзя. Если власти не доберутся, достанет Грубер. Он и донес о предполагаемом нападении на банк. Такова она, здоровая конкуренция. Конкурировать с Грубером нам не по карману. Он покупает наших людей, а у нас нет осведомителей в его аппарате. Ты спросишь, что же делать?

Энли Шир замолк, выжидающе уставился на Патрика. Тот еще не уловил, куда клонит шеф, и поэтому не вступал в разговор. Но понимал, что в городе осаваться небезопасно, а выбраться из него вряд ли удастся. Сидеть на скамье подсудимых? Нет, не для того он оканчивал университет, участвовал в археологических экспедициях, публиковал научные труды. Он и по сей день вел бы кафедру, но резко выступил в печати после выхода в свет книги

научных фальсификаций профессора Корна. А у того связи в высшей администрации, достаточные для того, чтобы закрыть научную карьеру своего оппонента.

Патрик был не трусливого десятка, но так бездарно кончить? Он не казнил себя за то, что влез в грязную историю с ограблением банка. После ухода из университета ему не хотелось бросать научную работу. Но на какие средства существовать? Тут на помощь пришел Энли Шир – нынешний шеф. Объявил себя меценатом. Выделил деньги для окончания работы. И потребовал ответных услуг. Одна за другой, услуги привели к ограблению банка.

В лабораториях Шира кипела жизнь, появлялись новые изобретения, которые до поры держались в секрете. Люди науки сражались за науку всеми доступными средствами. Все же, как бы мастерски не обращались с оружием научные сотрудники, им было далеко до профессионалов Грубера. И когда их настигала пуля, никто, кроме Шира, не знал, каких Эйнштейнов и Ньютонов терял мир.

Шеф снисходительно улыбнулся:

- Не отчаивайся, Патрик. Выход есть, простой и удобный. Уйдешь в небытие.

- Не понимаю, что за шутки.

- Это не шутки. Уйдешь в прошлое. Тебе как историку лучшей командировки не придумаешь. Необозримое поле деятельности. Изучай уклад, диалекты, мертвые языки. И главное, перед тобой нескладные богатства. В любую сокровищницу проведет новый прибор, созданный в моей лаборатории. Из командировки вернешься миллионером. Деньги пойдут на новые научные открытия.

На золото, доставленное из глубин веков, организуем новые экспедиции в прошлое, построим сотни машин времени. Каждую машину оснастим современными системами реагирования и вооружения. Древние земли станут нашими колониями, аборигены – рабами. Мы завоюем мир. Сидя здесь, я буду руководить жизнью Земного шара в разных исторических эпохах. Вдумайся в идею, Патрик Смит!

- Перспективы грандиозные. Только я ведь бандит поневоле, не профессионал. Уничтожать народы и страны – не мое амплуа. Так что уволь от такого задания.

- Ты не так понял, - напряженно сказал шеф, - программа рассчитана на долгие годы. От тебя требуется просто разведка. А если ограбишь какого-нибудь допотопного царька, ничего страшного не случится. Царек, наверняка, притеснитель рабочего люда. Его и проучить не грех.

- К чему ирония, шеф? Если разведка, согласен.

Шир поднялся из-за стола, довольно улыбаясь:

-Ну, дорогой, пойдем в лабораторию.

Коридор уперся в массивную дверь, и они вошли в небольшой зал. Посредине стоял громоздкий бронированный автомобиль, украшенный башенкой со скорострельной пушкой.

- И это машина времени? - удивился Патрик. - Если бы не пушка, напоминает форд последних выпусков.

- Сейчас убедишься, - ответил Энли Шир. – Садись за руль. Видишь рычаг? Передвигая его по шкале, очутишься в прошлом или в будущем. Но грядущее для нас ничем не примечательно – сейфы там совершенно неприступные. То ли дело стародавние времена.

Вот тебе архивный план местности из N-ного века. В нем крестиком обозначено

место, где ныне стоит злополучный банк, куда тебе так и не удалось попасть. На сей раз им придется пожертвовать золотым запасом ради научных изысканий. Сориентируйся по схеме, останови машину на отмеченной точке и переместись в сегодняшний день. Ты очутишься в подвалах банка. Не теряй зря ни секунды, помни о сигнализации. Загрузись золотом и тем же путем возвращайся сюда. Наш особняк на схеме обозначен цветным крестиком. Все понял?

- Все!

Патрик влез в автомобиль, захлопнул дверцу. Рука его легла на рычаг. Мгновение, и он исчез вместе с тяжеловесной машиной времени. Шеф оставался в зале, ждал. Прошло несколько минут, и машина возникла на том же месте, где была прежде. Шир рванулся к ней и стремительно открыл дверцу.

- Как прошла операция?!

- Нормально.

Патрик Смит вылез из машины. Заднее сидение было усыпано золотыми слитками.

- Инцидентов не было?

- Нет, за исключением нескольких задавленных кур на улочках, располагавшихся здесь в N-ном веке.

- Значит, игра стоила свеч. Золота хватит на окончание лабораторных работ по усовершенствованию аппарата.

- По-моему, заметил Патрик, - он и так совершенен.

- Для моих целей – недостаточно. Аппарат должен, углубляясь в былое, уничтожать наших нынешних врагов. Наш враг не только Грубер – не будем замыкаться в корпоративных интересах. Смотри шире. Если хочешь стать властелином мира, будет драка – еще какая! И посему, - заключил свою мысль Энли Шир, - всяких нытиков и трусов я терпеть не стану. Они хуже врагов!

Патрик искал решение и не находил его. Он был за науку, но сейчас наука означала смерть для многих.

- Мне не нравится твое настроение, - заметил шеф. - Отдохни.

- Я и так, как после сна, - пробормотал Патрик Смит.

- Вот именно, - обрадовался шеф. – Ты принял всерьез и машину времени, и мировое господство. Все это бред. Если хочешь знать, сон.

- Как так?

- Очень просто. Я проверял на тебе, как на подопытной свинке, действие нового препарата сна, разработанного в моей лаборатории. Автомобиль – не машина времени, а усыпальница. Все, что с тобой случилось – сон.

- И золото, привезенное мною, тоже из сновидений? Так значит, сон?

Патрик понял – с шефом оставалось только хитрить, игра на игру.

- Сон. Отдохни, проспись.

- Приму к сведению. Спокойной ночи.

Патрик Смит пошел по коридору, ощущая меж лопаток цепкий и точный взгляд Ширы. Надо было что-то предпринять. Но что?

Поздно вечером к нему в комнату ввалился Нил - один из соучастников неудачного нападения на банк. Он был пьян. Широ разводя руками, пытался что-то объяснить. Патрик налил ему виски. Нил хлопнул стакан и обрел дар речи.

- Знаешь, где я был?

- Наверное, не там, где надо.

- А где надо?

- За решеткой.

- Не остри. Я был в гостях у Спартака. Удивлен? Именно там и нализался. Ты, помню, писал в своей книге, будто корсары предложили переправить на кораблях его войска. Так?

- Так.

- Но дальше ты пишешь, что до сих пор неизвестно, правдив этот слух или нет. Я перед заданием твою книгу всю прочел, до конца.

- И что?

- Теперь можешь написать в новой книге, что такой факт действительно был. И тот корсар, который обманул Спартака – перед тобой. Сокровища армии рабов теперь в закромах у Шири.

Патрик не принял услышанное за пьяный бред. Значит, Шир производил опыты на двух подопытных свинках, второй оказался Нил. А может, «свинок» больше. И кто знает, как они смогут еще насвинячить? Всю историю, терпеливо разложенную учеными по хронологическим схемам, они перевернут вверх тормашками. Но наследят не только в прошлом. И сегодняшний день изгадят так, что никто в будущем не разберется в событиях нашего века.

- Слушай Нил, - обратился он к гостю, - ты совершаешь большую глупость. Зачем вернулся назад? Здесь тебя ждет электрический стул, а там спокойно мог сесть на трон. Стал бы королем, или, на худой конец, принцем. Я, так и быть, буду твоим министром. Ты вооружен до зубов, а сила – превыше всего. Ясно?

- Куда ясней! Но ведь можно исправить ошибку. Давай организуем, как говорит шеф, десант в небытие. Машина стоит в ангаре и, вроде, никем не охраняется.

- Десант, это дело. Надо так сбежать, чтобы не поймали. А то здесь соорудят очередной аппарат и устремятся в погоню. Но выход есть. Автомобиль оснащен не только скорострельной пушкой, есть и несколько тотальных бомб. Подорвем шефа к чертовой бабушке с его лабораториями, и ходу.

- Голова у тебя варит. Только действовать следует немедленно.

Нил с Патриком подготовили тотальную бомбу к взрыву и забрались в машину времени.

- С Богом, - сказал Патрик Смит и взялся за рычаг.

Елизавета
ШЕБУНЯЕВА

Пенза

*. Мне сорок два.
Сочинять начала еще в
детстве. По образованию
я социолог, по профессии
– архивист. Рассказ,
который я направляю Вам –
художественный вымысел.
Но место и время, в котором
происходят события,
реальны. По сей день на
территории Пензенской
области существуют руины
древнего городища. Когда-то
оно принадлежало Волжской
Булгарии. Название этого
поселения не сохранилось в
памяти поколений. Известно,
что стояло оно на торговом
пути и погибло во время
монгольского нашествия.
Поселение было богатым и
многонациональным. А сейчас
память о нем хранят только
местные краеведы. Мне бы
хотелось рассказать о своей
малой родине и ее забытой
истории.*

СКАЗАНИЕ О ЗАБЫТОМ ГРАДЕ

Свод небеспочернел от пожарищ, безмолвие степь объяло.
Муэдзин не зовет на молитву, не звенит православный колокол.
В амбарах зерно почернело, от домов только угли остались.
В харчевнях вино не льется, купцы пепелище обходят.

Берега реки опустели, никого живых не осталось.
Ветер по степи гуляет, снег заносит холодные трупы.
Не найдут они погребенья, не омоют их, не оплачут.
Растерзают их дикие звери, расклюют голодные птицы. . .

Черная туча заволокла небо и звезды на нем.
Накрапывал дождь, глухо шлепались тяжелые капли
о земляной вал. Недра небес полыхали зарницами,
но грома еще не было слышно. Высокие травы
полегли под порывами осеннего ветра. Лесостепь,
простирающаяся на многие мили, слилась воедино с
бушующим небесным океаном.

Сантяй навалился на древко бердыша и
задумчиво глядел вдаль. Его соратник, невысокий
коренастый волгарь, в кожаной рубахе, с наложенными
металлическими пластинами, сидел, поджав под себя
ноги в сафьяновых сапогах, и любовно перебирал
стрелы в расписном колчане, поочередно оглядывая
каждую.

– Пройдет стороной? – спросил Сантяй, кивая
вихрастой пшеничной головой в ту сторону, где то и
дело вспыхивали зарницы. Кольчуги на нем не было,
только льняная рубаха, по горловине и обшлагам
расшитая солнцеворотами.

– Гроза-то? Гроза пройдет.

– А враги? Как думаешь, болгар, враги пройдут?

– Вот пристал, шайтан окаянный, – покачал головой
соратник, не отрываясь от своего занятия. – Говорят
же тебе, не болгар я – подкидыш!

Сантяй засмеялся:

– Не сердчай, Арыслан, глаза у тебя хитрые, как у
болгарина.

Арыслан прищурился и ухмыльнулся:

– Помяни мои слова Сантяй: град наш – лакомый
кусочек. Товар, что купцы везут с востока и запада – весь
через нас идет. А что нас ждет – одному Всевышнему
ведомо.

– Ты ж говорил что безбожник!

– Не говорил я этого. Дикий ты, все-таки, Сантяй.
Тебе что не скажи, ты все на свой лад переиначишь!
Я говорил, что к религиям, пристрастия не имею,
потому как все они людьми сложены, а потому истины
в них нет. А Бог он один для всех.

Сантяй засмеялся:

– Ты, гляжу, ученый больно! Говоришь,

пристрастий не имеешь, а все одно Всевышнего своего поминаешь!

- Ты пойми, Сантяй, сколько былей, али сказов, ни возьми, все об одном и том же. Значит, истина единой была!

- Ты, Арыслан, словно в медресе учился. Еслиб не знал тебя как облупленного – подумал бы, что ученый муж!

- Это отчим мой, дядька Хамзя, ему спасибо. Он меня с малых лет в свою лавку таскал. К делам хотел приобщить, верно. Думал, что по стопам его пойду, заменой в старости буду. А я ж не родной ему, от того, видно, и не легло у меня сердце к торговому ремеслу. Суетно оно. Я тишину люблю.

- Да уж! – засмеялся Сантяй. – Какая тишина на постоялом дворе! А то и купцы с караваном нагрянут!

- Я вначале боялся их, – сказал Арыслан. – Смерть, как боялся! Страх такой неопиcуемый перед людской толпой был. Право, дядька и сам наказывал: к купцам не лезть. А мне и боязно, и охота. Сперва под столами хоронился, прислушивался, о чем судачат. Интересно же, чудно все: говор, присказки. Пока дядька с иноземцами торгуется, я рот разину и слушаю. Вот такая она, моя медресе. А потом осмелел я, сам выходить начал, разговоры вести.

- И не бранил тебя Хамзя, за то, что бездельничал?

Арыслан присвистнул:

- Розгой сек, только шурься!

- А ты?

- А мне все равно, не отец же он мне, а дядька чужой. Только душа злобой наливалась. Помню: стисну зубы и думаю, по какому праву наказывает, или я сын ему? Вот отец бы порол, я б, может, спасибо сказал... за науку.

- Зря ты так, Арыслан. Чем Хамзя тебе не отец? Он тебя вырастил, помереть не дал, на ноги поставил. Вот мы чтим того, кто воспитал, а не того, кто на свет породил. Ты подумай об этом, не гневи богов-то.

- Согласен, – сказал Арыслан. – Только, знаешь, грустно иной раз становиться. Говорят, мать моя разродилась прямо на постоялом дворе, здесь и оставила дитя свое, а дядька Хамзя с женой меня приютили.

- Хороша мать, которая дитя свое бросает!

- Может, она в родах померла, я ж не знаю. Вот я и хотел понять, от какого племени корнями происхожу. Думал, услышу говор какой и сердце екнул.

- Екнуло?

Арыслан покачал головой:

- Нет.

- Не грусти, – Сантяй опустил большую мозолистую ладонь на жилистое плечо товарища. – Ты же не сирота!

Арыслан о чем-то задумчиво улыбнулся:

- Не поймешь ты, Сантяй, при отце родном с маменькой выросший.

- Не печалься о том, – сказал Сантяй. – Не воротишь время вспять, расскажи мне лучше, о богах иноземных. Интересно у тебя получается.

Арыслан засмеялся, словно очнулся от размышлений:

- Хороший ты, как брат! – Он обнял рослого Сантяя, которому едва доходил до уха. – Слушай: мне как-то с персиянином довелось познакомиться, он в Булгар книги священные вез. Красивые такие, тесненные золотом. Я хотел посмотреть, но он не разрешил, сказал, что только имаму дозволено их касаться. Стали мы с ним тогда беседовать, и он рассказал мне старинное придание. В стародавние времена жил один богатырь, небесами приближенный, – Арыслан хлопнул себя по лбу. – Имя его из памяти у меня выветрилось. Богатырь тотячень-растити мужей обучили скот пасти, а женщин прясть и ткать соответственно. Я толкую ему, мол, об том уж какие только легенды не складывали, и в каждом селении у батыра небесного свое имя водится.

- А он?

- А! – махнул рукой Арыслан. – Обиделся, кричать начал. Я его успокаивать, сказал, что обидеть не хотел. Кабы не разняли – до драки б дошло.

Арыслан наконец закончил перебирать стрелы, сложил их снова в колчан и поднялся. Всполох приближающейся грозы осветил его смуглое лицо и черные, собранные хвостом на затылке, волосы. Послышался раскат грома.

- Ты бы не трепался про то с кем попало, – помолчав, сказал Сантяй. – Люди всякие, сам

знаешь. Чего худого, подумают, что ты шибко умный, да повесят, чтоб народ не баламутил!

- Я ж только с тобой разговоры эти веду! А с другими людьми, сам знаешь, я все больше слушаю. Вот только с персиянином не сдержался.

Ветер, наконец, разорвал тугую пелену облаков, и по небу размазалось блеклое пятно лунного света.

- Стороной проходит, - сказал Арыслан.

- Эй, на валу! - раздалось снизу. - Смена пришла! По домам идите, жены заждались!

Утро порадовало ясным солнышком. Стояли первые денькиосени. Сантай пошел домой. Он счастливый человек: имеет жену исыновей. А Арысланпошел в артель - нечего ему дома было делать. Сон отбили ночные разговоры, да и дома его никто не ждал. Семьи Арыслан не нажил - что-то его за душу тянуло, не давало отрешиться от обид прошлого.Что-то барьером стояло между минувшим детством и зрелостью. Словно кто-то хотел, чтобы он, Арыслан, изгнал демонов былого и очистился для новой жизни. Он давно ушел из дома дядьки Хамзи, забросив торговый промысел, и занялся чеканным делом. Один хакас, черт узкоглазый, научил его как серебро экономить, подмешивая к нему медь и свинец. Получались дешевые подделки, с виду ничем от серебряных не отличавшиеся. Товар легко нашел своего покупателя. Проезжие купцы охотно брали его, да и свои красавицыне брезговали.

Ноденьги не волновали Арыслана, ему нравилось наносить гравировку. Дешевая побрякушка в его руках расцветала удивительными орнаментами, становясь бесценной. Однажды какой-то аскиз, павлин заезжий, один из тех наемников, что стерегли караванный путь, пролежавший у стен города, попросил ему наконечники стрел позолотить. Семей при этих аскизах не было, а деньги за службу платили немалые. Вот и изгалялись они, как тетерева на току, друг перед другом. Арыслан выполнил заказ, иаскизыначали к нему толпами ходить.

Вот и сызнава онпришел в артель и принялся за работу. Березка за окном оделась золотой финифтью, ее треугольные листочки, глянцевого от ночного дождя, колыхались на фоне пронзительной небесной бирюзы. Арысланзагляделся на резные листья, размышляя о новой безделице. Уже три месяца, как сердце его трепетало при виде юной Челушь. Глаза у нее продолговатые цвета лещины, щечки румяные, нежные, словно яблочки. И косы длинные в пол, цвета яхонта. «Еще в ту зиму совсем девочкой была. Как быстро время бежит!» Это для нее Арысланподарок готовил, порадовать хотел новыми сережками.

Сначала он боялся признаться ей, вокруг ходил, в глаза заглядывал. А она будто не замечала. Нос вздернет и мимо проплывет. Досада росла в сердцеАрыслана и, наконец, выплеснулась пылким признанием. Челушь ответила взаимностью и сказала, что он тоже частый гость ее девичьих грез. Они стали встречаться подальше от людских глаз. Арыслан, как мог, сдерживал свой любовный пыл, когда они сидели у реки или гуляли в березовой рощице. Он чувствовал себя в ответе за чистую, не познавшую жизни девичью душу, боялся напугать ненароком.АЧелушь, как будто нарочно дразнила его: то льнула кошечкой, то шептала что-то на ухо. Они были счастливы, и дело шло к сватовству. Оставалось лишь родительского благословение. Но об этом Арысланне беспокоился. Челушьбыла дочкой того самого хакаса, с которым он в артель вступил. Временами Арыслану казалось, что хакас его к дочке сам подталкивал.

Промелькнула тень и в оконном проеме появилась круглолицая белокурая женщина.

- Зачем пришла, Лияна? - спросил Арыслан, не поднимая глаз.

- Привет от брата принесла.

- Запоздала ты с приветом. Мы с твоим братом в ночнойдозор ходили, расстались на заре.

- Новость у меня есть для тебя, Арыслан. Ох, осерчает Сантай, если ты меня прогонишь, так осерчает, что головы тебе не сносить.

- Я ж сказал тебе, что другую полюбил.А Сантайя ты сюда не впутывай, чувства мои его не касаются - я ему не раб, он мне не господин. Не вали все в одно корыто:он мне друг, а ты женщина!

- Ты не понял меня, любимый.Прелюбодеев к лемехам привязывают и топором руки с ноги отсекают! Или не права я?

Арысланхотел ответить, но поперхнулся и закашлялся:

- Ах... ты!

Но Лияна, тем временем, ужескрылась.

- Постой! – Арысланвыскочил за ней ко двору.

Женщина обернулась:

- Уж две зимы минуло, как муж мой оставил этот мир и меня вдовой, - пропела она, как ни в чем не бывало. - Один сын без отца растет, так еще один будет. Не хочу я, чтоб еще одно дитя при живом-то отце безотцовщиной слыло! Твое дитя, любимый! – лицо Лияны дрогнуло, она провела рукой по животу: - Толкается.

- Как, дитя?! - Арысланскользя взглядом по ее широкому платью, оно и впрямь топорщилось по-особому.

Лиянаокинула его нежным взглядом и пошла прочь, а Арысланвернулся в артель. Он хотел забыться и снова принялся мастерить серьги. Не успел он остыть от разговора, как за спиной послышались легкие шаги, и маленькие теплые ладошки легли ему на плечи. Арыслан улыбнулся:

- Не боишься, что увит кто-нибудь, как ты ко мне в артель ходишь?

Худенькая, похожая на ребенка, девушка в дорогом парчовом наряде, обвила его шею:

- Может, не любишь ты меня?!

Арысланпоцеловал надушенные персидским маслом тонкие пальчики:

- Милая, есть люди на язык злые! Понимать должна: ведь не ребенок уже, да и я не старик.

Девушка обиженно отошла от него. Арыслан поднялся и, тихо ступая, встал у нее за спиной.

- И меня не боишься?

Он обнял ее хрупкие плечи и наклонился к самому уху. Челушьощутила тепло его дыхания, которое вызывало озноб. Она напряглась, как струна, боясь шелохнуться. Арысланпочувствовал это и только крепче прижал ее к себе. Даже через многочисленные складки одежды девушка почувствовала, как часто и сильно бьется его сердце. От незнакомого волнения Челушьощепенела, слова комом встали в горле:

- Пусти... Отец узнает – с тебя три шкуры снимет...

- Радость моя, не сердись! - засмеялся Арыслан, разжимая руки. - Вот взгляни, подарок для тебя! - Он показал неоконченные сережки, в которые постарался вложить всю нежность силу своего горячего нрава: в центре серебряного диска красовался сердоликовый «глазок», вокруг которого сплелись венком филигранные цветы и листья, окруженные серебряной зернью. По нижнему краю диска крепилась позолоченные миниатюрные листочки, испещренные выгравированными прожилками. - Станешь моей женой?

Челушьлукаво повела взглядом:

- Стану.

Она пристально посмотрела на Арыслана и убежала.

- Завтра гостей ждите! – крикнул ей вдогонку Арыслан. – Сватать с сестрой тебя придем!

Весь остаток дня Арысланходил сам не свой, а вечером, когда стемнело, отправился к Лияне.

- Хозяйка, пустишь в дом, - шепнул прелюбодей в полуоткрытую ставню.

- Через дверь ступай, что теперь таиться! – в полголоса ответила Лияна. – Только не шуми - Пьянза спит!

Арысланподнялся на крыльцо и вошел в сени. На сундуке в дальнем углу спал мальчик, лет десяти-двенадцати укутанный лоскутным одеялом. Гость на цыпочках прошел в избу. Лияна сидела у окна, распустив по плечам длинные пшеничные волосы. Тлеющая лучина, отбрасывала слабый свет на лицо и грудь молодой вдовы. Арысланподошел к ней, плотно прикрыл оконную ставню и сел рядом.

- Лемехами ты меня не пугай, - сказал он.

Лияна заглянула ему в лицо и заплакала:

- Не хотела я тебя пугать, в мыслях такого не было! Я любви твоей хочу!

Арысланвздохнул и отвернулся:

- Нет ее. Но дитя я сироткой не оставлю и над тобой насмехаться не позволю. Второй женой возьму, если пойдешь.

По заплаканному лицу Лияны скользнула улыбка:

- Пойду, - шепнула она.

- Но благосклонности не жди! - предупредил Арыслан и хотел подняться, но Лияна бросилась ему на шею.

- Останься!

Он отстранил ее и вышел в сени. У дверей его окликнул Пьянза:

- Дядя Арыслан, ты теперь мне вместо отца будешь?

Арыслан подошел к сундуку, на котором лежал мальчик, сел у него в ногах и провел рукой по лоскутному одеялу:

- Буду, Пьянза. Ты спи.

Он посидел, дожидаясь пока ребенок снова уснет, и вышел во двор.

Воздух был на удивление теплым, откуда-то тянуло дымком осеннего костра, видно на закате кто-то жег опавшую листву. Арыслан пошел домой и лег спать, а на утро был как вареная брюква. Вечером им с Сантьем опять предстояло в караул идти.

Встретились на валу.

- Будь здоров, Арыслан! – окликнул его Сантьей.

Арыслан опустил голову. Ему было стыдно в глаза другу смотреть. Не то что бы он братского гнева боялся, просто вину за собой чувствовал:

- И ты не хворай, Сантьей.

Сначала оба ходили по валу молча, разглядывали темнеющее небо. И вскоре на горизонте осталась лишь красная полоска. Сантьей тоже был не в духе, но к Арыслану это никакого отношения не имело.

- Что молчишь, черноголовый? – спросил, наконец, Сантьей.

Арыслан искоса посмотрел на него, белки глаз блеснули в полумраке:

- А что бы и не помолчать?

- Тоска берет, – сказал Сантьей.

Арыслан усмехнулся.

- Тебе-то чего тосковать?

- Поговорим? Язык-то на что?

- На душе у меня гадко, друг, – выдохнул Арыслан. – Забыться бы!

- Кто тебе в душу нагадил?

Арыслан отмахнулся:

- Не спрашивай.

Вдалеке, переливаясь в лунном свете, бежала река.

- Понимаю, – сказал Сантьей. – В граде нашем столько народу всякого: кто-то мил душе, кто-то поперек горла.

- А тебе кто поперек горла встал? – поинтересовался Арыслан.

Сантьей помолчал, кусая губы.

- Мокшей не люблю.

Арыслан засмеялся:

- Что тебе мокши плохого сделали? Вы же с ними, вроде, родня?

- А вот иной раз чужой человек роднее! – вспыхнул Сантьей. – Маскай, собака, так и вертится под окнами! Я в дозор – он ко мне в огород!

Арыслан изменился в лице:

- Ты что, друг, хозяйшечке своей, Маризе, не доверяешь?!

- Что ты! – усмехнулся Сантьей. – Она умница! Впрошлый раз метлой причесала гада! Но ему науки той ненадолго хватило. И не ровняй ты меня, с ним. Родня она тоже разной бывает!

- Как бы я свою родню знал... – грустно проговорил Арыслан.

- Вот неугомонный! – покачал головой Сантьей. – Беды нет, так он сам ее себе придумает! За что дядьку Хамзю обижаешь?! Он тебя, подкидыша, как родного вырастил!

- Рося прием, как пасынок, словаласкового лишний раз не слышал! – огрызнулся Арыслан. – Не знаешь, так молчи!

- Может, ты и не заслужил их, – пожал плечами Сантьей. – Сам, сперва сына вырасти, а потом уж отца попрекай, что не так воспитывал!

Арыслан бросил косой взгляд на Сантьей: неужели знает? Но тот снова затянул свою песню про мокшей. Арыслан некоторое время молчал, глядя вдаль, туда, где, искрясь в лунном свете, несла свои воды река, а потом сказал:

- Знаешь, Сантьей, на земле когда-то могучее царство было. Про него еще деды наши помнили. Веришь, там народу столько всякого жило. И никто ни кому не мешал. Все как братья друг другу были, хоть и от разных племен рожденные, как мы с тобой. Говорили, что одним днем они в мечети ходили, другим – в церквях христианские, третьим – в синагоги.

- Чудной порядок! – усмехнулся Сантьей. – А ежели кто против был?

- Так в том и соль, что все это по взаимному согласию происходило! Сосед соседа уважал, на том мир и держался! -Арыслан многозначительно замолчал.

- А потом что с царством этим стало? – спросил Сантяй. - Враги разграбили?

Арыслан покачал головой:

- Нет, Сантяй. Брат на брата руку поднял. Как пень трухлявый изнутри прогнила могуча держава. Ни каких врагов не понадобилось.

Вскоре начало светать. Арыслан вернулся домой и лег спать, уткнув лицо в старый малахай от которого резко пахло овечьей шкурой. Он столько всего передумал за эту ночь, что голова разрывалась от мыслей. Только Арыслан закрыл глаза, как вдруг на крыльце послышался шорох.

- Кого несет ни тьма, ни заря?! – крикнул Арыслан, не вставая с лавки.

- Это я, любимый мой, - почудилось ему сквозь сон.

Арыслан подскочил. Он вспомнил, что обещал Челушь накануне. Наверное, он проспал срок их условленной встречи, и теперь девушка сама пришла к нему.

- Челушь, и не боишься ты злых языков накануне-тосвадьбы, – укоризненно проворчал Арыслан.

- Уж все языки мозоли натерли! – раздался в сенях голос Лияны. – Чего мне бояться: ты не женат, я вдова. Кто нас за любовь осудит?

Арыслан сел на лавке и потер лицо:

- Уйди, во имя Всевышнего! Не люблю я тебя!

За окном уже разливалась холодная осенняя заря.

- Ты сыну моему обещал отцом стать, – холодно напомнила Лияна и села рядом. – Или забыл ты, как тебя отец с матерью сиротой оставили?

- Знаешь, как укусить побольнее! - усмехнулся Арыслан. – То лемехами пугаешь, то совестью!

Он поднялся и вышел на крыльцо. Яркое солнце прыснуло в глаза, Арыслан закрылся ладонью. Лияна, робко ступая, вышла вслед за ним.

- Может прибраться у тебя? Живешь, как паук в паутине!

- Иди домой, - через плечо ответил Арыслан. – Вечером к тебе приду, потолкуем.

Он не заметил тени, мелькнувшей вдоль стены дома и скрывшейся за углом.

Солнце медленно поднималось над лысеющими верхушками березок и осин. Арыслан вернулся в дом. Лияна права: как он живет - пыль по углам сбилась в кучи, потолок паутиной зарос. Женщину в дом надо.

Поразмыслив о том, Арыслан пошел в артель, но инструмент валялся из рук. Тогда он забросил его и отправился на речной брод. Туда он еще мальчишкой бегал, когда на душе скверно было. На воду посмотрит, камешки в реку покидает и, вроде, легче становится.

Не доходя брода, там, где река была еще глубокой и тихоструйной, Арыслан заметил в камышах Хамзю. Отчим удил рыбу. Его темное лицо пробороzdили глубокие морщины, некогда черную бороду, словно пеплом обсыпало. Как же он постарел! Что говорить, когда Арыслан уж тридцать зим с лишком по земле ходит, виски подернула первая седина.

- Мир тебе, дядя Хамзя! - крикнул Арыслан.

Мужик обернулся.

- И тебе мир. Что-то дома давно не появлялся.

Арыслан сел рядом.

- Дела, дядя Хамзя.

- Знаю, я про твои дела, - вздохнул отчим. - Вдова Лияна на глазах добреет.

- Так урожай с полей сняли, амбары у всех зерна полны, - уклончиво ответил пасынок. – Вон у самого-то щеки надулись!

Косматые седые брови старика нахмурились, глаза блеснули из-под опавших век.

- Дурака из дядьки Хамзи делаешь? Аль не знаю я, в чей огород ты всю весну задами бегал?!

Арыслан повесил голову, но в тот момент из-за кустов послышался глухой стон, словно вздох, и плеск воды. Вмиг что-то надорвалось в душе Арыслана. Ломая камыши, он кинулся туда и успел заметить пузырем надувшуюся белую тряпку, которую в то же мгновение поглотили темные воды. Арыслан прыгнул следом. Вскоре руки его коснулись мягкого тела. Он прижал его к груди и вынырнул, жадно хватая ртом воздух. Черноволосая девичья головка безвольно упала ему на плечо. Арыслан вытащил утопленницу на прибрежную отмель и похлопал по щекам:

- Челушь! Милая, зачем?!

Но та оставалась неподвижна. Девушка нахлебалась воды и лишилась чувств. Сизыми от серебряной стружки пальцами Арыслан разомкнул нежные губы, затем, положив ее голову себе на колено, несколько раз сдвинул грудь. Челушь закашлялась, струйка воды вытекла из уголка рта. Она распахнула мутные глаза и улыбнулась:

- Арыслан?

Он помог ей сесть. Челушь бросилась ему на шею и заплакала.

- Милая моя, - он погладил ее упругую, как персидское яблочко щеку. - Кто тебя обидел?! Скажи, я голову с плеч сниму!

- Зачем ты меня спас? Не хочу я жить!

- Почему? Смотри, как чудесно кругом: небо в бирюзе, лес золотом оделся! Пошли домой!

- Не нужна я тебе! Ты надо мной насмеяешься! - Она заплакала с таким отчаянием, что у Арыслана задрожали руки.

- Что за блажь?! Кто тебе и чего наговорил обо мне?!

- Скажи, - лепетала Челушь, размазывая по лицу сурьму, которой были подведены ее глаза, - ты любишь ту женщину, что ребеночка ждет?

Арыслан застонал и уткнулся лицом в ее колени:

- Ты откуда про нее знаешь?!

- Я видела, как вы утром на крыльце прощались.

- Что ж теперь, конец любви нашей?!

- Не хочу жить!

- Хорошо, - сказал Арыслан, - но знай: если ты умрешь, я следом за тобой в омут прыгну!

Челушь подняла заплаканные глаза:

- Как же ты между нами выбирать станешь?

Арыслан тягостно ухмыльнулся:

- Я волгарь, мне по веречетырех жен иметь дозволено. Но ты не думай о том и не плачь. У меня нет любви к этой женщине. Была когда-то, да вся вышла. Она со мной потолковать приходила, но я прогнал ее. Слышишь, прогнал!

Челушь покачала головой:

- Я думала, для тебя единственной буду.

Арыслан положил шершавую теплую ладонь на ее дрожащую ручку, словно пытался согреть:

- Женщина эта – грех мой. Ты не думай о ней: она в своем доме будет жить - мы в своем. Ты ее и видеть не будешь!

- Может, и ко мне у тебя любви нет?

- Есть! Клянусь тебе Отцом небесным, жизнью своей, чем хочешь!

- Сейчас есть, так потом пройдет, экий ты непостоянный оказывается.

Арыслан прищурился:

- Не пройдет, и не надейся! Ты всю мою жизнь с ног на голову перевернула! Идем.

- Куда?

- К отчиму. Хочу ему жену свою будущую представить.

- Ты сперва у моего отца дозволения на то спроси! - напомнила Челушь.

Арыслан хитро улыбнулся:

- А считай, что я украл тебя!

Челушь растерялась, и Арыслан, пользуясь этим, увлек ее за собой:

- Идем, идем. Я потом твоему отцу такой откуп заплачу - он в обиде не останется!

Держась за руки, они вышли из-за кустов. Хамзя обернулся, услышав за спиной шорох:

- Это что за егоза?!

Челушь опустила голову.

- Жениться хочу! - сказал Арыслан. - Прими (он замешкался) ... отец, мою жену, свою невестку.

Хамзя скупо улыбнулся:

- Здравствуй, доченька. От чего же я лица твоего не вижу?

Та робко подняла голову.

- Мир вам, дядя Хамзя. Благословите нашу любовь.

- Любовь? - усмехнулся старик. - Отец-то знает про любовь?

Челушь густо покраснела:

- Знает.

Хамзя смерил молодых пристальным взглядом:

- Что с вами делать, вы ж родительского совета не спрашиваете, когда влюбляетесь! А и против бы был, вы ж по своему сделаете. - Челушьснова опустила глаза, казалось, что она вот-вот расплчется. - Ну-ну, доченька, - смягчился старик. - Балагурю. Свою молодость вспомнил... - Он как-то сконфуженно замолчал, задумался, а потом словно очнулся: - Примите мое отцово благословение. Живите в любви. Да пошлет Аллах ребятишек смысленных и крепких, отцу с матерью на радость.

Арыслан присвиистнул и, схватив прибрежный голыш, пустил его прыгать по воде. Челушь засмеялась. Потом они убежали, держась за руки, а их звонкий смех еще долго эхомразливался над рощицей. Хамзя загрустил.

- Молодежь! - проворчал он. - Всех сомов распугали!

В тот вечер Челушь сама привела в родительский дом своего избранника. Событие это для старика хакаса не было неожиданностью, напротив, он молил богов о скорейшем замужестве своей дочери. Нет, вовсе не гнал он ее из отчего дома, просто искренне считал Арыслана достойным мужем. Большого калыма он с зятя не взял (знал, сколько можно запросить), но тот и сам не скупился на подарки. А спустя месяц в дом Лияны пришла с подарками дочь Хамзи - сводная сестра Арыслана. Она просила вдову стать второй женой брату. Лияна приняла предложение, которого так страстно желала, и через несколько дней Арыслан сочетался с ней браком.

Надо отдать должное двоеженцу: клятву верности данную Челушь он сдержал. Они жили в большой любви, но и Лияну Арыслане оставлял вниманием и заботой. Будучи на сносях, она особенно нуждалась в его поддержке. Челушьне ревновала горячо обожаемого мужа. Напротив, она полюбила Лияну, как родную сестру, и тоже по возможности оказывала ей всяческую помощь.

Время бежало своим чередом. Дни становились короче, перелетные птицы стаями потянулись через степь на юг. Жухлая листва подернулась инеем, землю сковал безснежный морозец. Лияна раздобрела и ходила, тяжело переваливаясь, как уточка. Живот у нее торчал «колышком», и все вокруг твердили, что разродится она богатырем.

Округлилась и Челушь. Юношескую угловатость сменила женская мягкость тела. Как-то она попросила отнести ее к прорицателю, сказала, что хочет узнать судьбу. Арыслан уступил женской блажи. Пока старый ведун колдовал над его молодой женой, он ждал у ворот. Наконец, выскочила Челушь. Ее круглое личико светилось от радости. В руках она сжимала какую-то безделицу на кожаном шнурке.

- Что он тебе сказал? - улыбнулся Арыслан. - От чего ты сияешь?

- Сказал, что ты любить меня будешь до самой смерти. А чтобы счастье наше сохранить вот оберег дал, велел тебе на шею повесить.

Арыслан отстранился:

- Сама носи, коли веришь. Я ж не против. Сам не одену. Бесовское это, от нечистого.

Челушь смутилась, спрятала амулет на груди и сказала, глядя не посроку раздутый животик:

- Еще ведун сказал, что двое сыновей у нас будет.

Сантай, меж тем, время зря не терял. Как-то он подкараулил Маскаю, когда тот крутился у его окон, и намял бока. Но надвигающаяся большая беда в одночасье потеснила все эти мелкие невзгоды.

Однажды у городского вала появился измученный, избитый человек в разорванной одежде. Взялся он невесть откуда, словно гриб после дождя из-под земли вылез.

В тот день караул несли Маскай и Сантай. Оба косо поглядывали друг на друга, иногда перекидывались ядовитыми словечками, но в открытый конфликт не вступали. Маскай побаивался соперника, поминая его кулаки. Вдруг внизу они приметили путника.

- Стой! - крикнул Маскай, целясь в пришельца копьем. - Куда тебя несет, не видишь карательных?

Человек поднял бледное лицо с большими впалыми глазами:

- Люди добрые, я пилигрим, я бежал от узкоглазых варваров. Они подобны бушующему потоку.

Человек тяжело выдохнул и упал на рыхлую насыпь, у подножия вала. Маскай убрал копье и спустился к нему:

- Где они?

- В дне пути, может ближе.

Маскай помог незнакомцу подняться и проводил его в город. Странник был плох, временами бредил. Маскай привел его к себе и оставил на попечение домочадцев, а сам вернулся в караул.

Вечером, придя со службы, он застал гостя в крайне тяжелом состоянии. Странник почти все время был без чувств. Временами он что-то кричал в бреду, час от часа ему делалось хуже. С рассветом он умер. Маскай вскочил, услышав сквозь тревожный сон его тяжелый хрип. Перед смертью пилигрим просил, чтоб его схоронили за амбарами в старинном могильнике, во всяком случае, так показалось Маскаю из того, что он успел разобрать.

На заре он взял лопату и отправился к указанному месту. Старый могильник представлял собой небольшой, наполовину просевший курган, притулившийся у западной крепостной стены. Кого и когда в нем хоронили, уже никто не помнил, но горожане чтители могильник, а потому не трогали. Вход в него закрывала дубовая дверь без петель, за которой была каменная плита. Маскай навалился на плиту, но к его удивлению она легко отошла, и открылся вход в подземелье. «Вот, так да!» – присвистнул Маскай. Он переступил порог могильника и по деревянным ступеням стал спускаться в тоннель.

Прелый воздух пах землей и погнившей травой. Маскай остановился на границе света и мрака и огляделся. В недра земли уходила деревянная лестница. Стены и потолок подземелья были мазаны глиной и укреплены деревянными стропилами. «Вот, значит, как пилигрим посреди поля вырос, – подумал Маскай. – От врагов по норам ушел!» Он выбрался из подземелья, вход снова завалил плитой и накрыл деревянной дверью. Потом в теле кургана Маскай выкопал углубление, где и схоронил несчастного пилигрима.

Вскоре весть о неотвратимой беде облетела город. Она сплотила горожан. Все, кто был в силе, рыли «волчьи» ямы, чтобы сдержать натиск монгольской конницы. Дно таких ям посыпали «чесноком», трехгримметаллическими крюками, наподобие массивных рыболовных снастей. По центру каждой ямы располагался заостренный кол.

Арыслан поставил чеканный промысел и помогал в кузнице. Теперь он ковал наконечники для стрел и копий. Мечи, щиты, кольчужные кольца, нагрудные пластины дюжинами выходили из-под кузнечных молотов. Ведун и лекари – все, кто что-то смыслил в траволечении – месили яды для стрел. У стен города постоянно несли караул отряды аскизских конников, сменяя друг друга. Часть их пошла навстречу монголам, чтобы сдержать натиск и дать возможность горожанам подготовиться к длительной осаде. Горожане знали силу и жестокость врага, с которым им предстояло встретиться лицом к лицу. Но пилигрим ошибся: монголы появились только на пятые сутки.

Аскизам удалось задержать их в пути, хотя их силы уступали противнику. Конники окружили стан врага глубокой ночью. Тихо «сняли» караульных, так, что те не успели даже охнуть, а затем с ужасающим кличем налетели на спящих. Многих монголов они перебили в ту ночь, а с рассветом пустились в бегство, вглубь непролазных лесов. Здесь их отряд ожидало подкрепление, прибывшие из города. Со свежими силами аскизы устремились на врага. Но монголы разгадали их уловку и вернулись к прежнему маршруту, оставив против хитроумных защитников небольшую часть своей конницы. Основные же силы двинулись дальше на город.

«Враги!!!» – возглас над соборной мечетью, как раскат грома, оборвал утреннюю песнь муэдзина.

Горожане, кто владел копьем и мечом, вышли к валу, но ряды их оскудели, едва среди пролеска показались черные вражьи всадники. Многие бежали за стены города. Оставшиеся живым щитом встали на крепости. Сантяй и Арыслан поднялись на стену вместе со всеми. Челушь осталась дома, ей в тот день нездоровилось. Маскай же, расхрабравшись, вышел к валу, но потом струсил и вернулся в город.

Оставшиеся на валу, были перебиты в одночасье. Монголы потеснили защитников, но к стенам крепости приблизиться не сумели. Кони уходили под землю, ступая на прикрытые ветками и запорошенные первым снегом «волчьи» ямы. Поредевшая конница отступила к лесу, где попала под обстрел оставшихся в живых аскизов. Чтобы не тратить силы, монголы «откатились» вглубь степи, и аскизы беспрепятственно заняли прежние позиции у крепостных стен.

Первый успех ободрил горожан. Но затишье длилось недолго. «Зализав раны» монголы

бросили на город новые силы. Бой возобновился. Конница зажала город в «клещи» (так как подобраться с тыла к стенам крепости было невозможно из-за глубоких рвов). Стрелы, выпущенные с городских стен, до врага не долетали. Но и монголы идти на сближение не торопились. Они выжидали, словно стая волков.

- Измором берут, собаки! – Сантяй сплюнул, щурясь, глядя на вражеские орды.

В это время от монгольского стана отделились несколько конников и двинулись в сторону крепости. Они предложили сдать город без боя, в этом случае жителям гарантировалась пощада. Но горожане ответили молчанием. Парламентеры вернулись в стан, и до захода солнца больше ничего не происходило. У защитников крепости сдавали нервы.

Солнце село, и теперь в неверном лунном свете казалось, что горожане ослабили позиции. Монголы без предупреждения снова пошли на штурм. Но защитники были начеку. Со стен полетел град стрел и мелких камней. Кони монголов поднимались на дыбы от хлестких ударов каменной картечи. Не сумев сломить оборону, они были вынуждены отступить, и ночь прошла относительно спокойно.

С рассветом бой возобновился. На смену раненым и ослабевшим монголам приходили новые. Словно бесы возникали они из ниоткуда, и не было им конца.

Из-за леса пригнали повозки с укрепленными на них осадными арбалетами. Следом появилась громадная камнеметная машина на конной тяге. Ее вращающаяся башня, как голова великана, поднималась над молодыми осинками. Катапульта замерла в боевой готовности – ее черед не настал – монголы выгнали ее для устрашения. Затем, узкоглазые подпалили горючую смесь и опустили в нее наконецники стрел, обмотанные паклей.

Горящие стрелы градом падали на город. Жители с плачем и воплями метались по улицам, прятались в избах. Дома вспыхивали, подожженные адским огнем. Люди оказывались заключенными в огненном плену. Стоны и плач сливались в монотонный гул. Те, кто не успел спрятаться, падали замертво пронзенные стрелами или вспыхивали огненными столбами прямо посреди улицы.

Сердце Челушь разрывалось от неведения. Она не находила себе места в четырех стенах. Арыслан строго настрого запретил жене показываться на улице. Вдруг со двора послышались шаги и закрипели ступени. Встревоженная Челушь распахнула дверь, и на крыльце увидела незнакомого мужика, который прятался там от монгольских стрел.

- Ах ты трус несчастный! – вскричала Челушь. – Решил схорониться!

Мужик окинул Челушь недобрый взглядом и криво ухмыльнулся:

- Краса-девица! Вдовой станешь – ко мне приходи!

- А ну, вон пошел! – Челушь выхватила кинжал (подарок Арыслана), который носила у пояса.

- Ишь ты, какая строптивая! – мужик шагнул ей навстречу и одним махом выбил кинжал из маленькой ручки.

Челушь закричала. Он втолкнул ее в сени и зажал рот. Челушь стала отбиваться, но мужик навалился на нее грузным телом и прижал к стене.

Тем временем у Маская разыгралась совесть. Поборов слабость духа, он решил вернуться. Проходя мимо Арысланова дома, он услышал женские вопли и мужскую брань, хотя точно знал, что хозяина дома нет. Недолго думая, Маскай вбежал в избу, и, увидев мужика, огрел его черенком от лопаты, которая попала под руку. Мужик заревел и, оставив женщину, кинулся на обидчика.

Меж тем монгольские орды прорвали оборону и подошли к обводному рву у стен города. Конница поредела, поломавшись на «волчьих» ямах, но это не ослабило вражьего духа. Монголы подогнали ко рву обшитые стальной броней повозки с лестницами, из которых, как бесы, полезли лучники. Через ров перекинули раздвижные лестницы, но шквал отравленных стрел, пущенных с крепостных стен, заставил их отступить.

Сантяй и Арыслан все это время были на стене. Арыслан неплохо стрелял из лука (с детства имел это пристрастие). Он и сейчас не расстался с ним. Крепкий телом Сантяй предпочел камни, которые он швырял в головы осаждающих. Рядом с ним на земле лежала трехметровая пика, на случай, если придется идти в лобовую атаку. Монголы ссыпались вниз со стен, как муравьи, сбитые защитниками крепости, и тут же им на смену ползли новые. В какой-то момент край осадной лестницы, оказался в поле зрения Сантая. Он ухватился за нее и силой толкнул от стены. Лестница встала перпендикулярно, затем упала в обратную сторону, смешав ряды захватчиков.

Рядом с Сантяем и Арысланом пристроились мальчишки лет двенадцати-четырнадцати,

и, несмотря на упорные уговоры, уходить со стены отказались. Им тоже нашлось занятие – подростки подтаскивали стрелы и камни. Вскоре к ним поднялся Маскай.

- Эй, болгар! – крикнул он сходу. – Домой беги, я подменю тебя!

- А что стряслось?!

- На жену твою червь какой-то покушался, но я ему отбилохоту! Ступай, проведай, как она.

Арыслантут же побежал кЧелушь. По дороге он заметил, что подожженная стрела вонзилась в соломенную крышу ддькиного дома. Огонь языками расплзся в разные стороны. Мгновенно охватив избу,он рыжим зверем спрыгнул на крыльцо.Арыслан знал, что дядька внутри. Старик был уже слаб, и проку от него на стене было бы мало, одна суета. Поэтому, Хамзя остался дома, начиная ядом стрелы, которые потом быстроногие мальчишки относили Арыслану. Сейчас Хамзя оказался отрезан от мира огненной стеной. Арыслан кинулсяв избу.

Тем временем Маскай и Сантяй оказались бок о бок на линии огня.

- Ты прости меня, брат, - крикнул Маскай, поворачиваясь лицом к Сантяю. - Хочешь, я тебе тайну открою?

- До вражды ли сейчас, - кивнул Сантяй. - А что за тайна?

- За амбарами могильник есть, в немподземный ход!Коли выживем – уйдем по нему!

- Куда идти– враги кругом!

- В тыл им уйдем!

- А куда ведет он?

- Не знаю. Мне его пилигрим указал перед смертью. Он дубовой ставней закрыт. Откроешь ее - вроде нет ничего, земля и камни, а камень отвалишь – там ход откроется. Я его опять камнем завалил...

Маскай не успел договорить.Острие копья, пущенного монголами, вошло ему в левый висок и вышло под правым ухом. Его кровь забрызгала Сантяю лицо.Маскай пошатнулся и упал на Сантяя, несколько стрел вонзились в его спину.

Арыслан, тем временем, вбежал на крыльцо дядькинойизбы.Лицо обожгло горячим воздухом, огнем опалило брови.

- Дядя Хамзя! Дядя Хамзя! – закричал Арыслан.

Где-то внутри дома раздался грохот: видимо рухнула балка. Арысланбросился к окну, еще не обьятому огнем. Пленка бычьего пузыря, которым была затянута рама, оплавилась и съежилась. Арысланпрорвал ее кулаком и влез в окно. Хамзя с нечеловеческим воем корчился на полу, охваченный пламенем, которое ореолом расплзалось от упавшей балки по всему полу. Арыслансхватил волчий тулуп и крепко обжал им тело отчима. Пламя спало, но старик не переставал реветь. Арысланвзвалил его на плечи и подтащил к окну. Там он кое-как перекинул грузное тело через подоконник и вытолкнул наружу.

Тем временем вслед за стрелами из-за крепостных стен полетели копья, выпущенные из многозарядных монгольских арбалетов. Копья, попадая в цель, пробивали ее словно спелое яблоко.Арысланоттащил отчима под крышу сарая, туда еще не успело добраться пламя. Хамзя был очень плох: лицо и руки его были сожжены до мяса.

- Сынок, - прохрипел Хамзя. – Ты не знаешь... Ты... должен знать.

Голос его срывался, он тяжело глотал ртом воздух.

- Молчи! - твердил Арыслан. – Молчи, силы не трать!

Глаза Хамзи вмиг прояснились, взгляд сделался страшным:

- Ты родной мой сын!

- Как?! – Арысланвмиг оцепенел, словно оглоушенный.

- Родной сын - кровь от крови...Твою матушку я повстречал, когда, с караваном в земли алановходил. Звали ееМарьямой.Происходила она от княжескогохазарского рода.Не по нраву ее семье пришелся: простолюдин, да к тому же иноземец. Я увез ее тайком. Мы скитались по чужим землям, думали не найдут нас... Они отняли у меня Марьяму...Ночью выкрали... Замуж силой хотеливыдать. Она вернулась ко мне уже с тобой во чреве... Сбежала...

- Что потом с матушкой моей стало?

-Мы таились от всех, но злые языки вездесущи... Они нашли ее ...и отравили. Отравили, когда она на сносях была. Но ребеночка Марьяма родить успела... Жена моя будущая повитухой при ней была, от матери своей мастерство унаследовала.Вместе мы тебя растить стали.

- Почему? – застонал Арыслан. – Почему я не знал?

- Умирая, Марьяма с меня слово взяла. Умоляла она, сохранить тебе жизнь. Сохранить, во что бы то ни стало! Тем же днем на постоялом дворе продажная девка рожала. Мертвого младенца она принесла и сама в родах померла. Мы схоронили ее дитя вместе с Марьямой. А тебяжена моя выходила... А потом, за это благодеяние, Всевышний нам с ней еще деток послал. Я боялся, что аланы найдут тебя и убьют, поэтому и растил без любви, как чужого. Боялся, что лицом своим ты выдашь родствонаше, но ты видно не в меня пошел...

Хамзя замолчал – Арысланзаплакал. Вдруг старик дернулся в предсмертной агонии, из последних сил вскинул голову:

- Сбереги жен... в них твоя вечная жизнь... - голос его оборвался, голова упала на землю.

Арысланутер слезы и затащил тело отца в сарай. Там в полу была дверь, а под ней ход, ведущий в погреб. Туда и отнес Арысланпогибшего старика. Потом, как в бреду, он вернулся в горящую избу за отравой для стрел. Куда-то подевались отчаяние и страх. Казалось, смерть уже не страшила его. Как же так, почему тридцать лет он считал Хамзю чужим? Почему сердце ни разу не дрогнуло? В иноземцах он родство свое искал, а оно рядом было. Он забрал отраву и выбрался на улицу.

- Арыслан! – гаркнул в ухо Сантяй, хватая его за руку.

Тот очнулся.

- Бабы твои где?! Бери их и веди к могильнику за амбарами! Малых, хворых, немощных – всех собирай и к могильнику веди!

- Что?

Но Сантяй уже убежал, а голос Арыслана потонул в гуле стенаний. «Сбереги жен... в них твоя вечная жизнь...» – как наяву прозвучали в голове последние слова отца.

Опомнившись, Арысланбросился домой, но Челушь там не было. Арысланобыскал весь дом и нашел ее в подполе без сознания. Он вынес ее на крыльцо и привел в чувства. Челушь вскрикнула, не узнав мужа, черного от копоти, с безумным взором.

В это время с неба послышался рев и свист. Арысланподнял голову и увидел, как огромный валун врезается в минарет соборной мечети. Кирпичи градом посыпались из пробоины. Это монголы привели в действие катапульту.

- Бежим! – крикнул Арыслан.

- Я не пойду без отца! – категорично заявилаЧелушь.

Вместе они побежали к дому тестя, но тот был пуст.

- Может он на крепости? – сказал Арыслан. – Пошли к амбарам, молю тебя, не упрямясь!

Тут они услышали возню в избе. Арыслан оставил жену в сенях, а сам снова вернулся в дом. Шорох исходил из-под пола. Волгарь откинул крышку погреба и сталспускаться вниз по лестнице. Хакас в это время закапывал свое добро: деньги, золото, чеканные изделия, надеясь, что однажды они ему понадобятся.

В этот момент в небо над городом взвился огненный шар. Оставив за собой дымный хвост, он упал за домом тестя, и тут же вспыхнул страшный пожар.

Челушь закричала, принялась звать отца и мужа. Огонь с огорода перекинулся на дом и через продух проник в подпол. Маленькое помещение быстро заполнилось едким тяжелымдымом. Арысланслышал хрипы и стоны тестя из-за черной дымовой завесы, но помочь ему уже не мог. Хакас задыхался в огненном плену. Арыслан второпях выбрался из подпола и захлопнул крышку.

Челушь бросилась к нему:

- Где отец?!

- Нет там никого, кошки видно шуршали, - соврал Арыслан. – На крепости он, наверное.

- Отец! Отец! – закричала Челушь.

Но Арыслан взвалил ее на плечо и вместе с ней побежал к амбарам.

Монголы продолжали забрасывать город страшными огненными шарами и каменными ядрами. Горожане на улицахпытались потушить расплзающееся пламя. Его засыпали мешаниной из песка и снега, заливали водой. Но этот адский огонь, казалось, не боялся ни того, ни другого.

Сантяй, тем временем, собрал своих домочадцев, малолетних соседей, еще каких-то баб с ребятишками и повел к могильнику. Многие уходить отказались, жены не хотели оставлять мужей, пожилые родители –детей и внуков. И все-таки у могильника собралось человек, в общей сложности десятка три. В толпе Сантяй заметилАрыслана и подошел к

нему. Тот передал ему Челушь, а сам побежал за Лияной.

Дом эрзянки горел, крыльцо и сени поглотило пламя. Арысланполез в окно. Лияна лежала на лавке, держась за живот, и тяжело всхлипывала. Он попытался поднять ее, но она воспротивилась.

- Пьянза где?! – заорал Арыслан.

- В сенях!

Сени были в огне. В углу Арысланзаметил бадью с водой для умывания. Он облил ей себя и Лияну а остаток выплеснул в сенной проем. Вода зашипела, обращаясь тяжелым смрадным паром. Языки огня попятились, отступая перед водной атакой, хотя и не погасли. Арысланшагнул в сени:

- Пьянза!

Мальчик прятался за сундуком, он дрожал и мычал, словнонемой. Арысланукутал его своей мокрой телогрейкой и вместе с Лияной вывел на улицу, через узкий, отвоеванный у огня коридор. Со всех сторон бежали ополоумевшие от страха люди. Одному из них снесло голову каменным снарядом прямо на глазах у беглецов. Кровь из разорванной артерии фонтаном брызнула вверх. Лиянаприняласьплакать,ладонями закрывая лицо и голову Пьянзы.

- Бежать надо! – крикнул Арыслан.

- Куда бежать-то?! Конец нам пришел!

- За мной!

Прячась за заборами и сараями, они стали пробираться к могильнику.

Сантяй, тем временем, подобрал зажженную стрелу, которая еще не успела догореть, и подпалил от нее масляную лампу, прихваченную из дома. Дождавшись Арыслана, он вскрыл могильник, и глазам изумленных людей открылся ход, уводящий под землю. Освещая горячей стрелой, как факелом путь, Сантяй пошел первым, остальные с масляной лампой за ним. Накалившаяся от пламени стрела жгла руки, иСантяйю пришлось обмотать ее кушаком.Когда они спустились на дно подземелья, то оказались в просторной камере. Деревянных укреплений здесь не было, а пол и потолок были тщательно оштукатурены. Судя по тому, как трепетало пламя, в подземелье была тяга.

Далее камера сужалась, становясь опять коридором. Беглецы шли по нему несколько часов. Тоннель петлял змеиными кольцами: то чуть поднимался, то снова опускался. Кое-где глиняный пол растрескался, и была видна земля.

Куда ведет этот ход? – спросил Арыслан.

- Не знаю, - ответил Сантяй. – Маскай не говорил.

- Слышишь, Сантяй! - снова окликнул Арыслан. – Я думаю этот коридор - старое подземное русло, значит, идет он вдоль течения реки.

- Почему?

- Не лопатами жеего рыли -это сколько труда надо!И потом, если б его деды наши копали - память бы осталась. Значит, он испокон вековздесь был, только его обиходил кто-то.

- Ну и что с того?

- Я думаю, это обмелевшая подземна река.

- Это где ж видано, что б реки под землей текли! – усмехнулся Сантяй.

- Мне персиянин говорил, что под Евфратом наземным есть подземный Евфрат.Раз под землей реки у них текли, значит, и у нас могут. А коли была река, русло должно остаться. Если этот ход подземное русло, значит, идет он вдоль течения верхней реки или около.

- А конец-то у него есть? - спросилСантяй. –

- Должен быть. Ради чего ж тогда ход этот в порядке содержали?

Чем дальше уходили беглецы в подземелье, тем тяжелее становился влажный липкий воздух.

- Словно в ад спускаемся, - сказал Арыслан.

- Что такое ад? – спросил Пьянза.

- Убереги тебя Всевышний, - ответил Арыслан, - чтоб не узнал ты этого никогда. Туда грешные люди попадают, когда земная жизнь для них заканчивается.

- Так это, стало быть, все там будем, - ухмыльнулся Сантяй.

- Не нам то решать! – отрезал Арыслан.

Вдруг пол под ногами хрустнул. Сантяй не успел охнуть, грунт обсыпался, и в мощеном полу открылось отверстие. Все, что было сверху, устремилось вниз, увлекаемое осыпающейся землей.

- Арыслан! – крикнул Сантяй, неглядя, хватая простертую руку.

Очнулись оба на дне ямы, похожей на старый колодец. Сверху еще сыпалась земля, где-то в недрах подземелья слышался истошный плач.

- Бегите! – крикнул Сантяй. – Дальше бегите!

Но причитания и плач не стихали.

- Детей спасайте! - крикнул Арыслан. - Если своих жизней не жалко, так о них подумайте!

Вскоре звук шагов и голоса стали стихать, и в подземелье воцарилась гробовая тишина. Она давила на уши и наводила нестерпимый ужас. Факел погас, засыпанный землей. Темнота была такая, что Арыслану показалось, будто он ослеп.

- Это и есть ад? – спросил в тишине Сантяй.

- Помолчи,- проворчал Арыслан.

- Делать надо что-то, не хоронить же себя заживо!

Арыслан молчал. Отчаяние, нарастающее с каждым вздохом, сводило с ума. Они сидели в полной тишине. Холод пронимал до дрожи. Время под землей словно остановилась, и явь, казалась сном.

- Что теперь с детьми, женами нашими станет? - сказал, наконец, Сантяй.- Помрут же с голоду в подземелье или замерзнут. Самому есть хочется, а они-то как?

- Жить хочется, - оборвал его Арыслан, дыша на озябшие ладони. – Что б жены, сыновья – все при мне были, чтоб небо ясное над головой... А ведь Хамзя мне родным отцом был.

- Как?! – опешил Сантяй, в миг забыв о холоде.

- Он, что бы меня спасти, их с матерью грех от всех скрыл. Всю жизнь молчал, а перед смертью признался.

- От чего же грех? Или она замужем была? - Не дождавшись ответа, Сантяй добавил:- Не говори, коль не хочешь.

- Мать моя из хазарских князей происходила, - помолчав, сказал Арыслан. – Не ко двору им отец пришелся!

Давай-ка выбираться отсюда, что пустое молоть!– Вздохнув, сказал, Сантяй. - Не вылезем, так хоть согреемся.

- Конец свой отсрочить хочешь? – съязвил Арыслан.

В темноте они поднялись и на ощупь обследовали стены подземелья. Кровь побежала по затекшим, окоченелым ногам, от чего их стало нестерпимо ломить. Западня представляла собой колодец со стенами из плотно подогнанных кирпичей, зазоры между которыми были недостаточны, для того, чтобы за них можно было зацепиться или, тем более, встать ногой. Но другого пути спасения не было. В кромешной тьме, на ощупь, цепляясь за обломки кирпичей, и корни деревьев, торчащие из стены, они полезли вверх. Но рукито и дело соскальзывали и пленники скатывались на дно. Несколько часов промучились Сантяй и Арыслан без толку.

Тем временем монголы разбили засады и вплотную обступили ослабевший город. И снова последовало предложение сложить оружие и открыть ворота. И снова горожане отвергли его.

Недолго продолжалась осада. Монголы тараном вышибли ворота и ворвались в город. Теперь бои велись в узких переулках. Горожане понимали – пощады не будет. Каждого, кто попадался на пути, монголы рубили наповал, раненых топтали конями. Пленных не брали. Непокорный город озлобил захватчиков. Они ворвались в него с единственной целью – уничтожить. Защитники сражались, как безумные - терять уже было нечего: монголы превосходили числом и вооружением. Горожане в большинстве своем сражались серпами и вилами против копий и мечей. Женщины дрались насмерть наравне с мужьями.

Но под землей этого не было слышно. Топот копыт и людские вопли вязли в толще мерзлого грунта. Сантяй и Арыслан сидели в западне, так и не сумев одолеть непреступную стену. Вначале Арыслан слышал только отрывистое дыхание Сантяйя, потом и оно стихло.

- Ты живой? – тихо спросил Арыслан.

- Живой, - отозвался Сантяй. – Как подумаю, что умирать будем медленно – страшно становиться. Лучше б сразу, как Маскай!

- А что, Маскай?

- Голову ему копьём пробило насквозь. Знаешь, он ведь у меня перед смертью прощения просил.

- Прости его.

- Я простил.

- Не нам решать: жить или нет, - вдруг сказал Арыслан. – Это на небесах решается. Но пока сердце бьется в груди, у тебя есть выбор, а у Маская уже нет. За него Отец небесный принял решение, а тебе, пока что, он отсрочку дает. Значит, не все ты исполнил, что тебе судьбой предназначено.

- Выбор? - усмехнулся Сантяй. – Не велик у нас с тобою выбор!

- Хочешь, я тебе, сказку одну расскажу? - спросил Арыслан.

Сантяй привычно кивнул, но в темноте этого было не видно. Его молчание Арыслан расценил, как утвердительный ответ и начал рассказывать:

- Давно-давно, когда еще дедов наших и дедов их дедов в помине не было, в те времена, о которых только легенды складывают, злые духи воздвигли стену между людьми и солнцем. Тьма поглотила землю, все живое стало замерзать. Тогда великий Нардуган-ворон вместе с сыновьями полетел к солнцу, чтобы разбить стену. Но горячие лучи стали обжигать их. Нардуган-ворон послал сыновей за медом, чтобы смазать ожоги, но сыновья смалодушничали и не вернулись к отцу. Ждал Нардуган сорок дней, и, не дождавшись, разрушил стену в одиночку. Свет пролился на землю и обогрел ее, а Нардуган сгорел в солнечном огне. Перья его упали на землю огненным дождем и обратились вороньими конями.

- Сыновья-то его куда подевались?

- Струсили. Предпочли во тьме от холода загнуться, а не биться на смерть за солнечный свет.

- Вот паршивцы! - покачал головой Сантяй. - А Нардуган погиб?

- Да, но Всевышний сжалился над ним. Он воскресил его вороном, который теперь в дни равноденствия слетает на землю.

Сантяй задел слова Арыслана, он долго молчал, потом спросил, желая скрыть замешательство:

- Это кто тебе про Нардугана рассказывал?

- ... Отец, - помолчав, ответил Арыслан. – Не хотел, чтоб я таким же вырос, как сыновья Нардугана... Эх, Сантяй, сколько всего сказать хочется - да некому!

Вдруг колодец осветился слабым всполохом огня, который после кромешной тьмы показался пленникам невероятно ярким. Сверху послышался шорох осыпающейся земли.

- Эй! Вы там?! – многократно умножаясь, звонкий голос Челушь отразился от стен колодца.

Арыслана словно стегнули плеткой. В полумраке он вскочил на затекшие ноги. Челушь свесилась над обрывом, держа над головой зажженную лампу.

- Милая, ты?! Почему ты не ушла?!

- Никто не ушел, - отозвалась та. – Куда мы без вас, а вы без нас! Я вам поесть принесла.

В свете лампы, Арыслан увидел котомку на веревке, которую Челушь аккуратно опускала в недра подземелья.

- Откуда это? – крикнул Сантяй.

- Пьянза добыл. Он в город бегал.

- Совсем ума лишились?! Мальченку монголам в лапы посылать!

- А что делать-то? Не землю ж мерзлую грызть. Он ради матери сам вызвался.

- Выберемся - уши откручу!

- Остынь, Сантяй, - осадил Арыслан. – Пьянза один среди них защитник, остальные бабы да ребятишки малолетние. На кого им еще положиться, если не на него. А что, в городе?

- Не говорит Пьянза. Как вернулся, так и молчит.

- Сейчас он где?

- Спит, наверное. Ночь ведь.

Наконец котомка достигла дна колодца, и пленники открыли ее. Она была доверху

заполнена спеченными ржаными зернами.

- Другой еды нет, - сообщила Челушь. – Пьянза только это добыл.

- И за то спасибо! – крикнул Арыслан, жадно ссыпая в рот пригоршню горького горелого зерна.

Когда они с Сантяем опустошили котомку, то на дне нащупали крынку со снегом. Тот частично оттаял от соседства с теплым зерном, и на дне крынки скопилась вода. Сантяй и Арыслан с наслаждением выпили ее. Снег в холодном подземелье таял только от прикосновения теплых ладоней, и осушить крынку залпом было невозможно. Пленники растирали руками стеки посуды, дышали на снег, чтобы тот скорее становился водой. Поэтому, поглощая жидкость маленькими порциями, оба смогли утолить жажду.

- Посвети-ка вниз, - попросил Арыслан жену, после того, как с трапезой было покончено.

Челушь занесла руку с лампой, как можно дальше над пустотой колодца. В тусклом свете Арыслан обратил внимание на пар, струившийся от собственного дыхания. Раньше он его не видел. А еще он отметил, что стены колодца вовсе не облицованы кирпичом, как ему показалось в темноте. Они были земляные, накрепко скованные морозом. То, что сначала Сантяй и Арыслан приняли за прорехи кирпичной кладки, оказалось трещинами в мерзлом грунте и торчащими из него обрывками корней каких-то деревьев.

Но даже свет лампы не облегчил задачу. Стены колодца были непреступны.

- Пьянзу клики! – крикнул Арыслан.

Челушь в момент скрылась, и подземелье объял мрак. Через некоторое время вдали забрезжил свет. Челушь появилась снова, а за ней шел мальчик, приемный сын Арыслана.

- Конец веревки держи! – крикнул ему волгарь (другой ее конец он отвязал от котомки и обмотал себя вокруг пояса). – Тяни!

Он полез первым, ведь крепкого телом Сантяя мальчик не вытащил бы. Пьянза напрягся изо всех сил, так, что синие жилки вздулись на его висках и запястьях. Вогнав острие поясного кинжала в мерзлую землю, Арыслан уперся коленями в стену и подтянулся на рукояти. Пьянза страховал его сверху. Цепляясь за все, что попадалось под руки, Арыслан пополз вверх. Временами останавливаясь, чтобы восстановить силы, он дышал на обледенелые кочки в надежде, что они немного подтают и станут податливее. Наконец ноги коснулись твердого пола. Пьянза с облегчением перевел дух. Волгарь, тем временем, отвязал от пояса веревку и бросил ее Сантяю. Тот выбрался следом.

- Ну, показывай, где вы схоронились, - сказал он, задыхаясь на каждом слове.

- Идемте! – Пьянза махнул рукой и побежал вперед по темному коридору.

За ним пошла Челушь, освещая путь масляной лампой.

- Долго горит, - отметил Шамсквар. – Откуда масло взяли?

- Сын твой, приемный добыл. Где – не говорит.

Так они дошли до той самой камеры с оштукатуренными стенами, которую миновали в самом начале своего подземного путешествия. В ней было не так холодно, как в коридоре, видимо строители нарочно утеплили ее, рассчитывая провести здесь определенное время. Был там припасен и хворост, из которого женщины тут же развели огонь. Хворост, по всей видимости, находился здесь давно, а не был добыт проворным Пьянзой, как еда и масло, а потому был сухим и прекрасно горел.

- Кабы враги не засекли нас по дыму, - спохватился Сантяй. – От могильника-то, небось, дым валит.

Пьянза покачал головой:

- Не засекут. Кругом все горит.

- Ну, рассказывай, сын, что в городе творится, - строго сказал Арыслан, усаживаясь перед огнем.

Пьянза недоверчиво оглянулся на мать:

- Пусть женщины выдут, - деловито сказал он.

Арыслан кивнул, и женщины одна за другой удалились в темноту коридора. Пьянза подошел к отчиму и склонился над ухом.

- Отец, страшная беда пришла! – зашептал он. – Враги ворвались в город. Мужиков

рубят прямо на улицах, баб с ребятишками в избы сгоняют и жгут. И ведь, черти, жгут таким огнем, что ничего потушить его не может! Меня один косоглазый схватил, когда я за зерном в амбар залез и тоже в избу потащил. Я его кусать стал, он меня на землю швырнул, хотел конем затоптать, но я увернулся и влез на крышу сарая, а по ней в продух и в овчарню, а оттуда на чердак и опять на крышу. Так и ушел.

- А в лампе что горит?

Пьянза замялся и потупил взор:

- Масло.

Арыслан скользнул взором по рукам его телогрейки и заметил на обшлагах пятна крови.

- Откуда взял?

- Жир это, бараний, - нехотя признался мальчик. - Они ж нелюди и скотину в хлеву порубили! Вот я и отгрыз жира кусок..

- Живые там остались? – спросил Сантяй. – Раненые?

Пьянза уставился в пол и, молча, покачал головой.

- Мы с тобой пойдем наверх, - подумав, сказал Арыслан, обращаясь к Сантяю. – Может, там помощь наша нужна. Ты, Пьянза, за старшего останешься. Если не вернемся через сутки - уводи женщин дальше в подземелье, ищи другой выход. Должен он быть.

На том совет был окончен. Когда поутру, грязные, как черти Сантяй и Арыслан выбрались из подземелья, жуткая картина предстала их глазам. Черное, будто вороново крыло, небо покрывало город, обьятый дымом пожарищ. Словно грозовая туча, временами озарялось оно всполохами огня. То была не гроза: горели дома, скирды, амбары, доверху полные недавно убранного зерна. Едкий воздух пропах гарью, комом стоял в горле и резал глаза. Повсюду лежали сотни изрубленных, обгорелых трупов. Снег под ногами сделался бурым от крови. Город был мертв.

Сантяй и Арыслан прошли через соборную площадь до городских ворот. Они оказались сбиты. В том месте, где когда-то крепились массивные петли, стена была обрушена. В эту брешь виднелся разбитый пограничный вал и лесостепь, усеянная искореженными доспехами, обломками щитов и копий, трупами коней и всадников. Сантяй и Арыслан прошли через ворота к пограничному валу. Дым здесь был не так едок, его разносил по лесостепи пронизывающий осенний ветер. Монголы ушли, но следы побоища раскинулись на многие мили вокруг погибшего города. Страшное безмолвие смерти обьяло дымящиеся руины. Не слышалось ни стоны, ни птичьего писка, только треск от горящих бревен и завывание ветра. Сантяй поднял голову. В сизом небе, распластав крылья, кружил одинокий ворон. Вдалеке над лесом вился дым. Приглядевшись, Сантяй и Арыслан заметили шатры монголов. Видимо те уходить не спешили и разбили лагерь прямо на пепелище.

- Пошли, - сказал Сантяй. – Может, в городе живые остались.

- Пошли, - глухо ответил Арыслан.

- Не оставил нас Нардуган-ворон! – усмехнулся Сантяй, указывая на черную птицу, распластавшуюся в небе над городом.

Арыслан не ответил, но подумал о том же, заметив ворона.

Они вернулись в город. Страшно было ступать по родной земле, ноги то и дело, касались мертвых тел. В искаженных мукой и ужасом лицах, нельзя было признать родных и соседей. Спасать было некого.

- Пойдем к могильнику, - вздохнул Арыслан. – Здесь делать нечего.

- Есть, кто живой! – на всякий случай крикнул Сантяй.

Ему никто не ответил.

Они повернули к амбарам, как вдруг откуда-то послышался слабый, едва различимый стон. Сантяй и Арыслан оглянулись. По ту сторону улицы горела изба. Стон доносился оттуда. Сарай, стеной смыкающийся с ней, рухнул и завалил выход. Ставни на окнах были почему-то закрыты. То ли хозяева нарочно заперли их, спасаясь от врагов, то ли, как рассказывал Пьянза, монголы замуровали пленников в доме и подожгли. Арыслан с Сантяем отвалили от крыльца упавшие балки, но дверь открыть не смогли. Погоревшая изба просела

одним боком, и дверь перекосило в проходе. Сантяй попытался сорвать ее с косяка, но сумел приоткрыть только на одну ладонь. Стон тем временем стих.

- Эй, хозяева! – крикнул Арыслан. – Живы?!

Никто не ответил.

- Живы? – повторил Арыслан.

- Пошли, - вздохнул Сантяй. – Померли.

Арыслан почти сошел с крыльца, когда за спиной раздался треск. Стена избы накренилась и несколько бревен, ломаемые собственной тяжестью, покатались на крыльцо.

- Берегись! – закричал Сантяй, хватая друга за руку.

Арыслан прыгнул вперед, но не успел.

Бревно, скатившись с крыльца, сбilo его с ног, словно тростинку. Арыслан тяжело охнул и упал, придавленный тяжестью бревна. Сантяй упал на колени рядом с ним, не выпуская из рук ладонь Арыслана. В какой-то момент ему показалось, что тот умер, но Арыслан был еще жив.

- Уходи, - прохрипел он, глядя на Сантяя из-под полуприкрытых век. – Спасай женщин.

- Вместе пойдем, - сказал Сантяй. – Сейчас я полено с тебя сниму.

- Оставь, я тела не чувствую.

Только сейчас Сантяй понял, что рука Арыслана безвольная, как дряхлая рогожка.

- Женщин спасай, ребятишек! - снова захрипел волгарь.

Слезы выступили на глазах Сантяя, он сильнее сжал бесчувственную ладонь.

- Куда же я без тебя?!

Потухшие глаза Арыслана блеснули через подрагивающие ресницы. – Заклинаю тебя, друг, не оставь моих жен, моих не рожденных сыновей. . . Обо мне не смей плакать. Смерть лишь дверь в иную жизнь. . . Я умру, как воин. . . Отец небесный не оставит меня. . .

Сантяй молчал, утирая лицо шапкой.

- Когда я умру, - продолжал Арыслан, - поверни меня лицом на восход.

Сантяй шумно вдохнул комок слез, подпиривший горло:

- Ты ж безбожник?!

- Бог один, - выдохнул Арыслан и замолчал навсегда.

Веки застыли, глаза остекленели, хотя рука еще оставалась теплой. Сантяй опустил ее рядом с лицом Арыслана и попытался сдвинуть бревно, убившее его друга. Но оно оказалось тяжелым, и в одиночку его было не одолеть. Чтобы не мучить больше бездыханное тело, Сантяй оставил попытки и долго рыдал у него в ногах и просил прощения. Затем повернул голову Арыслана на восток и пошел к подземелью.

Уже у самого входа неведомая сила заставила Сантяя обернуться. Луч света, как солнечный зайчик, скользнул по его лицу. Ноги так и подкосились от увиденного. Сантяй навалился спиной на дубовую дверь и медленно сполз на землю.

Густой дым от пожарищ, застилающий небо плотной пеленой, разверзся, пронзенный потоком солнечного света. Сияющий богатырь спускался с небес к тому месту, где обвалилась изба. Словно пушинку он отбросил тяжелое бревно и поднял на руки бездыханного Арыслана. Перед богатырем волгарь казался ребенком. Сантяй открыл рот, но не смог выдать ни слова. Только звериный крик, похожий на стон, вырвался из его горла. Небесный богатырь повернул голову – пучки света прыснули из его глаз. «Не бойся, иди своим путем», - пронеслось в голове Сантяя, и он лишился чувств.

Когда Сантяй пришел в себя, небесного богатыря уже не было. Огонь с избы перекинулся на сени. Кровля обвалилась, то место, где было крыльцо, в одно мгновение объяло пламя. И Сантяй уже не видел, осталось ли тело Арыслана под обломками или сияющий богатырь забрал его с собой. . .

- Вот вам сказ... - печально молвил старый Пьянза, чертя батожком по влажной земле.

Малышня, притихшая у его ног, разинула рты.

- Града тогонет давно, - продолжил сказитель. - Я и места его не найду - былшем оно поросло, подлесок поднялся. Траву аршинную людская нога уж сколько лет не мнет, серп не косит. Правду сказать, я имени града того не помню - маленьким был.

Александр БОГДАНОВ

Калининград

*Александр Геннадьевич
Богданов*

*Родился в 1983 г. в
городе Калининграде.*

*Окончил Калининградский
государственный
технический университет.*

*Кандидат
экономических наук.*

*Автор четырех
сборников стихотворений,
среди которых: “Музыка,
которая...”, “С весной...”,
“Вот бы встретиться нам
с тобой”, “Предпосылки
высокого чувства”.*

ОБ «ОТЛИЧНИКАХ» ПОКОЛЕНИЯ

*Соль — добрая вещь; но если соль
потеряет силу, чем исправить её?
Ни в землю, ни в навоз
не годится; вон выбрасывают её.
Лк. 14: 34–35*

Вчера ты был соль отличника,
Отметившимся и правильным.
Как знание с налётом личного —
Чуть грело оно, не плавило.

Ты делом молчал, где стоило
Вступить за поколение.
Безгласность твоя не ссорила
Обличье твоё с изменою.

На нервах, может, играю тут,
Будя блажь страстей ненужную.
Легко про таких со школы врут,
Хвалят — обезоруживая.

Тянули ярмо хорошие,
В обойму вошли неброские.
«Ботаники» огорошили —
С испанским стыдом вопросами.

Карьера ждала приличная,
Да время настало зычное;
Кто мог бы, блюдя обычаи,
Вработаться на страну, —

Вздыхая до безразличия,
Спускаясь с вершин к привычному,
Скрывая дары отличия,
Не принял, удрав, войну.

Соль «силу теряет» попросту.
Сбежавших толпа безличная:
Пригодного к службе возраста,
Предавшихся заграничному.

СНЕГ ФЕВРАЛЬСКИЙ

Снег идёт, оканчивая повесть
Той зимы, где трудная пора
Разделяла на позор и совесть
Общества — большое и двора.
И страницы смятые за кончик
Ветер перелистывал без нас:
Грусть и радость, глуше или бойче,
В самый верный и тревожный час.
Чтобы маски спали и привычки
Отошли на третий даже план.

Чтоб на битву после мелкой стычки
Бунтари пошли добра и зла.
Разно в каждом снег, слепя, затронул
Струны или бантики души.
У одних откинулась корона,
А кого-то бой не сокрушил.
Рознь меж теми, кто за Достоевским
Или вне Ф. М. – тянули дни.
Снег февральский сыпал нынче веско,
Чтоб народ декабрьский оценил.
И когда придёт момент расплаты
Тем, кто с Русью или без неё:
Снег для бесхребетных – стекловатой,
Чтущим зов до талого – бронёй.
И не будет прошлого с приставкой,
С допущением – если б да кабы.
До войны и после – схожи ль главки
Книг твоей и Родины судьбы?
...Март омоёт раны без причины,
Позабудутся раздоры, бог весть.
Снег, ни в чём обычно не повинный,
Пишет белым мелом ту же повесть.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Слово Твоё весьма чисто,
и раб Твой возлюбил его.
Пс. 118–140

Задумавшись, что поделом
Годы текли без достижений, –
Добро, отравленное злом,
Переживал венец творенья.
Рубил плеча, перечил, врал...
Всё было. Но теперь – поверил:
С утра прощались до утра –
Обиды, ссоры и потери.
Христос распятием решил
На языке, известном людям:
Чтоб из глубин немой души
Каждый поймал себя на «любись».
Сникая, поднимался вновь.
Назавтра повторялось снова.
Стезёй взялась вести Любовь –
Раба спасительного Слова:
И грех от доброты мельчал,
И будний день сулил уюта,
И свет дала молитв свеча –
Что грел надеждой в холод лютый.

«НО БЕЗ СКУПОЙ НЕ МОГУ, РЕБЯТА...»

Ты не вернулся, браток, из боя,
Жизнь за страну свою ты отдал.
Труженик – вахты, полей, забоя,
Мог молча лямку тянуть труда?!

Раз не сиделось вражинам тихо,
Лезли, как вши, на открытый лоб:
Вот потому басурманье лихо
Судьба скорее загонит в гроб.
Палила мразь по жилым кварталам,
Без чести, совести и лица:
И бездны ей показалось мало,
И смерть пролог лишь концов конца.
<Столь на «прозападном» фронте лживо,
Месседжи в сводках без перемен:
Лопнут пусть всех православных жилы,
Лишь бы блудил сатанинский ген.
Юли – не юли, но с любого бока:
Фантом подконтрольного штата;
Коварство вытравится «Солнцепёком»,
Нацизм перемелет «Армата».>
Смелое племя людей вставало,
Чтобы урок чертям преподавать...
Чтоб по сынкам без сна горевала
В каждом почти поселеньи мать.
Хоть счёт потерь совокупный страшен,
Мрак не коснулся родной души.
Отечество и потомство наше –
Нашим останется, не чужим.
Я не из тех, кто слезам подвластен,
Но без скупой не могу, ребята
(Проще плечом к плечу быть причастным...
В окопе зимнем, в огненной пасти.), –
В небо от нас вы ушли с комбатом.

УСЛЫШЬ, СОЛДАТ

Сегодня нам не приказало время,
И был совсем особенным призыв.
Меж брошен атеистами и теми,
Кто ни на йоту не миролюбив.

Всё лишнее, что угнетало раньше,
По новой канонаде прогорит.
Бедовый день преподнесёт без фальши
Желанней ожидание зари.

Не суждено спасение без пользы,
Чтоб покаянно вечность обрести.
Терзает душу неуёмно боль за
Тех, кто не понял сути на пути.

Узнают брат за брата смысл Победы.
Не выйдет надвое в конце концов.
Лишь выходят от ран, контузий, бреда
Мадонны в белых фартуках бойцов.

И зло, чем бы похлеще ни грозилося,
Очистится добром, переживём.
К врагу обессердеченному милость
Войны священной долгом назовём.

А что такое страшно до предела,
Когда и жизнь не жизнь, коль выбирать:
Раз пуля, хоть и дура, не задела –
С отдачей в крестик, что надела мать.

Услышь, солдат, тебя заждались жёны
И дети, чьи молитвы ценит Бог.
А ты прощался под безвестным клёном
С ушедшим другом... Но вернуться смог.

В периоды невзгод и бед
Завет неумолим:
На смену беспокойных лет
Грядёт молчанье зим.
Пока не научился ждать,
Такой себе венец.
Коснётся Божья благодать
Проверенных сердец.
Не будет знаковых примет
В день завтрашний любой:
С лазурь небес – глаз милой свет,
Взгляд милого – тебе в ответ,
Когда придёт Любовь.

В те дни, когда в унылом сквере
Дождь с ветром в воздухе царят,
Я с детской искренностью верю:
Что новая взойдёт заря,
И сердце тронет световышка,
Пока до сумерек есть миг;
Чтоб взрослый стал ещё мальчишкой,
А позже быть собой привык.

В поэзии не исписаться б.
Как в межсезоньях предстоит:
Ты от влиянья милых граций
Уйдёшь в расход ли в общепит,
Где станешь набирать эмоций
Для лёгких искромётных вирш.
От шума, сора, частых порций
Вовсю стишизмом закипишь.

В расход, наверное, не к сроку.
Ждут дома ежели тчеца.
Стихи – приятная морока
До неизбежного конца.
Когда вернёшься спозаранку
До первых резвых петухов,
Вся ль захолустная изнанка
Спадёт из чёрствых бирюков?!

Туда, где ливень обнаглевший
Размочит безнадёжный след;
От троп, где будоражит леший,
Хранит лампадка вещей свет
Ладно повёрнутой избёнки,
В которой спрятаться мечта.
Где смотрит на тебя иконка,
Чтоб начал с чистого листа.

Польются строки – ради Бога,
Благодаря и вопреки.
Твори, Поэт, твоя дорога –
Дерзать и плавать за буйки.
А если сплин, что буераки
Представишь, рукава спустя,
Беги на поле к алым макам,
Душевно колос шелестя.

Томясь истомой бестолковой,
Взывай погромче к небесам, –
Коль был доселе слишком скован
И жизнь вёл по ручным часам;
Припомнив, как в далёком детстве,
Пока каникулярный запал:
Любые в ход годились средства,
Чтоб вдохновенье не проспал.

Раз Сардам и Лаодикии
Был послан крайний патерик, –
Ещё небесная стихия
Дарила грешным звёздный миг.

Перемещалось за пределы
Малоазийских берегов –
Слово щемящее по делу
От многих увлекло богов:

Блуда и похотей для чрева,
Завистничества, суеты.
Созрело праведное древо
С чертами волжской бересты.

По колокольному набату,
С полей родимых васильков –
Вздыхалась Русь опять тогда-то
Спасать землян от дураков,

Перековавши на орала
Славянской плоти жернова.
И пусть не будет людям мало
Класть в пекло новые дрова.

Сколь нужно дьявольские гати
Стелить соломкой на тот свет.
Столь мать слезами чад оплатит
В расцвете кончившихся лет.

Но тайно знал посланник Неба,
Кто ангельски внушал церквам:
Как былью обреталась небыль,
Что Третий Рим и есть Москва.

Любви апостольская сила
Тьму вековую гонит прочь:
Чтоб верила, ждала, любила
Душа России... день и ночь.

Я дорожкой иду...
не в русле.
Огорошил едва ль пенаты.
День с полпятого мирно тускнет.
Быт ноябрится. Неженатый.

И кому до того есть дело.
Богу значит видней, угодно...
Жизнь виски исштрихует белым.
Не приучен сбрасывать, немодный.

Только времени чтить другое,
Нынче смелых зов покаянной.
Добровольно уйду из дома
На Отечества выступ крайний.
Что найду, прояснится с боем.
Человека в себе – случилось.
Воздаёт любовь за бывшее –
Сердцу... В такт за собратьев билось.

Моё русло – под небом синим.
Век коснулся туман свинцово.
Ранен, вывезли.
Март. Россия –
И совсем уже подо Львовом.

И не выросла ещё та ромашка,
На которой я себе погадаю.
Р. И. Рождественский

Ты, проникшись
о судьбе Беатриче,
Зачиталась
всей романтикой века.
Правда, что-то
не срасталось
на личном
Фронте,
с каждым молодым человеком.

Тайна может быть в другом,
коль мечтала –
Экзотичней отдыхать
и помпезно.

А когда назад домой прилетала,
Встречал томик (Цвейг)
в обложке облезлой.

Принимал
во имя
многие меры –
«Рыцарь» N-ский, ухаждёр настоящий.
В то,
что стал он

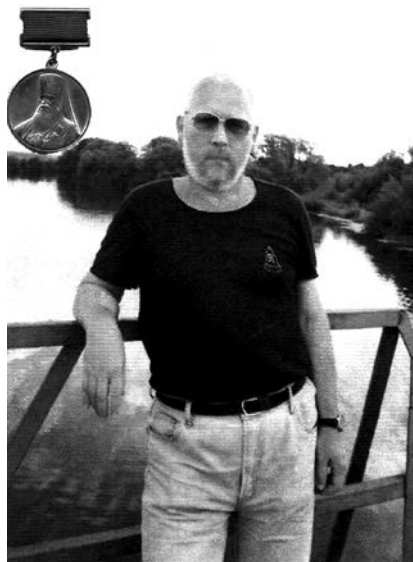
надёжным кавалером,
Поверь,
не кладя ответ в долгий ящик.

Что ромашка здесь, что суп
черепаший –
И гадай и не гадай,
да не пробуй.
Незамужняя под сорокет – чаша,
Стрекозой для муравья
побыть чтобы?!

А вот зайчик – по весне
как разбудит,
Тронув солнечною лапкой подснежник:
Вдруг узнаешь
чутко
о простом ч у д е,
Что помолвлен я
с тобой –
самой нежной.

ПИСАТЕЛЬ, РЕДАКТОР, УЧЁНЫЙ

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союз-за писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

Известный российский писатель, прозаик и литературный публицист, Алексей Яшин родом из мурманского Заполярья, родился в 1948 году в семье военного моряка-севроморца Афанасия Андреяновича Яшина, участника Финской кампании и Великой Отечественной войны в составе Северного флота СССР, и Марии Андреевны Яшиной (Третьяковой). Отец, из калужских староверов-«поповцев», служил на Северном флоте с 1936 года; мать из архангельских поморов, приехала в Заполярье после войны. До 1966 года семья проживала на маяках Кольского залива: Белокаменском, Палагубском, островов Седловатого и Большого Оленьего, затем в Полярном – до 1950-х годов главной базы Северного флота, ныне Городе воинской славы и главной базы Краснознаменной Кольской флотилии Северного флота. В 1966 году семья переехала в Тулу.

После окончания радиотехнического факультета Тульского политехнического института два десятка лет трудился в Конструкторских бюро Тулы, участвуя в разработке спецтехники по линии Оборонпрома СССР в должностях инженера-конструктора, руководителя группы, начальника патентной службы. Одновременно заочно учился на матмехе Ленинградского госуниверситета и в Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР, защитил диссертации кандидата и доктора технических наук в Московском авиационном институте. С начала 1990-х годов, как сам А.А. Яшин говорит, «сменил радиофизику на биофизику», стал первым заместителем – замом по науке директора Государственного НИИ новых медицинских технологий и профессором Медицинского факультета (сейчас института) Тульского госуниверситета, где трудится и поныне. Защитил диссертацию доктора биологических наук, получил ученые звания профессора по кафедре ЭВМ и профессора по специальности «Медицинские приборы и системы». Был удостоен званий Заслуженного деятеля науки РФ, Почетного радиста России. Создатель и руководитель всероссийских научных школ «Биофизика полей и излучений и биоинформатика» и «Живая материя и феноменология ноосферы», в рамках работы которых А.А. Яшиным подготовлены 10 докторов и 20 кандидатов технических, биологических, медицинских, физико-математических и педагогических наук. Заместитель главного редактора и член редколлегии ряда всероссийских научных журналов (Москва, Тула, Самара). Автор 1015 научных работ, в том числе 60 монографий, 40 изобретений и двух зарегистрированных научных открытий. Лауреат научных премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и старейшей в России Макариевской премии за 2022 год. Награжден медалями им. А. Нобеля, В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, И.П. Павлова, С.П. Боткина и И.М. Сеченова. Удостоен академических званий «Основатель научной школы»,

«Заслуженный деятель науки и образования», «Почетный изобретатель Европы» и «Почетный деятель науки Европы» (Германия, Ганновер). Почетный член (консул) Кембриджского международного биографического центра (Кембридж, Англия). Его имя внесено в различные энциклопедии и биографические словари России, США, Англии и Швейцарии, в «Википедию». Действительный член ряда российских, зару-бежных и международных академий, в том числе Российской Академии во-енных наук.

В литературу Алексей Яшин пришел, по его словам, наитием: увидел в «Литературной газете» весной 1975 года объявление о приеме в Литинститут, написал положенное число страниц прозы для участия в творческом конкурсе, поступил и окончил «Школу Горького» (она же «Дом Герцена») в 1981 году (семинар Бориса Михайловича Зубавина – первого главного редактора возобновленного «Нашего современника»). Первая публикация тогда же в свердловском «Уральском следопыте» – с тем же тиражом, что и популяр-нейшая «Юность». До окончания советского периода истории страны успел издать в Приокском книжном издательстве сборник рассказов и повестей «На островах» (дипломная работа в Литинституте), роман «В канцелярии», по-весть «Конторский детектив» в журнале «Ясная Поляна»; был принят в Союз писателей СССР (по рекомендациям Ивана Панькина, Юрия Щёлокова и Сергей Галкина).

Начиная с книги «В канцелярии» (1991), в романах «В конце века» (2001), «Историк и его История» (2004), «Подводная лодка «Капитан Старо-сельцев» (2006), «Любовь новоюрского периода» (2009), «Страна холода: Детство в Гипербореях» (2009), «Катехизис идеалиста» (2010), «Сны и явь полковника Хмурова» (2011) и так далее (на сегодняшний день издано три с половиной десятка книг*), Алексей Яшин «параллельно» развивает две свои основные темы: советское Заполярье и Северный флот СССР по памятным впечатлениям детства–отрочества–юности и наша современность, включая уникальный цикл полутора десятков романов–новеллино под объединяющим названием «Книги рассказов Николая Андреевича»... это как у Бальзака «Человеческая комедия» или «Великие творческие эпохи» Ромена Роллана... но автору, конечно, ближе пушкинские «повести Белкина».

Отметим, что о творчестве Алексея Яшина можно прочитать в книгах-исследованиях: Леонид Ханбеков «Тульский энциклопедист: Штрихи к твор-ческому портрету Алексея Яшина». – М.: «Московский Парнас», 2008; Ната-лья Квасникова «От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина». – М.: «Московский Парнас», 2013; Вадимир Трусов «Иронический оптимизм сожаления: Тетралогия Алексея Яшина». – М.: «Новые Витражи», 2020, а также в недавно изданной книге ведущего литературного критика из Белоруссии Людмилы Воробьевой «Миг надежды, чуда, вдохновенья... Литературная критика». – М.: Ред.-издат. дом «Российский писатель», 2022. – 608 с. (С. 265–310). – Без труда можно найти на сайтах интернета.

Литературный процесс «не едиными своими книгами движется». Так и Алексей Яшин активно публикуется практически во всех известных литера-турных журналах: от изданий с «советской биографией» – «Север», «Подъ-ем», «Дон», «Дальний Восток», «Уральский следопыт» до возникших на ру-беже веков и тысячелетий и занявших достойное место во всероссийском ли-тературном процессе: «Московский Парнас», «Бийский Вестник», «Огни над Бией», «Врата Сибири» (Тюмень), «Тарские ворота» и «Иртыш – Омь» (Омск), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Истоки» (Красноярск), «Параллели» (Самара), «Донская сотня», «Литтега» (Москва), «Смоленский литератор», «Общеписательская Литературная газета» (Москва), «Русская-зычная Америка NY» (Нью-Йорк)... Можно еще с десяток названий привести. Добавим сюда белорусские журналы, издающиеся в Минске: «Новая Немига литературная» и «Западная Двина». Всего порядка тысячи публикаций.

Многие из книг Алексея Яшина отмечены российскими, белорусскими и международными литературными премиями. На сегодняшний день он явля-ется лауреатом премий им. Л.Н. Толстого (дважды), А.С. Грибоедова, Г.Р. Державина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, В.В. Маяков-ского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениа-мина Каверина, премии «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса», премии им святителя Макария, митрополита Алтайского, дипло-мант II Филофеевской премии, лауреат белорусских премий им. Симеона По-лоцкого и им. Вениамина Блаженного.

Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодар-ностью Министра культуры РФ. Кавалер литературных орденов «Г.Р. Держа-вин», «М.Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Награжден многими литературными медалями, в том числе «100 лет со дня рождения М.А. Шо-лохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», «К 75-летию Литератур-ного института им. А.М. Горького», «190 лет со дня рождения Н.А. Некрасо-ва», «300 лет со дня рождения М.В. Ломоносова», Золотая медаль В.М. Шукшина и др.

... Опять же истинный писатель не стремится замкнуться в своем творчестве; вспомним как Пушкин в своих письмах к князю Вяземскому восклицал, что мочи нет, как хочется издавать журнал. А Крылов со своей «Почтой духов», Некрасов с «Отечественными записками», Достоевский с «Временем», «Эпохой» и моножурналом «Дневник писателя»? Все это именуется активным участием в литературном процессе своей страны. Так и Алексей Яшин вносит свой (существенный) вклад в современную русскую литературу. Он не только публикуется во многих литературных журналах, но активно участвует в текущей работе некоторых из них: является членом редколлегий журналов «Московский Парнас», «Истоки» (Красноярск), «Новая Немига лите-ратурная» (Минск, Белоруссия), «Западная Двина» (Минск, Белоруссия), не-скольких тульских альманахов. Ареал его участия во всероссийском ли-тературном процессе еще более расширился с избранием академиком

и членом Правления Академии российской литературы, а также членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» – творческой организации русских писателей Белоруссии.

Однако высшей формой участия в общенациональном литературном процессе является именно инициация создания и редактирования всероссийского литературно-художественного журнала. Для Алексея Яшина эта «пушкинская мечта» сбылась в 2005 году. По совету Николая Николаевича Минакова, видного тульского писателя-публициста и литературного организатора, начиная еще с 70-х годов, когда он являлся заведующим сектора печати в об-коме КПСС, Яшин берет, что называется «с нуля», за издание «толстого» литературного журнала с данным им символическим названием «Приокские зори»... именно приокские, поскольку наша область граничит на западе и на севере с другими регионами именно по «самой русской реке» Оке.

Риторический вопрос: что движет человеком, особенно в наше неуютное во всех отношениях время, абсолютно без всякого внешнего финансирования и, что называется, без какой-либо «общественной поддержки», да еще при свершившейся в девяностые годы утрате массового читателя: своего рода ли-тературной девальвации, когда на смену десяткам миллионов пришли – дай-то бог! – считанные тысячи? Все меркантильное, лавролюбивое и самолюбивое, карьеристское и пр. по части утилитарной этики здесь напрочь отменяется самим (уточняющим) содержанием заданного вопроса. Опять же все это не в характере человека со смешанным старообрядческим и военно-морским воспитанием, впитанным на арктическом берегу («А мы ребята семидесятой широты»)...

Попутно заметим, что именно в те же первые годы нового века и тыся-челетия начали издаваться практически все современные журналы, названные выше (и с пяток неназванных), на которых сейчас и держится (рука не поднимается написать «теплится»...) русский, российский литературный процесс, наша литературно-художественная жизнь. Сказано к слову, но – многое объясняет и вселяет долю оптимизма. Эти журналы – дружественные «Приокским зорям», их главные редакторы хорошо нам знакомы, поэтому смело утверждаем: они «того же поля ягоды», что и главред нашего издания: истинные подвижники русской словесности, своего рода Дон-Кихоты эпохи безвременья и глобалистского расчеловечивания. Честь и хвала им! Здесь и добавить больше нечего.

... Тем более, что традиции издания «толстых» литературных журналов в Туле практически нет; только на рубеже 80–90-х годов несколько лет выходил журнал «Ясная Поляна» в «комсомольском формате». А становление но-вого периодического издания, создание работоспособной редакции и редкол-легии (при нулевом финансировании, повторимся), главное – выработка и за-тверждение в сознании читателей и авторов своей, отличной от иных журналов, литературной, художественно-эстетической, идеологической и иной до-минанты – дело архисложное, укладывающееся почти в десятилетие, тре-бующее от главного редактора и его верных помощников неимоверных, не побоимся этого слова, усилий. Творческая организация издания имеет два логических удара; порой «коня и трепетную лань» приходится впрягать в громоздкую повозку, носящую название <имя рек> журнала.

Чтобы не растекаться мыслию по древу познания и знания, опустим прошедшие семнадцать лет «бури и натиска» и кратко аннотируем *status quo* сегодняшнего дня «Приокских зорь», не забыв выразить благодарность Туль-скому госуниверситету, который в ректорство Эдуарда Михайловича Соко-лова – пусть земля ему будет пухом! – в первые семь лет (самые трудные) издания журнала бескорыстно печатал его тираж , то есть 250 экземпляров, что солидно по нынешним временам.

Итак, имеем (надеемся, ценим, что имеем...) с официальным статусом всероссийский ордена

Г.Р. Державина (другие награды: медали Н.А. Некрасова и М.В. Ломоносова – основоположника современной русской поэзии) литературно-художественный и публицистический журнал, издаваемый под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, при организационной поддержке Тульского госуниверситета и Тульской организации (ТО) СПР. Журнал выходит ежеквартально под девизом «Журнал классической традиции» как печатный орган ТО СПР объемом 280–300 страниц. Форма издания: в электронном и в печатном (по заказам) виде. Журнал литературно шефствует над Северным флотом России. Включен в список периодических изданий, публикации в которых, согласно постановлению Правления Союза писателей России, засчитываются при вступлении в СПР.

В инфраструктуру журнала входят его четыре периодически издаваемых (от одного до трех выпусков в год) альманахов: литературно-художественные «Ковчег» (главный редактор Я.Н. Шафран) и «На крыльях Пегаса» (главный редактор Э.П. Георгиевский) и музыкально-поэтические «На лирической волне» и «Тульская сторонка» (главный редактор обоих С.В. Сенин). Также под эгидой «Приокских зорь» издаются две серии авторских книг: «Библиотека журнала «Приокские зори» (издано под сотню книг) и «Приложение к журналу «Приокские зори» (издано три десятка книг). С 2009-го года за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» решением редакции и редколлегии его авторам присуждается ежегодная литературная премия «Левша» им. Н.С. Лескова, имеющая статус всероссийской. Премия присуждается в четырех номинациях: художественная проза, поэзия, литературная публицистика, литературоведение и литературная критика.

... Много это или мало для журнала? Сложившееся мнение наших авторов и читателей со всего «земшара» (по В.В. Маяковскому): журнал «Приокские зори» – уникальное явление современной русской (российской) литературной жизни, неотъемлемая часть всероссийского литературного процесса. Не без основания в приокских регионах бытует мнение, что журнал «Приокские зори» с его обширной инфраструктурой во многом консолидирует творческие литературные силы Тульской и соседних областей. ... Мы из скромности не опровергаем это мнение.

О руководимом им журнале Алексей Яшин обычно отвечает словами известного «политического остряка», рейхсканцлера Германской империи Отто Бисмарка фон Шёнгаузена: «Русский долго запрягает лошадь в телегу, зато потом быстро едет». Дай бог, чтобы у каждого отечественного литературного журнала был такой запрягающий, при быстрой езде не сворачивающий с торной дороги, простирающейся по равнине русской словесности!

... Сам Алексей Яшин полагает началом своей профессиональной литературной деятельности окончание им Литературного института, а это уже юбилей: сорок лет!

Редакция журнала «Приокские зори»

На фотографии: по поручению сопредседателей Комитета по Макариевским премиям, Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, президента Российской академии наук, академика РАН Г.Я. Красникова и мэра Москвы С.С. Собянина ректор Тульского госуниверситета О.А. Кравченко вручает А.А. Яшину знаки лауреата Макариевской премии за 2022-й год.

**Екатерина
ГРОВОВА**

Петрозаводск.
Карелия

Родилась 25.05.1993г. в г.
Петрозаводске.
Окончила
Петрозаводский
кооперативный техникум.
Работает графическим
дизайнером.
Достижения:
1 место на
фестивале поэзии и
видеопоззии «Мой поэт»
25.09.2022 (г. Петрозаводск);
2 место
во Всероссийском
литературном конкурсе
«Литкон» (г.Королёв,
12.11.2022);
Лауреат
Московского
межрегионального
поэтического конкурса
«Россия - земля моя!»;
Лауреат
Всероссийского творческого
конкурса «Сокская радуга»
в номинации «Поэзия»;
Лонг-лист 14-ого
молодежного литературного
конкурса журнала «Север»
«Северная звезда» - 2022.
Согласна на
безгонорарную
публикацию.

СИМУРГ

Там, где горы клинками разрезали алый рассвет,
И бурлящая кровь грела степи остывшее тело,
Роковой стаей птиц пролетавшая туча ракет
Пела... пела.

Как вериги, монисто из фраз на чужом языке
Водрузила на детскую шею война - больно, туго...
Упокойся же с миром в горячем, как лава, песке,
Дар от Юга.

Что тогда отражал беспокойно-опаловый взгляд?
Милосердны ли когти, что тщетно пытались поранить?
Жаль, остался невзорванным тлеющий старый снаряд –
Память... память.

Все могло быть иначе: ни страха, ни воя ракет,
Не пришлось бы задабривать Симурга ради спасенья
От того, что преследует будто бы тысячу лет
Жуткой тенью.

О ЛЕТНЕЙ ПОЕЗДКЕ

Прохладой озера дышало мое лето,
Неведомым наречьем пел мой лес.
Я предпочту всем странам и планетам
Наш дом за городом - он рай для поэтесс!

Там ощущается природы дикой сила —
Я много раз гуляла в сильный шторм.
В молитве Бога я за жизнь благодарила,
И за семью, и за любимый дом.

Но как бывает строгой мать-природа,
Так и бросает гнев за горизонт.
Под вечер успокоилась погода,
Закат волшебный счастье нам несёт!

Плодовые деревья в мягком свете,
Горит огнями дальняя скала.
Мы будем помнить о коротком лете,
Когда природа грела и цвела.

Мой путь один: в Ничто и в Никогда
Неотвратимо бренное стремится,
Все повторится – образы и лица,
На поле жизни долгая страда.
В конце пути – горящая звезда
Своим огнём охватит колесницу,
Ту, что летит в астральную темницу,
Где ждёт перерождений череда.
Сансарный плен - есть путь, что
бесконечен
И закольцован. Пламенем отмечен
Мой каждый шаг в иную ипостась.
В одной из сот земных цивилизаций
Тебя узнаю в толпах инкарнаций
И позову. С тобой не рвётся связь.

Мне не устать от внутреннего пламени -
Я голый нерв, горящий небосвод.
Дурной пример, который был бы
правильным
В иной вселенной, что наоборот.

«Послушай птиц, венком украсив волосы,
Как в тигле плавишь ты остатки дней!» –
Пока звучат помехи чьим-то голосом,
пьедестал себе сваяю из углей.

В сомнениях – чаще трус и сожалеющий
о том, что, не подумав произнёс,
а я - огонь янтарно-багровеющий,
из плоти, карих глаз и литра слез.

Меняю платье на доспехи высшей
твердости,
На месте «mortem» - «vivo». Неспеша
Ищу очаг в огромной чёрной пропасти -
Возможно, там и есть моя душа.

**Ирина
КАТОВА**
Тюмень

В

*Андреева (Катова) Ирина
Андреевна родилась на юге
Тюменской обл. в
с. Партизан Абатского р-на.
Выпускница сельской средней
школы. Окончила Тюменский
машиностроительный
техникум отделение ПГС.
Работала мастером на
строительстве жилых и
производственных объектов.
Затем секретарём в НИИСХ
«Северного Зауралья». В данное
время пенсионерка. Член СП
России. Живёт в пригороде
Тюмени.
Публиковалась в альманахах
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Живое слово» (Тюмень),
«Ковчег» (Тула), «Бийский
вестник» (Алтай), журналах
«Александръ» (Москва),
«Подъём» (Воронеж), «Москва»
(Москва), «Светоч» (Фурманов)
Дипломант 2-х региональных
конкурсов «Книга года - 2021»
в номинации «Лучшая книга
художественной прозы» и
«Книга года - 2022» в номинации
«Лучшая книга прозы для детей
и юношества».*

ИСПОВЕДЬ ЭМИГРАНТА

На Алтае я не была десять лет, с тех пор, как возила туда внучку в дет-ский санаторий. И вновь судьба позвала в дорогу тем же поездом «Москва-Барнаул», только теперь по своим писательским делам. Помню, как та поезд-ка оказалась для меня, пишущего человека, полезна, вдохновила на новый рассказ, на этот раз я почему-то не надеялась на удачу, не попадает снаряд два раза в одну воронку...

На исходе лета 2022г. в 05.35 по тюменскому времени вошла в полу-тёмное спящее купе, присела на нижнее место справа, уступая дорогу ещё одному пассажиру, небольшую дорожную сумку поставила рядом с собой. Следом ввалился молодой парень в спортивной одежде с огромным клетча-тым баулом, играючи забросил его на третью, багажную полку. Я молча по-дала ему и свою, выразив просьбу взглядом. Поблагодарила, когда он и с мо-ей сумкой управился. Парень тотчас запрыгнул на верхнюю полку, улёгся спать.

Время было ещё раннее, но мне спать уже не хотелось, я устроилась на своей нижней, ожидая, когда тронется поезд и можно будет купить постель-ное бельё.

Поезд тронулся. Пассажир напротив меня шевельнулся, откинув одеяло, спросил:

- Какая станция?

Я тихо ответила, назвала местное время. Он как-то рывком поднялся, аккуратно застелил постель, прихватил туалетные принадлежности, вышел из купе. Я для себя отметила: «Пожилой, вот и не спится». Видимо, со сна он действительно показался мне пожилым, седым, несколько помятым, взъеро-шенным. Но вернулся он свежим, бодрым и улыбчивым, сразу помолодев-шим:

- Вот теперь доброе утро!

- Доброе, - улыбнулась и я.

- Как погода в Тюмени? – заговорщицки полушёпотом спросил он.

- Ничего, хорошее лето было и осень вроде обещает быть доброй.

- Хорошо бы. А у Вас какой конечный пункт?

- Я доБарнаула.

- Понятно, а я чуть раньше сойду, станция Ребриха. Вы, уж, извините, что с разговорами навязываюсь, как-то одичал я без человеческого общения. Вто-рые сутки в пути. В попутчиках

одна молодёжь, то по ресторанам бегают, то в телефоны свои уткнулись, не видят и не слышат ничего.

Я намекнула, мол, пообщаемся ещё, пусть молодёжь поспит, жестом указала на соседей. Он кивнул согласно, снова вышел, но скоро вернулся с двумя стаканами горячего чая в подстаканниках, подмигнул, выказывая чувство юмора и доброжелательности, свойственное русскому человеку, которое я вскоре оценила.

- Давайте, чайком побалуемся.

Теперь я разглядела его как следует. Мужчина был не молод, но и не стар, однако старше меня лет на десяток, как не больше. Среднего роста, жилистый. Плотные сжатые губы и складка между бровей выдавала цельную волевою натуру. Живыми, задорными были его синие глаза, глаза человека, который не сдаётся обстоятельствам жизни. Я уже встречала таких «живчиков», на которых держится наша планета, не замедляя свой бег...

Между тем достала вечную спутницу своей жизни – книгу. В этот раз это была «Русские эмигранты и их потомки» Аиды Арьё.

Позже, когда проснулись, вышли из купе наши попутчики, мы разговорились. Познакомились. Звали его Виктор Петрович. Сибиряк-алтаец из села Зелёная Роща. Разговор сначала крутился вокруг биографий – кто где родился, учился, трудился. Много совпадало в нашем деревенском происхождении, укладе жизни семей. Я заложила книгу закладкой, отложила в сторону, давая понять, что заинтересована беседой, он высмотрел название, спросил оживлённо:

- Хорошая?

- Мне нравится, - уклонилась я от подробного ответа.

- А я ведь тоже эмигрант, только поздний.

Он поведал, что всей семьёй уехали в Германию в 2016-м, что это было мечтой его жены, сибирячки, односельчанки, немки по происхождению. После развала Союза вся её родня ещё в девяностые эмигрировала на историческую родину, лишь она задержалась надолго...

Выживать в России становилось всё труднее. Он работал до семидесяти двух лет. Жена преподавала немецкий в университете. А по выходным «пахали» на даче.

- Хотелось ведь и детям-внукам помочь, а их у нас: трое сыновей, снохи, шесть внуков. Все они тоже рвались туда. Короче, сдался я. Ведь не останусь же тут один. Вы слышали в Германии город Нюрнберг?

- Конечно, в советской школе историю преподавали нормально.

- Так вот, поселились мы совсем рядом. Оно бы ничего, но уж больно значим этот город для меня. Что это, провидение судьбы, рок?

Виктор Петрович поведал историю родителей.

В начале 20-х дед мой, Прокопий, украинец, из села Алексеевка под Харьковом, женился на моей бабушке Дарье, в 1925 году у них родился отец мой Пётр. Затем Иван. Тяжёлые это были годы. Дед наш умер очень рано – простудился на работе, когда папе было семь лет. А 1933 год папе особенно запомнился ещё и по страшному голоду, охватившему весь юг СССР и Поволжье. С раннего детства помогал он матери. Тяжело было в те годы бабушке одной поднимать сыновей. Женщина она была совсем молодая, красивая, вот и вышла замуж второй раз - за мужчину надёжного, работающего. От этого брака родилось ещё три мальчика.

После окончания школы-семилетки отец в шестнадцать лет пошёл работать на авиационный завод резчиком листовой дюралюми на гильотинных ножницах. Завод был военный, чтобы туда попасть, надо было пройти всевозможные проверки.

Вскоре и Ваня стал работать. Жизнь в семье начала налаживаться. Но вдруг – война!!! Великая Отечественная...

Фашисты неудержимо пёрли на восток, и вскоре на Харьковском авиационном заводе приступили к эвакуации. Молодых ребят, в том числе и папу, оставили для погрузки оборудования на эшелоны. Куда эвакуировался завод, он узнал только

ближе к старости, когда стал оформлять документы для пенсии, – в Пермь. Но ему не довелось туда попасть.

С последним эшелоном, забитым станками и беженцами-евреями, сидевшими даже на крышах вагонов, он смог отъехать от Харькова только на тридцать километров. На одной из станций поезд попал под авиабомбёжку и сгорел.

Уцелевший папа пошёл обратно домой.

Красная Армия оставила Харьков без боя в сентябре 1941 года. На всю жизнь отец запомнил картину, виденную им издалека, как немцы серыми колоннами походным маршем втягивались в город зловещей змеей по Холодной горе...

Ну, а потом они на каждой улице посёлка назначили старост, которые вскоре объявили:

- Кто хочет иметь работу, пусть приходит на вокзал!

Работа для Петра – спасение всей семьи. Рано утром 28 февраля 1942 года, получив от мамы узелок с обедом, он отправился к вокзалу, думая, что вечером после трудового дня вернётся домой. Вместе с ним пошёл и его двоюродный брат Коля.

На перроне было уже полно народу, таких же шестнадцати-семнадцатилетних парней. Все ждали работы, но никто ничего не мог объяснить. Настораживало наличие немецких солдат, которые вскоре принялись загонять всех в помещения вокзала. Назад уже не выпускали.

Когда вокзал набился народом, солдаты выстроились коридорами до товарных вагонов подошедшего эшелона, загнали в них людей и закрыли двери на замки. Поезд двинулся в путь. Куда?!

Ошеломлённые парнишки молчали в недоумении – всё произошло так быстро!

Первый раз открыли товарняки и дали попить, когда прибыли уже, как выяснилось, в Польшу!

Позднее он ничего не мог вспомнить, сколько дней они были в пути. Пришёл к себе только, когда их стали разбирать и отправлять на работы, в Германии.

Отца с братом повезли в Нюрнберг в паровозоремонтное депо. Здесь их вместе с несколькими русскими ребятами прикрепили к старому немцу-мастеру, под присмотром которого они стали чистить от ржавчины котлы и трубопроводы паровозов. Работа грязная, пыльная, в котлах можно пролезть только тощему парнишке – сами немцы эту работу не делали.

Спали «ост-арбайтен» в бараке недалеко от депо под охраной. Вооружённый конвой каждое утро водил их строем. На работе тоже охрана, а вечером под конвоем – в барак.

Вся война папе запомнилась постоянным желанием есть – кормили отходами, чтоб только не сдохли!

Ослабленные голодом, непосильной работой, спящие в сырых холодных бараках пленные постоянно болели и нередко умирали. Как-то Петя тоже захворал: под подбородком назрел огромный нарыв, глотать невозможно, голову не повернуть, от приступов боли подташнивало, тело то горело огнём, то мёрзло в ознобе. Пришёл немец-фельдшер и без наркоза разрезал нарыв. Шрам от этой «операции» остался у отца на всю жизнь.

Однажды, ближе к концу войны, пригнали в лагерь новую партию «ост-арбайтен». Там оказались земляки прямо с харьковского посёлка Алексеевка.

Естественно, начались расспросы: «Как там наши?»

- У тебя, Петро, - говорят, - все живы, Ивана только тоже в Германию угнали, да маленький Сашко ещё в начале войны заболел и умер. А вот, у Кольки всю семью немцы расстреляли! Мать фашистам корову-кормилицу не отда-ла... После этого известия Николай стал сам не свой, и, если бы не папа, он бы натворил что-нибудь такое, после чего и его бы расстреляли.

Война катилась к предопределённому ей концу, Советская Армия уже вступала

в пределы Германии. Американцы открыли второй фронт. О том, что фашистам скоро «капют», можно было судить по несвойственному немцам беспорядку на весьма важном для рейха Нюрнбергском сортировочном же-лезнодорожном узле – он стал забит вагонами до предела. Всё меньше и меньше немцев-рабочих выходило на ремонт паровозов.

Из ворот стоявшего рядом с лагерем филиала фирмы «Манн» перестали выходить новенькие танки «Тигр».

Затем пленных не стали выгонять на работу из лагеря, исчезла охрана. Депо опустело, а вагоны на сортировочной станции не охранялись.

Вечно голодные «ост-арбайтен», воспользовались этой ситуацией: по ночам в поисках пропитания выбирались из бараков, взламывали товарные вагоны и тащили всё, что попадалось, но в первую очередь – еду.

И вот подошла развязка войны! В одну из ночей на Нюрнберг налетели американские самолёты и приступили к массовой бомбёжке. Конечно, же-лезнодорожному узлу и танковому заводу «Манн», как важнейшим стратеги-ческим объектам, досталось больше всех остальных районов города.

Трое суток отец с несколькими товарищами безвылазно сидел в каком-то канализационном колодце, голодом, каждую минуту ожидая смерти!

Наконец 19 апреля 1945 года взрывы наверху прекратились. Подождав ещё несколько часов, парнишки осторожно выбрались из своего убежища. Вместо городских улиц и вокзала перед ними лежали дымящиеся и горящие развалины,

а первым из людей им встретился негр. Первую секунду они оторопели – на фоне адских разрушений он показался им чёртом – негров-то они никогда не видели! А тот сидел на танкетке, скалил белоснежные зубы и подзывал к себе, протягивал галеты!

Война окончилась! Надо возвращаться домой.

Но не тут-то было! Победители разделили Германию на четыре зоны: американскую, английскую, французскую и советскую. Нюрнберг оказался у американцев, которые собрали со всего города интернированных гитлеровцами рабочих и разместили их в уцелевшем от бомбёжек трёхэтажном здании – бывшей казармы училища офицеров СС. Здесь оказались выходцы из всех стран Европы.

Целый месяц шли разборки. Не раз американцы предлагали русским уехать на жительство в США, в Англию или остаться в Германии. Запугивали:

- Сталин сказал, что у вас нет пленных, а потому, если кто вернётся домой, всех, как предателей, расстреляют или отправят в Сибирь!

Некоторые согласились. Папу такой вопрос не мучил – только на Родину, только домой, в Харьков!

Вскоре американцы всех, пожелавших вернуться в СССР, вывезли из лагеря в Чехословакию и передали советским военным властям. Там начались допросы и проверки об обстоятельствах интернирования. Когда отец с Николаем убедили дознавателей в своей лояльности, им дали какие-то справки и отпустили домой. А добирайтесь – как сможете!

И пошли они, два брата, пешком по разрушенной послевоенной Европе. Сначала по Чехословакии, потом по Польше. Кормились тем, что удавалось найти в обезлюдивших хуторах и деревнях. Несли с собой матрас один на двоих, чтобы не на голой земле спать, да пистолет с патронами – в оружии тогда на полях Европы недостатка не было – какое только захочешь!

В июле подошли к польско-советской границе на Львовщине. А переходить сразу – страшно. Вдруг и вправду, как американцы предупреждали, сгребут – и в Сибирь, а то и расстреляют!

В каком-то селении продали матрас, пистолет зарыли в приметном месте. И пошли к пограничникам, навстречу судьбе! Их первым делом обыскали, раз-дев догола, деньги, от продажи матраса отобрали. После этого братьев отпра-вили в Дрогобыч и

передали в соответствующие органы для проверки по ли-нии НКВД. Недели три их держали в камере, иногда вызывали на допросы. Камеры следственного изолятора были забиты до предела такими же бедола-гами.

Наконец проверка закончилась, и их обоих, как ещё не служивших в армии, отправили в распоряжение Львовского военкомата. Там медкомиссия обнаружила у отца порок сердца, несовместимый со службой в строевых частях, и его направили в трудармию. Здесь пути двоюродных братьев разошлись: Николай оформили служить, а отец приступил к работе в подсобном хозяйстве при штабе Прикарпатского военного округа, что размещалось возле села Винники в предместье Львова, асовсем рядом располагалось поповское по-местье Гоначев, где в конце войны погиб в схватке с бандеровцами легендар-ный разведчик Николай Иванович Кузнецов.

Работал папа сначала на полевых работах в подсобном хозяйстве при штабе, а потом, тут же – экспедитором. Как экспедитор, ездил по окрестным деревням, заключал с жителями договоры на поставку продуктов, закупал и завозил их в подсобное хозяйство или в город.

А ведь это же были времена самого разбоя бандеровцев в тех местах. Львов – столица Западной Украины, бывшая резиденция Степана Бандеры. Банде-ровцы люто ненавидели Советы, русских – «москалив»! И к восточным укра-инцам у них отношение было такое же, если ещё не злобней: «Продались москалям!»

Каждую ночь в окрестных лесах, а то и в сёлах раздавалась стрельба. Можно представить, в какой смертельной опасности находился отец, ежедневно разъезжая из села в село по лесам Прикарпатья. Ведь он, в глазах местных жителей, у каждого из которых были родственники-бандеровцы, работал на «русских оккупантов».

Но Бог миловал, отец находил общий язык с селянами. А среди работников подсобного хозяйства появились новые друзья: чех Свобода, еврей Леках и другие парни, тоже хватившие лиха во время войны.

Вот тут-то и встретились мои родители, а вскоре и поженились в 1946 го-ду! Мама русская - коренная сибирячка, из рода казачества. Отец её пропал без вести в 1942-м, бабушка осталась с тремя детьми. Чтобы облегчить долю матери, старшая её дочь (наша мама) завербовалась на восстановление на-родного хозяйства после войны. Работала она в столовой подсобного хозяй-ства штаба Прикарпатского военного округа.

9 мая 1947 года в этом месте родился я, их первенец, названный Виктором – в честь Победы. Всё моё раннее детство в Западной Украине проходило среди военных. Бандеровцы орудовали под самым Львовом. Когда по ночам устен подсобного хозяйства начиналась стрельба, меня хватали и прятали под по-доконник – чтобы не зацепило шальной пулей, залетевшей в окно. Когда я научился ходить, уже сам стал прятаться при стрельбе под подоконник.

Кстати, разговаривал я, пока не приехали в Сибирь, по-украински: «Мамо, дывись, якиймьячмэни дяди у городи куплялы!»

Как-то приехала к нампогостить с Алтая бабушка (мать мамы), наслушалась ночной стрельбы и не отстала, повезла дочь с внуком домой. Отца отпустили чуть позже, после отработки.

Беседа наша затянулась до вечера с перерывом на обед. Соседи по купе не тяготились ею: девушке с наушниками, всё равно - в ушах музыка, молодой человек оказался вахтовиком, не получилось купить плацкартный билет с товарищами, пропал в их вагоне.

Даже улегшись на ночной отдых, мы продолжали разговор. Я, правда, не сказала о роде своей деятельности, но уверила:

- Вы, рассказывайте, Виктор Петрович, мне это не просто интересно – нужно!

Сама я говорила мало, лишь редкие вопросы задавала. Уж такой я че-ловек – выслушать, вот, умею...

Попутчик же, то рассказывал о современной Германии и своих сомнениях, то возвращался памятью в историю рода, либо своего детства на просторах природы. Однако нить, логику разговора не терял, всё твердо удерживая в памяти.

По тону изложения я чутко уловила – скучает он там, ностальгия измучила, он вторил моим мыслям:

- Мне нравилась та жизнь на природе. Трудная она или нет – сравнить было не с чем, но лучше мне и не хотелось. Теперь вот только и живу той памятью детства. «Горек хлеб чужих земель»...

- Ахматова, - узнаю я.

- Анна Андреевна, - удовлетворён собеседник.

- Разве Вам нечем заняться на отдыхе? Разве нет любимого дела, хобби? – пытаюсь его ободрить. Вот Вы про книгу мою спрашивали, она, как раз об эмигрантах, которые состоялись на чужбине. Судьба весьма изобретательна и порой выдвигает «в люди» по своей прихоти. Были среди эмигрантов те, кто сумел добиться успеха. Не без русской выносливости и стойкости, конечно. А Ваш юмор, который не даёт пропасть в сложных ситуациях!

- Хобби? Есть, конечно есть! Я с раннего детства пристрастился к рисованию. Вот теперь реализовываю свои идеи: пишу картины маслом, сколько душе угодно. Только тема у меня почти всегда – малая родина. Нигде не встречал я таких трав, ягод, цветов, грибов, как в родных местах. Эх! – он надолго затих.

Видимо в это время я слегка задремала, путая явь и сон, слышала, как попутчик живописал дорогие сердцу места: «Как прекрасны наши леса! А в сенокос! Поле с поспевающей пшеницей в двести гектар. У меня перехваты-вало дыхание от этого вида. Далеко-далеко, на противоположном краю синееет лес в утренней туманной дымке. Мы едем с отцом по полевой дорожке, а в пшенице бьют перепала: Фить-пирю! Фить-пирю! Восторг распирает мою грудь: так бы слушал и слушал, дышал и дышал полной грудью, ощущая себя бесконечной счастливой частичкой этого великолепного мира!»

Я всё-таки сдалась – сладко уснула под эту благодатную картину, не слышала, как мой попутчик ещё долго вздыхал и крутился, не находил себе покоя.

Утром он опять был бодр и наш разговор продолжился. Благо в Омске вахтовик и девушка сошли с поезда, а в купе к нам никто не подсел.

Теперь он больше говорит о жизни в Германии:

- 24 февраля 2022 года. Гостим у сына в Праге. Узнаём: президент России объявляет специальную военную операцию (СВО) на Украине. В Харькове живут наши близкие родственники, похоронена моя бабушка и трое дядек. В летописи Харьковской епархии с 1668 года упоминается казачий полковник с нашей фамилией. Он оборонял южные рубежи Слободской Украины от набегов крымских татар и был в подчинении у белгородского воеводы в составе России. Верно служил царю Алексею Михайловичу Тишайшему (отцу Петра Первого), гонял воров и клятвопреступников Стеньки Разина.

По матери я русский, из чалдонов, тоже казаков, но сибирских. И вопроса за кого мне быть — не возникает. На Украине правят теперь враги России, уничтожающие даже память о русских! Мы в печали!

Эх, как я теперь понимаю и вспоминаю часто того казака Караса из оперы «Запорожец за Дунаем». А ещё арию половецкого хана Кончака из оперы Александра Бородина «Князь Игорь»: «Хочешь, возьми коня любого! / Возь-ми любой шатёр!» Не моё здесь всё. И не надо мне никаких Канар, ни Карловых Вар. Чужд весь этот «просвещенный и цивилизованный» Запад. Там Россия-матушка в войне... Одна отбивается от всего НАТО. А я здесь торчу. Россия отбивается не только от НАТО, но и от всех этих извращенных европейских ценностей. Мужики в юбках и на каблуках! В страшном сне такое не приснится. ВОЗ признала третий пол! Даже когда жена иногда просит меня шорты надеть, я ни разу на это не согласился - не

пристойно это потомственному сибирскому казаку.

Вообще-то, путь на Родину не закрыт, у меня осталось российское гражданство. До этих событий мои сыновья по несколько раз в год ездили домой – в Россию. А я вот первый раз вырвался, пока ещё небо Турции для нас открыто: через Стамбул на Москву, теперь вот на поезде решил прокатиться – созерцаю родные просторы. Накопил денежек, еду поклониться родительским могилам, подправить их как следует. Придется ли ещё побывать...

Мой младший сын с семьёй уже в феврале засобирился на Родину и уехал в июле: «Там война, надо домой!».

На третьи сутки поезд наш приближался к конечной цели. На станциях в купе вселились пассажиры, наш разговор как-то угас сам-сбой. Виктор Петрович стал беспокойным, всё чаще подсказывал с места, всматривался в проплывающие за окном вагона пейзажи – явно уже узнавал родные места. Оставалась ещё одна ночь. Он вновь крутился, не в силах уснуть, я окликнула его:

- Виктор Петрович, расскажите ещё что-нибудь. Шёпотом, я услышу.

Тихим, проникновенным голосом он прочёл мне четверостишие:

Недаром сквозь страхи земные,

В уже безысходной тоске,

Я сильную руку России

Держу в своей слабой руке.

Не насмелилась я спросить, чьи они, тихо сопела в две дырочки, в общем-то отлично понимая его.

И опять меня предательски сморил сон. Утром, когда проснулась, Виктора Петровича уже не было в купе. Даже странно, ведь я так чутко сплю. Видимо, он загодя собрался в самую сильную фазу моего сна и вышел с вещами. Мне представилось, как он вглядывался в предрассветную тьму окна в тамбуре, с дрожью в коленях предвкушая момент, когда сойдёт на родную землю. Ещё с вечера спросила его:

- Есть ли Вам у кого остановиться?

Он улыбнулся:

- В деревне до сих пор помнят нашу семью добром, любой пустит. Я неприхотливый, в любом уголке прикрою...

Убирая постель, обнаружила между подушкой и стенкой плотный файл на кнопке. Открыла, прочла: «Записки позднего переселенца». Он мне доверил это! Мои глаза наполнились солёной влагой. В кармашке файла белый листок, сложенный пополам, развернула. Это записка мне. Почерк каллиграфически выверенный, так пишут люди старой школы, учившиеся писать перьевой ручкой...

«Ирина, попутчица моя внимательная, обращаюсь к Вам, с почтением, с просьбой, употребить этот материал с пользой. Это, Ира, для тех, кто ещё хочет сюда переехать. Пусть не торопятся! Хлеб чужих земель действительно горек!

Да и Германия уже не та! Легла и смирилась под Америкой»...

Выдержки из дневника

11 мая 2020 года. Засел за натюрморт из букета цветов, растущих только в лесостепи нашей милой малой Родины. А возле букета размещу вазы с ягодами клубники, костянки, чёрной смородины и тарелку с груздями. Хорошо бы ещё жаренных карасей и пельменей. А если ещё картошечку отварную рассыпчатую! Да хлеба нашего пшеничного! Боюсь места на холсте не хватит.

Этих даров природы я кроме наших мест не встречал нигде: ни на Сахалине, ни в Европе. Как поётся: «Немало я стран перевидел», и много каких деликатесов там перепробовал, но лучшей ягодой считаю нашу лесную клубнику, лучшими грибами – грузди, а лучшей рыбой – карася! Ну, а лучшее блюдо – пельмени по-сибирски из

трёх видов мяса в одном фарше: говядины, свинины и баранины. Правда, старики говорили, что лучший фарш для пельменей наши далёкие предки готовили, смешивая лосятину, медвежатину и мясо ко-сули. Вот не знаю, не довелось такое отведасть.

24 августа 2020 года. Закончил натюрморт. Там в букете я нарисовал сибирские цветы: саранку обычную и огненную, водосбор, горицвет, ветреницу, купальницу. Ну, и другие: медуница, колокольчики, кукушкины слёзки и вездесущий тысячелистник. Красные ягодки в синей чашке — это костянка (костяника). Я её, кроме как в наших берёзовых лесах, больше нигде и не встречал.

Ещё добавил на стене берданку, рога косули и хвост тетерева-косача - то есть, те охотничьи реквизиты и трофеи, что окружали нас с детства. За эти реквизиты жена с невестками потребовали картину перерисовать, но, когда я пообещал добавить там удочку с карасями, а также лошадь и корову за окном - они дружно сплунули и критику прекратили. И тогда я тихонечко пририсовал за тарелками с солёными огурцами, помидорами и груздочками стограммовый стаканчик с водочкой. А что? Своя рука — владыка!

17 августа 2022 года. Кроме естественной для любого человека ностальгии по прошлому, я пока никаких беспокойств здесь в Германии не ощущаю, если не считать слабого знания языка. Однако, настораживает то, что в последнее время здешние бывшие переселенцы нередко возвращаются обратно в Россию. И даже во втором-третьем поколении, целыми семьями с маленькими детьми. Большинство из них плохопомнят СССР или совсем не помнят, некоторые уже не знают русского языка, но это их не останавливает. Почему?

Наш сосед, теперь в возрасте около 60 лет, переехал сюда с Алтайского края. Родину посещает в отпуске чуть ли не каждый год. Семья, машина, работает водителем городского автобуса. Дочь ходит в школу. Разговаривают и на немецком, и на русском языке. Дом — полная чаша. И вдруг однажды говорит с грустью: «Не та стала Германия, в какую мы приехали в 1995 году. После наплыва беженцев из Азии и Африки на улицах стало грязнее. Из-за них и уровень зарплаты, и пособий снижается. Страна была уважаемым, независимым государством, а теперь в подчинении у Америки. Не для меня здесь стало всё. А тут ещё и война на Украине, беженцы заполонили улицы, вокзалы, магазины. Ведут себя, как дома, по-хамски, не понимая, что находятся в стране с другой культурой. Кричат они по-русски, их мову-то вообще никто «нихтферштейн». А немцы, принимая их за россиян, и нас не уважают! Эх, если бы не кредитные долги, давно бы уехал на Родину!»

Другие, бежавшие из ФРГ, из Финляндии, объясняют своё возвращение тем, что боятся за будущее своих детей. В школах ввели уроки о праве человека изменить пол, об однополых браках и призывают детей не чураться этих извращений! Создали специальную, ювенальную полицию. Они, по навету учителей или даже соседей, предъявляют родителям обвинение в неправильном воспитании ребёнка, на глазах у них отбирают его навсегда без права на свидания, а потом отдают в бездетную семью. Может, даже живущую в однополном браке. И что из него вырастет?!

Россия сейчас отбивается не только от НАТО, но и от новых, извращённых европейских «ценностей», и граждане Германии всё больше и больше это понимают.

Десять дней назад в СМИ вспомнили интервью Хиллари Клинтон шестилетней давности для корреспондента Рос Чайлдс, ведущей американского издания ABC News. Тогда Хиллариборолась за президентское кресло США. Она поделилась планами создания будущих Европейских Соединённых Штатов, куда войдут территории нескольких восточноевропейских государств: Польши, Венгрии, Румынии и стран Прибалтики.

Эта сенсационная новость бродит все последние дни по просторам Всемирной сети и, как ни странно, не кажется такой уж неправдоподобной.

На вопрос корреспондента о будущем страны, миссис Клинтон неожиданно

ответила, что Соединенные Штаты не могут игнорировать значительное ухудшение геофизической обстановки в районе Йеллоустонского национального парка и разлома Сан-Андреас, грозящей катастрофическими последствиями для Северной Америки и ставящей под угрозу само ее существование.

По словам Хиллари, необходимо более решительно и последовательно рассматривать вопрос о переносе американской государственности на европейскую территорию. Основным вариантом такого переселения должна рассматриваться территория Украины, климатические условия которой наиболее благоприятны для американских граждан.

По вопросу о будущем граждан указанных ей стран, Хиллари отметила, что этот вопрос не является первостепенным, так как исходя из существующей обстановки, жители указанных территорий будут счастливы стать гражданами новых Европейских Соединенных Штатов, однако такая возможность будет далеко не у всех и какую-то часть расселят по странам Ближнего Востока и Африки, так как это является, к сожалению, неизбежным процессом при геополитических изменениях, где сильные страны занимают жизненно необходимую им территорию слабых и бесперспективных государств, которые, как показывает история, прекращают свое дальнейшее существование.

Естественно, Европейские Соединенные Штаты в перспективе займут ту территорию, где государственность находится в коме, без надежды на выздоровление. На сегодняшний момент, это, без всякого сомнения, Украина, расположенная на значительной и экономически выгодной территории, которой украинские власти уже более четверти века не могут рационально управлять, где из года в год весь мир наблюдает только прогрессивно растущую государственную, социальную, демографическую и экономическую деградацию. Это же можно отнести и к странам прибалтийского региона. Надеюсь, что Европейские Соединенные Штаты сумеют достойно заменить эти недогосударственные недоразумения на европейской площадке – заявила Клинтон.

Моё мнение:

Даже если это фейк, то он очень похож на правду, в свете сегодняшних событий на Украине и вообще, в Европе. Здесь скрыта главная причина поведения США в Европейском регионе.

Записи в дневнике моего собеседника на этом заканчиваются.

Мне жаль, что я не смогла попрощаться с моим попутчиком. А моё мнение такое: у нас, русских, есть главная составляющая – чувство Родины, если оно перевесит на чаше весов «быть или не быть», он вернётся...

**Сергей
ХОРШЕВ-
ОЛЬХОВСКИЙ**

Лондон

*Писатель, редактор,
председатель правления
Международного
союза литераторов и
журналистов АРΙΑ.
Входит в редколлегию
международных альманахов
«Рукопись», «Литературная
Канада», «Всеамериканский
литературный форум»;
интернет-журналов
«Интер-Фокус», «Партнер-
Норд». Сопавтор и ведущий
литературных рубрик
«АРΙΑ НА ДОНУ». Автор
многих произведений прозы:
роман, повести, рассказы,
новеллы, детские рассказы,
очерки, юмористический
циклы «Хуторские байки»,
«Охотничьи байки».
Лауреат диплома
и большой золотой
медали им. Франца
Кафки в номинации проза,
присваиваемой Европейской
унией искусств (2011).
Литературных медалей им.
О. А. Афанасьева (2015 г.),
им. М. А. Шолохова (2016),
им. Кирилла и Мефодия
(2018), Пабло Неруды (2019),
Сергия Радонежского
(2021) и многих других
литературных и казачьих
наград.
2001 года проживает в
Лондоне.*

ПАХЛО СИРЕНЬЮ

Писатель сел к столу, придвинул настольную лампу, взял авторучку, так можно было начать рассказ в недавнем двадцатом веке, а ещё раньше: писатель сел к столу, придвинул свечу, макнул перо в чернильницу и в страхе застыл перед чистым листом бумаги. Да, в страхе. Если писатель не испытывает страха перед началом нового произведения, то это вовсе и не писатель, а так – писака.

В век электронных технологий рассказ начнём так: писатель сел к столу, включил компьютер...

- Чего застыл перед монитором? – спросила жена.
– Новый рассказ начал что ли?

- Собираюсь, – вздохнул писатель. – Для цикла «Школьная любовь».

- Тогда начини так, как любят лирики. Был тёплый весенний вечер, в воздухе пахло сиренью...

- Точно! Сиренью! – воскликнул писатель и быстро застучал по кнопкам клавиатуры.

* * *

Был воскресный тёплый майский день. В городском парке терпко пахло скошенной травой и сиренью. Студент пятого курса N-ского института Родион К.* шёл со стопкой книг под мышкой вглубь парка, на свою любимую лавочку, готовиться к последнему экзамену. Проходя мимо куста декоративной сирени он заинтересовался двумя большими бабочками-белянками весело порхавшими над необычными белыми гроздьями с розоватым оттенком. Одна бабочка была с желтыми краями крыльев, вторая – с оранжевыми. Родион остановился и стал любоваться цветастыми белянками выделявшими замысловатые зигзаги в переливистых лучах ласкового весеннего солнышка, сочившихся сквозь ветви полувековых лип окружавших бархатистую сирень, и вдруг услышал, как будто с небес, звонкий голосок.

- Подумаешь, не смотрит на тебя. И без него парней много.

- Да, много, – всхлипнул другой голосок. – Но мне нравится он.

Родион заглянул за куст сирени слева, заглянул справа, и, никого не обнаружив, с изумлением уставился на бабочек.

- Ерунда какая-то! Я что, стал понимать язык насекомых? Да нет же! Перезанимался, видимо, ночью. Почудилось.

- Ой, ой! Ловелас! Порхает перед девчонками в

ярко-жёлтой рубашке! – опять раздался, как будто бы с небес, звонкий голосок. – Забудь его!

- Не могу.

- Тогда сама подойди к нему.

- Не сейчас. Потом как-нибудь.

- Потом будет поздно. На пятом курсе выпускные экзамены.

Родион ещё раз заглянул за куст сирени слева, заглянул справа, и, никого не обнаружив, зашёл за куст.

- Ой! – прозвенел знакомый голосок. – Нас засекли!

Родион поднял голову ввысь – бабочки уже порхали над соседним кустом. Он раздвинул ветки и, увидев на маленьком клочке притоптанной травы двух студенток с конспектами в руках, осведомился:

- А парень в оранжевой рубашке сгодится?

Девушка с мокрыми глазами молча кивнула.

- Зовут-то тебя как, мокроглазая? – присел Родион на корточки.

- Майя её зовут, – ответила бойкая девушка со звенящим голоском, видя, что подруга совсем стушеввалась.

- Вот те раз! В мае познакомился с Майей! Пойдёшь со мной в кафе, после экзамена? – протянул Родион руку девушке с мокрыми глазами.

Майя молча кивнула, утёрла слезы, и дала руку Родиону.

* * *

- Уже закончил рассказ? – удивилась Майя, заметив, что писатель отключил компьютер. – Так быстро?

- Да. Получилась маленькая романтическая новелла, – удовлетворённо хмыкнул писатель и с ревностью поинтересовался. – А кто ходил в жёлтой рубашке?

- Ты и ходил.

- Я был в оранжевой.

- Да. Но нам с Катей она казалась ярко-жёлтой.

* Все имена автором взяты произвольно, любые совпадения случайны.

СПАСИБО ШКОЛА

Николай всё утро стоял у окна.

- Что ты там застыл? – спросила сестра Ирина, накрывая стол к завтраку.

- С подробностями запоминаю родной двор.

- Зачем?

- Чтобы весь год был в памяти. Завтра заканчивается мой отпуск.

- Позавтракай, и сходи с племянником в школу, – приказала мать, наливая в чашки чай.

- И то верно. Своих учителей проведу.

- Нет, Коленка, – возразила Ирина. – Славик пойдёт в специальную школу. С углублённым изучением английского языка.

- Тогда, пожалуй, не пойду. Что мне делать в чужой школе?

- Пойдёшь! – строго сказала мать. – У него всё-таки первый в жизни звонок.

- В первый раз, в первый класс! – засмеялся Николай и сел за стол. – Ладно, пойду.

- Ура! Ура! – запрыгал Славик. – Все пацаны лопнут от зависти!

- И с чего бы то им лопаться? Я что, какой-то особенный?

- Да. У тебя военная форма, с медалями.

- Но я не собираюсь идти в форме.

- В форме. Обязательно в форме. Это даже не обсуждается, – отрезала мать.
- Конечно в форме, – поддержала маму сестра. – Это же так красиво.

* * *

Николай, Ирина и Славик, как не спешили, всё-таки немного опоздали на линейку. Ирина с извинениями кинулась к директору школы, а Николай пристроился к группе умилённых торжественным событием дедушек и бабушек и увидел посреди школьного двора девочку со звонком, и ошалел: «Он знает эту девочку! Знает! Он видел её раньше! Но где и когда?» В его сознании быстро поплыли картинки из детства: «Посреди школьного двора стояла маленькая, очень красивая девочка, с большими белыми бантами, в коротеньком платьице и с острыми коленками. Завуч школы подводила к ней одного за другим мальчиков, но тотчас отправляла их обратно в шеренгу первоклассников. И тут пришёл он, как и сейчас, с опозданием. Завуч школы бросила на него резкий взгляд, схватила за руку и поставила рядом с девочкой неземной, как тогда показалось Коле, красоты. И они вместе прошли перед шеренгой выпускников со школьным звонком. А потом Олю и Колю посадили вместе на первую парту, как самых маленьких. Коля каждый день подсовывал Оле в парту конфеты, а она научила его играть в девичью игру классики. Каждую перемену они проводили вместе в школьном дворе, несмотря на едкие насмешки ровесников. Но после осенних каникул Оля не пришла в школу. Коля не находил себе места. Ждал, ждал, ждал... Но она так и не вернулась.»

События вдруг стали разворачиваться точно так, как в детстве. Завуч школы подводила к миниатюрной девочке одного за другим долговязых мальчиков, и тотчас отправляла их обратно в шеренгу первоклассников. И тут её взгляд упал на Николая. Она быстро подошла к нему, схватила за руку и затараторила:

- Пройдите, пожалуйста, со школьным звонком вместе с этой девочкой, это традиция такая.

- Я знаю, – успел вставить Николай. – Я ходил с таким звонком в первом классе.

- Отлично! – воскликнула завуч, и обратилась к родителям первоклашек. – Посмотрите, как символично! Этот офицер, будучи первоклассником, шёл со школьным звонком перед выпускниками. И теперь он снова проделает этот путь!

Родители и гости с восторгом захлопали в ладоши, и Николаю не оставалось ничего другого, как подойти к девочке очень походившей на его первую школьную любовь. На светленькой головке девчушки были точно такие белые банты, точно такое коротенькое платьице, и точно такие остренькие коленки, как и у бесследно исчезнувшей Оленьки, приворожившей его на всю жизнь.

- Ты мой папа? – неожиданно спросила девочка.

- С чего ты взяла? – опешил Николай.

- Мама сказала, что мой папа военный, находится на важном задании. Но как только я вырасту, приедет.

- А ты уже выросла? – улыбнулся Николай.

- Конечно. Я же пошла в школу.

- Идите, идите! – скомандовала завуч школы. – Звоните, звоните! – голосисто кричала она, семена следом.

Закончив круг почёта, завуч повела девочку к первоклашкам, а Николай направился к гостям школы.

- Иди к маме! Вон она, в голубом платье! – крикнула ему вслед девочка.

Николай посмотрел на гостей. Среди них была единственная женщина в голубом платье. Его будто магнитом потянуло к ней и он сходу представился.

- Ольга, – сухо ответила белокурая красавица.

- Ваша дочь сказала, чтобы я шёл к Вам. Она почему-то считает меня своим папой.

- В этом я виновата, – сконфузилась Ольга. – Когда дочка подросла, стала

спрашивать, где папа? Я не знала что ответить и поведала ей распространённую легенду. Папа военный, находится на важном задании, но обязательно вернётся, когда она вырастет, и заберёт нас.

- А где он на самом деле?

- Уехал в длительную командировку и встретил там другую женщину, когда Оленьке не было ещё и годика.

- Удивительная история, – торопливо сменил тему разговора Николай, желая отвлечь новую знакомую от невесёлых мыслей. – Будучи первоклассником, я шёл со школьным звонком перед строем старшеклассников вместе с точно такой белокурой девочкой, с точно такими большими белыми бантами. И звали её тоже Оленька, и коленки такие же... – засмутился на секунду Николай. – А ещё она научила меня играть в классики.

- А ты за это подкладывал ей в парту конфеты.

- Ты та самая девочка?!

- Да.

- Никогда бы не узнал, если даже и встретил бы где-то.

- Я тоже не узнала бы тебя. Вон какой боевой стал. Офицер, с наградами. А был маленький, юркий.

- Но куда ты тогда исчезла?

- Мой папа тоже офицер. Его перевели в другой город. А потом ещё раз, и ещё... Теперь вот только ушёл в отставку и мы вернулись.

- Ох и влюбился же я тогда в ту девчонку!

- И я долго грезил о том мальчишке.

- Родители первоклашек, идите вместе с детьми в класс! Давайте! Давайте! побыстрее! – потребовала завуч, и Ольга заспешила вслед за первоклассниками в здание школы.

* * *

Николай стоял на краю школьного двора, ожидая сестру и племянника. Но первыми он увидел Оленьку и её маму.

- Вот мой папа! Вот! – кричала девчушка и отчаянно тащила за руку слегка упирающуюся маму.

- Извините нас, ради Бога, – жутко засмущалась Ольга. – Зря я придумала эту легенду.

- Ну, почему же зря? – нерешительно начал Николай, суматошно подыскивая нужные слова.

- Папа! Папочка! Ты заберёшь нас? – вцепилась в руку Николая Оленька. – А то я ещё никогда не летала на самолёте.

- Да, завтра мы уезжаем на Дальний Восток, – решительно заявил Николай и пристально посмотрел на Ольгу. – Успеешь собраться? А то наша дочка ещё никогда не летала на самолёте.

- Успею. Мы с мамой куда только не собирались вслед за папой, – будто загипнотизированная произнесла Ольга.

- Спасибо школа! Ты опять свела нас вместе! – вне себя от радости закричал Николай и подхватил на руки Оленьку.

- Спасибо школа, – обессиленно пролепетала Ольга и прислонилась к плечу Николая.

- Спасибо школа! – звонко прокричала Оленька. – Я нашла папу!

* Все имена автором взяты произвольно, любые совпадения случайны.

ОТЧАЯННАЯ ЛЮБОВЬ

В беседе, у костра, участвовали четверо – трое мужчин и женщина. Остальные участники пикника разбились на маленькие группки по два-три человека и, душевно беседуя, разбрелись по берегу необычайно красивой извилистой речушки заросшей ивами. Говорили в основном двое, а точнее спорили – плечистый здоровяк Вадим* и стройная симпатичная Жанна. Антон и Максим до поры до времени помалкивали.

Вадим страстно любил свою белокурую красавицу жену и был безгранично предан ей. Жанна тоже очень любила своего мужа и тоже всецело была верна ему. В этом они были одного поля ягоды, тут у них не было никаких разногласий: каждый из них готов был на любые жертвы ради своей второй половины. Так из-за чего же тогда шёл спор? Да из-за того, что Жанна никогда не изменяла мужу, даже в мыслях. А вот Вадиму, изменяла жена. Да что там изменяла – она дважды уходила от него! Да что там уходила – она дважды уезжала далеко-далеко и дважды жила там гражданским браком! И дважды у неё там – вдалеке, не складывалась жизнь. И она дважды просила Вадима приехать и забрать её, каждый раз плаксиво жалуясь на тех других: дескать, нехорошие какие, обманщики, наобещали золотые горы, а на деле всё не так, всё очень плохо. Вадиму дважды становилось жалко жену до слёз, и он дважды нанимал грузовой автомобиль и дважды ездил далеко-далеко, чтобы забрать свою любимую со всем её кочевым скарбом домой.

- Да разве можно такое простить?! – воскликнула Жанна в негодовании. – Это же не измены, это безобразие! А если она уедет в третий раз?

- Значит, поеду и заберу в третий раз. И в четвёртый, коли будет такая необходимость. Я же люблю её.

- Да разве это любовь?! – продолжала негодовать Жанна.

- Ещё какая любовь! Отчаянная! – с обидой в голосе ответил Вадим и, как бы невзначай, добавил: – А ты думаешь твой не изменяет тебе?

- Никогда!

- Всяко может быть. Я по молодости бегал вместе с ним на вечеринки, знаю какой он был охочий до девок.

- И что с того?

- Думаю, он не стал другим.

- Я ни разу не слышала от людей таких разговоров. А раз так, значит ничего и не было.

- Всяко может быть, – не унимался Вадим.

- Глаза не видели, сердце не болит, – уверенно отбила его наскок Жанна.

- Всяко может быть, – в третий раз произнёс Вадим одну и ту же фразу с недвусмысленной ухмылкой, зарождая в сознании Жанны сомнение.

- Если это даже и было, то в прошлом! Да и было ли ещё! – с укоризной посмотрела она на Вадима и с влажными глазами убежала на берег реки.

- Зачем ты это сказал?! – в недоумении закричали, чуть ли не в один голос, Антон и Максим.

- А пусть теперь и она помучается...

*Все имена взяты автором произвольно, любые совпадения случайны.

**Александр
БАЛТИН**

Москва

*Александр БАЛТИН -
член Союза писателей
Москвы, автор 84 книг
(включая Собрание
сочинений в 5-ти томах),
и свыше 2000 публикаций
в более чем 150 изданиях
России, Украины,
Беларуси, Башкортостана,
Казахстана, Молдовы,
Италии, Польши, Болгарии,
Словакии, Чехии, Германии,
Франции, Дании, Израйля,
Эстонии, Якутии, Дальнего
Востока, Ирана, Канады,
США.*

*А ещё Александр Балтин
известен в литературных
кругах как тонкий ценитель
и высокопрофессиональный
критик литературы
классиков и современных
писателей. Получить
отзыв Александра Балтина
о своем творчестве,
всёравно, что получить от
доктора диагноз о своём
здоровье.*

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЛУЧИ СЕРГЕЯ ПРОХОРОВА

Ум, требующий тренировки в большей степени, нежели тело, не должен застаиваться, и поэзия, подразумевающая и эстетическую сосредоточенность, и способность к значительным интеллектуальным вибрациям, прекрасный вариант подобной гимнастики...

О чём прекрасно знает Сергей Прохоров, сочетающий метафизику и иронию в тех пропорциях, которые предоставляют хороший вариант тренировки; именно поэтому новая книга поэта так и называется «Гимнастика ума».

За вехою веха
И зримо, и слепо
Шёл, падал и пел.
Споткнулся об эхо,
Упавшее с неба,
И весь зазвенел.

Как правило, краткие, стихи Сергея Прохорова напряжены мускульной силой мысли, и ощущения, проводимые сквозь них, мерцают золотистыми нитями точно выверенных строк.

Элемент абсурда придаёт поэзии дополнительное очарование: ведь как это чудесно – споткнуться об эхо!

Оно зазвенит, серебряно рассыпаясь, суля новые перспективы движения.

...Сергей Прохоров исследует, сопоставляя, мир внешний и мир внутренний; и тугой окрас заоконного пейзажа, будучи неоспоримым, сложно соотносится с трудностью изучения подлинности души:

Все думаю – мы те ли,
Или уже другие
И все наоборот?
А за окном метели
Холодные, тугие,
Снегов водоворот.
Но не пугают стужи –
Поцарствуют и минут,
Наступит благодать.
А лучше или хуже
В душевном нашем мире –
Нам только лишь гадать.

Непременная ирония, мерцающая драгоценными камушками, тонко и нежно высвечивает мысль, даже если костяк оной – пессимистичен:

Как живешь, что думаешь, чем дышишь?
Хорошо, когда все по уму.
Сам себя в историю не впишешь –
Нужен ты в ней больно-то кому.

...звук, точно становясь
самостоятельным персонажем, плещет и
играет в раскатах поэзии С. Прохорова:

Шутя, друг друга мы смешили
И были счастливы уже,
А с неба падали, снежили
Снежинки в снежном кутеже.
Их радостно с тебя сменяя,
Я попевал считать едва ль,
И на ресницах твоих таял,
Влюблённый по уши январь.

Перекликаются, нежно изгибаясь
контурами, зимние «эс», и становится на
душе легко, снежно...

...портрет жизни даётся кратко:
слово соответствует строчке (иногда
два) в мускульно насыщенном, и, увы,
печальном стихотворении:

Было дело –
чувство зрело,
грело тело,
душу грело
пылко, смело,
обалдело,
очумело,
оголело,
оголтело,
млело,
пело,
перемлело,
перезрело...
Надоело.

Великолепная жизнерадостность
отличает поэзию Прохорова: что
бы ни случилась – жизнь остаётся
захватывающим мероприятием,
поэтому:

Пусть года на меня, как напасти,
Давят, жмут, на душе шелестят,
А я жду приглашенья на кастинг,
Там, где Голос уж за шестьдесят.

Попытался бы, чем чёрт не шутит,
Да и в голосе нет мандража.
Хотя 80 мне уж, по сути,
Молодая, по сути, душа.

Именно молодость души: равно
необыкновенная живость и открытость
её ощущаются в поэзии поэта: часто
задорной: всё, мол, не беда, и – унывать
последнее дело.

Вот и трагедию С. Прохоров
превращает в поэзию: и быт, выпускаемый
лентами в стихотворение, отдаёт теплом,
несмотря на ситуацию:

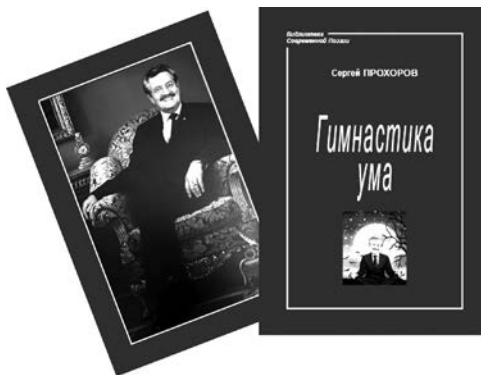
Устав от жизни этой трошки,
Под нос сварлю: -
Пойду, почищу-ка картошки
Да суп сварю.-
Обдаст на миг шипящим паром
Вчерашних дней,
Когда обедал я на пару
С женой своей.
Уж сколько нет, но в унисон ей
И день, и год,
Накрою стол на две персоны,
А вдруг войдёт.

Вдруг...

Свершится чудо – и всё закружится
вновь, заиграют столь необходимые
краски... вынужденные тускнеть от
жизненных обстоятельств.

Но... в поэзии Прохорова всё и так
кружится, мерцает нежно, вспыхивает
ярко, перекликаются волшебные огни
звуков и мыслей, будто бесконечно-
прекрасное детство не покидает поэта:
да и жизнь вечно подбрасывает то, чем
хочется удивлённо восхищаться: зиму
ли, летний рассвет, улыбки друзей...

И чудесно расходится волшебными
лучами поэзии – равной альтернативной
жизни – новая книга поэта.

**Сергей
ПРОХОРОВ**

Нижний Ингаши

*Сергей Тимофеевич
Прохоров – поэт, член
Союза писателей России,
член Международной
федерации русскоязычных
писателей, член-
корреспондент Крымской
литературной Академии..*

*Автор 24 книг стихов
и прозы, основатель
и редактор двух
литературных журналов:
«ИСТОКИ» (с 2005 г.) и
«ЛИТКУЛЬТПРИВЕТ!» (с
2012 г.).*

*За вклад в русскую
словесность и национальную
культуру награждён
орденом «Культурное
наследие».*

СТРАДАТЬ И ПЕТЬ
(Стихи из новой книги “Гимнастика ума”)

За вехою веха
И зримо, и слепо
Шёл, падал и пел.
Споткнулся об эхо,
Упавшее с неба,
И весь зазвенел.

СТРАДАТЬ И ПЕТЬ

Душа пуста,
Когда нет боли.
Она должна
Страдать и петь.
И всё пусть так,
И даже боле –
Всю боль до дна
В себе стерпеть,
Страдать и петь,
Страдать и петь.

О ДОБРОТЕ

О плохом не начинайте -
Разговор, увы, пустой.
Лучше души начиняйте
Человечной добротой.

Злое слово судьбы косит
Хлестче горького вина.
Доброта затрат не просит,
Но дороже всех она.

ЛЕТО

От небесных лир
Звонко-струнных
Дождь с утра пролил
Тонко-струйный.
Простучал по крышам
Staccato*

И затих
Незаметно как-то.
И, от солнца
Листвой просохнув,
В небо шляпу взметнул
Подсолнух.
Залоснились ботвою
Грядки.
Значит, лето
И всё в порядке.

РАЗДВОЕННОСТЬ ДУШИ

В себе самом ищу я суть
Движенья душ,
А мысли бранные несут
Такую чушь,
Как будто, путь земной верша,
На грани лет,
Одна душа другой душе
Даёт совет:
«Святая ты, а я грешна,
Одна нам мать.
Какого же тогда рожна
Нам воевать?
Навоевались за свой век
Довольно уж.
Один нам властен человек,
И тот не дюж.
Нам в спорах надо отыскать
Такую нить,
Чтоб раздвоенье душ опять
Соединить ».
Движенья душ, увы, не чушь,
И понял я,
Среди воюющих двух душ
Одна - моя.

И снова в поисках утрат
Всю ночь я бредил,
И снова дождь прошёл с утра,
Листву проредил,

Промыл все крыши и кусты,
В струях полоща,
И за околицею стих,
За синей рощей.

А больше, вроде, ничего,
Так, чтобы очень,
Но было грустно от того,
Что скоро осень.

ИЗБА И СЛОВО

Как слово ёмкое из букв –
Шрифт чист и ровен -
Срубил мужик свою избу
Из крепких брёвен.

Венец к венцу блещут ряды
Янтарным слогом,
Как бы приветствуя труды
Мастерского.

Печная задымит труба
Зимою злою
И обогреет всех изба
Теплом, как словом.

ВЕСНА. ЛЮБОВЬ. СТИХИ

Кругом мели весенние метели,
В сердцах влюблённых чётче что творя,
А я читал Есенина в постели
Девчонке из соседнего двора.

Сиренью пахли в окнах занавески,
И от любви хотелось петь и петь...
И матушка, мечтая о невестке,
Старалась половицей не скрипеть.

ИСТИНА В РУКАХ

Наверно, где-то в чём-то и лукавя, -
Без этого немыслимо никак -
Разводим в оправданье мы руками.
Выходит, мудрость истины в руках.

Про то давно известно и науке,
Её не обмануть, что не скажи.
Где рот солжёт, солгать не смогут руки,
Вас уличит во лжи детектор лжи.

ОНА ОДНАЖДЫ ПОСТУЧИТСЯ

Я знаю, чуду не случится,
Таких чудес на свете нет...
Она однажды постучится
Рукой костлявою ко мне.

Я не спеша ей дверь открою,
Теперь уж некуда спешить,
Друзьям прощальный стол накрою
За упокой своей души.

И водку горькую привычно
В пустые рюмки разолью,
И ей, проклятой, горемычной
В стакан до краешек налью.

Всем предлагая угощенья,
И сам я стопку осушу,
И попрошу у всех прощенья,
За всё на свете попрошу...

Я знаю – чуду не случится,
Придёт Она – не устоит,
Но пусть не сразу постучится,
Пускай за дверью постоит.

НАЙТИ БЫ ЛАМПУ АЛАДДИНА

Какая выпала година!
Какую ожидать нам впредь?
Найти бы лампу Аладдина
И потерять, и потерять.

Чтоб в этом мире искушений
И непредвиденных тревог,
И добрый, и большой волшебник,
Всё нам исправил и помог.

И ВАЯТЬ, И ВАЛЯТЬ

Нам нельзя без причуд,
Как нельзя без чудес,
Хоть чуть-чуть по чуть-чуть –
Вот такие мы есть.
Просто любим чудить,
Создавать чудеса,

И по морю ходить,
И летать в небеса,
И ваять на века,
И валять дурака.
Хоть чуть-чуть по чуть-чуть,
Нам нельзя без причуд,
Как нельзя без чудес –
Вот такие мы есть.

И ЖИТЬ, И МУДРИТЬ, И ГАДАТЬ

Век живём, век мудрим, век гадаем,
А какой он? Что знаем о нём?
Мы мудры не умом, а годами,
Не вчерашним, а завтрашним днём.

Потому-то, порой, не хватает,
Чтобы вдоволь, досыта, с лихвой.
Мы года, словно книжки листаем,
Век у каждого собственный, свой.

У кого-то поменьше, побольше,
Как конец его предугадать?
Потому-то и хочется дольше
Нам и жить, и мудрить, и гадать.

ДОМ ДЕТСТВА

Небо синее. Крыша. Труба
И дымок. Это видел я где-то...
Мне сегодня приснилась изба
Из далёко-далёкого детства.

Старый дворик до боли знаком
От ворот до забора прожилин.
Я хотел бы вернуться в тот дом,
Где родился, где все ещё живы.

В этом мире мы не навсегда,
Мы на этой земле проходные.
Безвозвратно уходят года,
И уходят друзья и родные.

Я не знаю, что будет потом,
Не хочу рвать из сердца я жилы,
А хочу возвратиться в тот дом,
Где родился, где все ещё живы.

ЗИМНИЙ БЛЮЗ

Затих дождей осенних блюз,
Эстрада смолкла листопада.
И вдруг я понял, что мне надо -
Я зиму, всё-таки, люблю.

Когда кругом белым-бело,
Как в пору яблони цветенья,
И от такого просветленья
В душе становится тепло.

Скользят снежинки по стеклу,
По тонко-звонкому узору,
Едва касаясь цветом взору,
Легко волнуя лаской слух.

Не удержусь и на крыльцо,
Забыв тулуп надеть и шапку,
И снега свежего охапку -
И на лицо, и на лицо.

И развесёлый зимний блюз
Станцую я себе на радость...
Как нам порой немного надо,
Как всё же зиму я люблю.

О ЛЮБВИ И О ВЕСНЕ

В небе солнышко горит ли,
Тает ли в округе снег,
Снова будем говорить мы
О Любви и о Весне.

И неважно, кто мы, где мы,
Что у нас в душе, в крови?
Не придумать лучшей темы,
Чем признание в любви.

Будоража сердца ритмы,
Обжигая кровь в огне,
Вечно будем говорить мы
О любви и о весне.

ПИШИТЕ ПИСЬМА

Мы и живём не так теперь, и дышим,
Чего-то в нас от прошлого уж нет.
И писем мы друг другу уж не пишем,
Зачем, когда под боком интернет?

Мне свежая пришла сегодня почта
И в ней письмо. Одно среди газет.
Полузабытый, но желанный почерк,
Как памяти полузабытый свет.

Я вскрыл конверт волнительно руками,
Ну, почерк! Не разборчив ни черта!
Но чувствую дыхание меж строками,
Как же давно я писем не читал!

Как будто рядом прозвучала песня,
Послышалась до слез родная речь...
Пишите иногда друг другу письма,
Они для нас, как памятники встреч.

МОЖЕТ, УСПЕЮ

И всё чаще с каждым днём, как на смех,
Забываться стали имена,
И все дни, что прожиты мной наспех,
Как просыпанные на пол семена...

Соберу по зёрнышку, успею,
Может. Посажу и там, и тут.
Даже, если где-то не поспеют,
То хотя бы где-то прорастут.

ДЛЯ СЕБЯ

Береги себя ты, ради Бога,
Говорят нам, искренне любя,
Но таких, как мы, у Бога много,
Не хватает у самих себя.

Потому-то, может, нам важнее
Друг для друга ради, для себя
Быть чуть-чуть терпимее, нежнее,
И чуть-чуть надёжнее любя.

О ЛЕТЕ В НИЖНЕМ ИНГАСЕ

Я вновь о летней думаю красе,
И вспоминаю ранние прогулки,
Где стук шагов в часы такие гулкий
Смягчается в серебряной росе.

Почти у всех домов, в любом саду,
Где от цветущих гроздьев ветки гнутся,
От аромата можно задохнуться
В черёмухо-сиреневом чаду.

Да, я о нём – о Нижнем Ингаше,
А разве есть места такого краше?
И ближе и родней, чем это – наше?..
И лета в нём так хочется уже,

Где снова я по утренней красе
Все улицы пройду и переулки,
Где стук шагов в часы такие гулкий
Смягчается в серебряной росе.

ПЛАНЕТА ДЕТСТВА

Мы все когда-то, где-то
Однажды родились,
И детство, как планета,
В нас кружится всю жизнь,

То, удаляясь к звёздам,
То, возвращаясь вновь,
Наматывая вёрсты
Космических годов.

Простое чудо света,
Земное волшебство -
Далёкая планета,
Шар детства моего.

Прекрасная планета
Счастливых детских лет.
На свете ярче нету
Других таких планет.

НА ПЛАВУ

Этот мир не кончается -
Самый светлый, земной.
Будто лодка качается
Под тобою и мной.

И всего-то, по сути нам,
Только быть на плаву.
Жизнь моя, как посудина,
На которой плыву

Между зимами, вёснами,
От тебя и к тебе,
Всё гребу себя вёслами
Я по речке-судьбе.

Этот мир не кончается
Ни сегодня, ни впрямь,
Будто лодка качается
Так, что хочется петь.

ПО НАКЛОННОЙ

Как будто сквозь линзу: далёко-близки'
Тропинка, дорога, дни, месяцы, годы.
Грузнеет походка, белеют виски,
И ноют суставы на сход непогоды.

А время бежит, по наклонной скользя,
Меняются люди, законы, привычки.
Стареют подруги, уходят друзья,
Всё меньше и меньше их на перекличке.

Вся жизнь - то вверх, а то вниз, на излом,
То где-то греховна, а где-то невинна.
Зачем уходя мы грустим о былом?
Наверно, о будущем было б наивно.

ПОБУДЬ ЕЩЁ

О, мир земной
и солнечный,
и звёздный!
Ты был со мной
и в ранний срок,
и в поздний.
Побудь ещё

и дай мне
насладиться,
Как жизнь течёт,
как реет
в небе птица.
Мы все уйдём,
куда уходит
солнце,
И пусть дождём
оно на нас
прольётся,
Согрев
теплом земным,
как в поле семя,
Когда к мирам иным
умчит нас время.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Вернуться если б мне туда,
Откуда столько лет я шёл.
Чего бы сделать мог тогда
Такого нужного ещё?

О чём всё время забывал
Среди никчёмной суеты,
И с кем не раз, порой, бывал
Скупым на ласку доброты.

О ком в мечтах не говорил,
Но с кем мне было хорошо...
Калитку б к дому отворил:
- Ну, здравствуй, мама! -
Я пришёл!

ОТЧЕСТВО

Среди важных дел, забот и прочего,
Жизни составляющих итог,
Человеку важно его отчество,
Как реке родник - её исток

Светлый или замутнённый горечью?
Жаль, не выбираем мы родни.
Если величаешься ты с гордостью,
Значит, чистым жизни был родник.

ПОДУШКА – ПОДРУЖКА

Я завёл себе подружку
На всю старческую мочь –
Распуховую подушку,
Сладко спим мы с ней всю ночь.

Не стареет, не линяет
И не просит, есть и пить,
Мне ни с кем не изменяет,
Только просит на ночь взбить.

И так ласково обнимет,
К голове моей прильнув,
Всю усталость сразу снимет,
Уводя меня ко сну.

Вот такая есть подружка
У меня теперь одна –
Распуховая подушка,
Как любимая жена.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДИК

Утром дождикеш прошёл
По деревне нагишом,
Приставал ко всем подряд:
От прохожих до оград.

Меж дворами в пляс пустился,
Во все стороны пролился.
Млели крыши и кусты
От небесной чистоты

Не предъявляя жизни счёт
Я сам за всё плачу
И потому я жить ещё
Пытаюсь, и хочу.

ЧЕГО НАМ ЖДАТЬ?

Ну, что-то, ведь, должно произойти
Такое необычное. Такое...
Как хочется и мира, и покоя,
Как тяжело груз смутности нести.

Каких ещё нам ждать поступков, слов,
Неведомых, несслыханных нам сроду,
Чтоб вдруг и навсегда произошло
Взаимопонимание народов.

ПО ТИХОЙ ОСЕНИ

В каком саду, в каком году,
Цветами чувств играя,
По тихой осени пройду
От края и до края.

Ступая павшим листьям в след,
И нежно душу рая,
Я соберу большой букет
Былых воспоминаний.

ВЛЮБЛЁННЫЙ ЯНВАРЬ

Шутя, друг друга мы смешили
И были счастливы уже,
А с неба падали, снежили
Снежинки в снежном кутеже.

Их радостно с тебя сметая,
Я попевал сметать едва ль,
И на ресницах твоих таял,
Влюблённый по уши январь.

Мы в этой жизни или, или.
Но всё плохое я простил.
Когда меня похоронили,
Я даже как-то загрустил,
Но вдруг, заслышав бабий вой,
Вновь ожил: – Бабы, я живой!

ЛУЧШЕ Б НА ГУСЛЯХ

Мы нежные люди,
Мы солнышку рады,
Мы музыку любим,
А слышим снаряды.

Уберегусь ли
На огненном вскрике?
Мне лучше б на гуслях,
Мне лучше б на скрипке.

ЗЕМЛИ ТЕПЛО

О, боже, боже, боже мой,
Как же люблю я мир земной!
Его готов пройти пешком
В унтах, сандалиях, босиком,

В снегах полярных и в степи,
Куда ещё не занесло,
И где ногою не ступив,
Земли я чувствую тепло.

ПОДНОЖКА

Читая на лицах
Прохожих тоску я,
Хочу помолиться,
Грехами рискуя.

Кто нынче не грешен?
Молюсь понемножку.
Но ставит мне леший
Ко храму подножку.

СТИХАМИ НАГРАДА

Лет много я прожил,
Чего ещё надо?
Мечтать лишь о прошлом
Осталась отрада.

Занятие это
Не всякий раз в радость,
Но как для поэта -
Стихами награда.

КАК ХОЧЕТСЯ НА МИГ ПОМОЛОДЕТЬ

Не знаем мы, увы, когда и где
Нам ожидать конечного причала.
Как хочется на миг помолодеть,
Вернуться в то далёкое начало,

Где столько ещё радостей и грёз,
И счастливы нам горы и долины,
И пироги к рождению не из глины,
И все мечты реальны и всерьёз.

Стою на самом краешке пути.
Каким он был - он был моим, не скрою,
А жизнь свою запомню молодою,
Так легче груз лет дальше мне нести.

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Сию минуту или погода
То жизнь торопим, то теряем время,
А лучше слушать музыку дождя –
Снимает как рукой любое бремя.

Спадают с плеч и год, и день, и час,
Как бы вода, что с крыши вниз стекает
И струны струй за окнами звучат,
И нотами мелодий, и стихами

Уводят от никчёмной суеты,
Печали все и недуги смывая,
И звуками небесной чистоты
Тебя всего, как пледом накрывая

Сию минуту или погода,
Да это, в общем, и не так уж важно.
Люблю я слушать музыку дождя,
Меня очаровавшую однажды.

НА УС

Не люблю я ерунды,
От неё дурею,
Не ношу я бороды,
Но усов не брею.

А к лицу мне или нет
Те власы под носом –
Ерунда, ведь я поэт,
Хоть и под вопросом.

Мне усы - ни форс, ни вкус,
В смысле про наружность,
А мотаю я на ус,
Всё, чего мне нужно.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХРИСТА

Я был ещё в сладостной дрёме,
Когда ни с того, неспроста
Поэт позвонил мне, Ерёмин,
Поздравил с рождением Христа.

Я был удивлён и растроган,
Спросил: «А ты разве крещён?»
«А нехристей нету у Бога»,
Воскликнул поэт возмущён.

И, поразмыслив немного,
Весь мир этот грешный любя,
Мы чтили и славили Бога
Иисуса Христа и себя,

И всех остальных понемножку,
От щедрости душ заодно
И серую в инее кошку,
Скребущую за окном.

ЧЕТВЕРТИНКИ

Хлеб ржаной и авокадо,
Правда горькая и лесть.
Что нам в жизни ещё надо,
Когда всё и так уж есть.

То где-то солоно, то пресно,
То в драку тянет, то дружить.
И вроде жить не интересно,
А что же хочется так жить?

Как давно уже я мире не был
Ни в натуре, ни во сне.
Я сегодня видел небо
Через форточку в окне.

А какая наша доля вся?
Говорят, что всё пучком
И пока Россия доится,
Будем все мы с молочком.

Верим в это мы и в то, что
Всё прекрасно, что ни есть...
Хорошо цвела картошка,
Значит, будет чего есть.

А жизнь меня душою всей внимала
В начале и на самом вираже...
Стихов я про неё сложил немало,
Но лучшие написаны уже.

То нахлынет, то стихает
Боль от недугов и бед.
- Чем вы лечитесь? – Стихами. –
Мой на то один ответ.

Не ем я чёрную икру –
Желанья нету.
Готовлю кашу на пару –
Блюда диету.

А среди вечных делений
По именам, рангам, лицам,
Лучше быть первым в деревне,
Чем миллионным в столице.

Встал сегодня ровно в восемь
Бодреньким от сна.
- С добрым утром! - шепчет осень
Веткой у окна.

Раз на жизнь лимита нет,
Может даже статья,
Проживу ещё сто лет
Бодреньким я старцем.

Судьба, порой, как нить каната,
Сорвёшься – амплитуды звук...
Я раньше жил не так, как надо,
Как надо ли теперь живу?

Время днями меря и часами,
Ходим, едем, спим, летим, бежим...
Что бывает с нами между снами? -
Очевидно жизнь.

Нахрена Фоме пропеллер,
Если нету самолёта...
В небе жаворонки пели,
Восхищаясь от полёта.

То бездари, то гении.
Довериться кому?
Вчера прочёл Тургенева
Ивана про Муму.

И вновь повторится всё это:
Рассвет, солнце дня, звёзды тьмы
В коротких мгновениях лета,
В объятиях долгой зимы.

В разрез естеству и науке,
А, пан или, в смысле, пропал,
Попробовал взять себя в руки,
На заднее место упал.

Не подражая никому,
Хотя вокруг соблазнов тьма,
Доверюсь своему уму
И буду счастлив без ума.

Все мы, где-то божьи твари,
Мудрецы и чудачки,
Ну, а где мозги не варят,
В ход вступают кулаки.

Если жизнь, как пила,
Взад-вперёд не ленится:
Вжик-вжик-вжик и все дела,
Ну, а дел – поленища.

«Жду тебя уж битый час» -
Поговорка есть у нас.
Ну, а кто же час тот бьёт?
Вероятно, тот, кто ждёт.

Начало и конец. А в промежутке
С недавних пор на краюшке судьбы
Я понял, наконец,
жестокость грустной шутки -
Когда не сор выносят из избы.

Знает каждый и везде,
Если что случится,
Лучше где-то перебдеть,
Чем пересомниться.

Слиянье чувств всему основа,
Соединяющая нас.
Душа откликнулась на слово
И словом песня родилась.

Жизнь свою душою мерьте,
Ни к чему считать года.
И не думайте о смерти
Ни сегодня, никогда.

Вопрос извечный: в чём же смысл жизни
В круговороте судеб, лет и дней?
Ответ простой, с налётом укоризны, –
Весь смысл жизни, очевидно, в ней.

Так, вот, сразу и наверняка
Распознать: кто есть кто, вряд ли сможешь.
Умный может свалить дурака,
А дурак скорчить умную рожу.

Как живешь, что думаешь, чем дышишь?
Хорошо, когда все по уму.
Сам себя в историю не впишешь –
Нужен ты в ней больно-то кому.

Я жизнь свою, как азбуку, прочёл
От А до Я.
Где холодно было, где и горячо,
Зато - своя.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Валерий Сдобняков. Печаль и радость сердца моего.....	3
Юрий Александров. Верной дорогой	
Екатерина Данкова. Родова. История семьи.....	22
Михаил Смирнов. Палата №.....	29
Татьяна Солодкова. Шукшинская барышня.....	38
Евгений Татарников. Карбит и пейджер. Отцы и дети.....	60
Светлана Чернышёва. Дружба творит чудеса.....	70
Валерий Румянцев. Во сне и наяву.....	88
Сергей Хоршев-Ольховский. Новеллы.....	153

ПОЭЗИЯ

Александр Михайлов. Земные заботы Николая Ерёмкина.....	9
Николай Ерёмин. Из книги четверостиший.....	12
Пётр Свистунов. Стихи.....	20
Евгений Харитонов. России верные сыны.....	42
Евгений Степанов. По земной дороге.....	46
Наталья Пунжина. Стихи.....	52
Мария Козлова. Моей земле.....	57
Гурген Баренц. В русском поле и простор, и ширь.....	62
Александр Дьячков. Былое и dom.....	64
Яков Шафран. Думою я там.....	110
Александр Богданов. Стихи.....	134
Екатерина Громова. Стихи.....	142
Александр Балтин. Поэтические лучи Сергея Прохорова.....	158
Сергей Прохоров. Страдать и петь.....	160

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла Новикова-Строганова. Он в душе человеческой живёт.....	84
Анатолий Казаков. Дорогая встреча.....	100
Ефим Гаммер. Прыжок в небытие.....	112
Елизавета Шабуняева. Сказание о забытом граде.....	116
Редакция журнала “Приокские зори”. Писатель, редактор, учёный.....	138
Ирина Катова Исповедь эмигранта.....	144

ПРОБА ПЕРА

Абдулох Абдумоминов Новогоднее волшебство	69
Александра Дымовских. Две подруги.....	76
Яна Ларионова. Освобождение города.....	80

**Некоммерческое объединение творческих сил
«Литературно-художественный и публицистический журнал «Истоки»**

Основатель и главный редактор -
С.Т. Прохоров

Редколлегия:
Н.Н. Ерёмин, Л.А. Енцова, Е.С. Данкова

Корректор Л.А. Енцова.

Адрес редакции: 663850, Нижний Ингаш,
ул. Ленина, 20 «А», кв. 1.

Телефон рабочий: 8-391-71-21-3-45;
сотовый: 8-983-160-35-06;
8-999-445-72-03

E-mail: proh194216@yandex.ru

Сайт журнала: <http://istoc.3dn.ru>

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
При перепечатке материалов ссылка
на «Истоки» обязательна.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Формат Б5
Изготовлено в типографии
«ЛИТЕРА-ПРИНТ»
Красноярск, ул. Гладкова, 6.
Телефон: 950-340

*(Продолжение Начало на 2-й
странице обложки)*

Почти весь тираж поэтического сборника «Гимнастика ума» автор подарил библиотекам Нижнеингашского района, в том числе и школьным.

В эту книгу вошли новые стихи автора, опубликованные с 2020 года на поэтическом портале Стихи.ру под рубрикой Гимнастика ума. Отзыв о книге написал известный московский литературный критик Александр Балтин, отметивший живость и открытость стихов, а также молодость души автора.

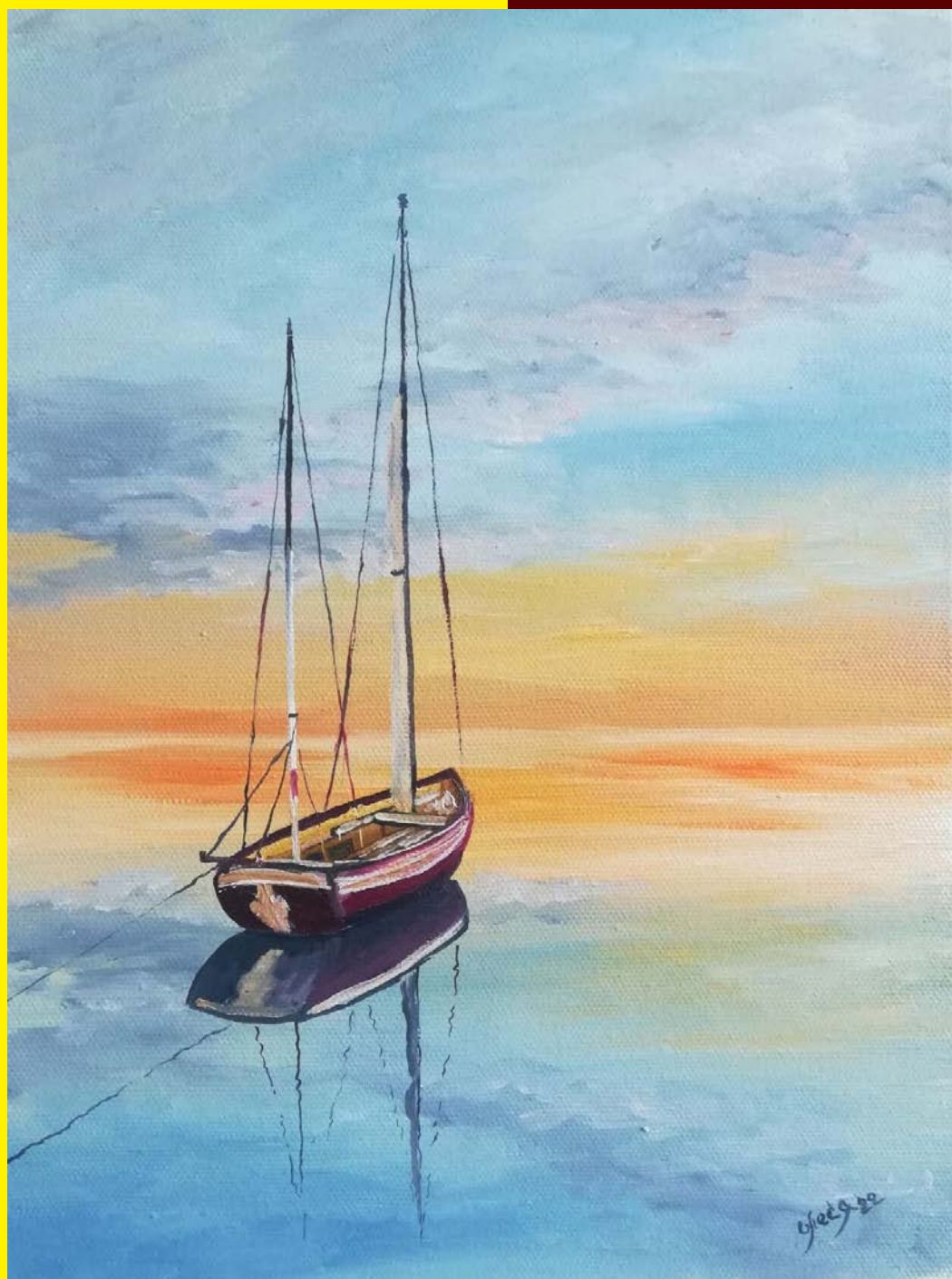
Заместитель Главы Нижнеингашского района Е.В. Чернышенко вручила С.Т. Прохорову Памятный адрес со словами благодарности за его писательский труд, за талант и благотворительность и пожелала доброго здоровья, творческого долголетия и процветания его журналам. Давний друг С.Т. Прохорова, коллега по журналистской работе и его добрый критик, талантливая писательница и поэтесса Е.С. Данкова, вспоминая былые годы совместной работы в редакции газеты «Победа», высказала слова поддержки и одобрения автору. А юное поколение она призвала быть начитанными, любознательными, активными, уважительными к старшим, любить свою малую родину и гордиться ею и её замечательными людьми.

Поклонники и почитатели таланта Сергея Тимофеевича декламировали стихи из нового сборника, которые особенно легли им на душу. А О.Ю. Шумкова и В.Н. Дубинко провели гадание по-прохоровски, зачитывая стихи по названной наугад всеми желающими странице из сборника. И сам автор порадовал всех присутствующих чтением стихов, а затем вручил представителям двух нижеингашских школ свои книги. Восторг и восхищение творчеством поэта выразили руководитель иланского литературного объединения «Родничок» Т.Ф. Лыскова и читательница Е.И. Алексеева. Встреча получилась очень позитивной и познавательной, особенно для детей.

С новой книгой, дорогой Сергей Тимофеевич!

Марина СОКОЛОВА,
главный библиотекарь
Нижнеингашской
центральной библиотеки имени Н.С.
Устиновича.
Фото **Виктора Митина**

В мечтах.
Худ. Олеся Кищенко